

В. В. КЛЕПЦОВ

**ВРЕМЯ И СУДЬИ
БЕЗ ГРИМА**

АРХАНГЕЛЬСК, 2000

В. В. КЛЕПЦОВ

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

КЛЕПЦОВ Василий Васильевич родился в 1924 году, с 1942 года по 1947 год служил в рядах Советской Армии, является участником Великой Отечественной войны, награжден тремя орденами и многими медалями. После демобилизации из армии окончил в 1949 году с отличием очную Новосибирскую юридическую школу, а в 1954 году – заочно Новосибирский филиал Всесоюзного юридического заочного института.

В судебных органах и органах юстиции проработал более 20 лет членом и заместителем председателя Кемеровского областного суда, председателем Архангельского областного суда, начальником отдела судов Министерства юстиции СССР.

С 1972 года по 1990 год работал заведующим юридическим отделом ВЦСПС. В настоящее время пенсионер, является федеральным судьей в отставке.

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasily Vasilyevich KLEPTSOV was born in 1924, served in the Soviet Army (1942-1947). He took part in the Great Patriotic War, was awarded three orders and many medals. After his military service he studied in the Novosibirsk Law School and graduated from it with honours in 1949. In 1954 he graduated from the distant department of the All-Union Law Institute in Novosibirsk.

He has worked in the juridical bodies for 20 years and held the positions of the Member and the Vice-Chairman of the Kemerovsk Regional Court, the Chairman of the Arkhangelsk Regional Court, the Court Division Chief at the Ministry of Justice of the USSR.

From 1972 till 1990 he has worked as a head of juridical department of the All-Union Central Council of Trade Unions. Now he is a pensioner, a retired federal judge.

The League of Science and Education
Development (Russia)

The Society of Russia Revival (Italy)

The International ACADEMY of MANAGEMENT
(Arkhangelsk)

V. V. KLEPTSOV

TIME AND JUDGES UNVARNISHED

A NOVEL

ARKHANGELSK
International
«ACADEMY of MANAGEMENT»
2000

Лига развития науки и образования
(Россия)
Общество возрождения России (Италия)
Международный ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
(г. Архангельск)

В. В. КЛЕПЦОВ

ВРЕМЯ И СУДЬИ БЕЗ ГРИМА

ПОВЕСТЬ

АРХАНГЕЛЬСК
Международный
«ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ»
2000

Автор В.В. Клепцов

By V.V. Kleptsov

Ркомендовано к изданию редакционно-издательским советом МИУ.

Recommended for publication by the editorial-publishing board of the IAM.

Клепцов В.В.

К 48 **Время и судьи без грима** / Предисл. А.Н. Ежова; Вступ. ст. М.П. Соболева; Введ. М.Г. Аверина. – Архангельск: МИУ, 2000. – 192 с.

ISBN 5-8382-0027-8

Автором затронута тема, о которой в нашей литературе мало кто писал или пишет. Показана внутренняя жизнь суда, работа судей, их быт, взаимоотношения между собой и с работниками других правоохранительных органов.

Повесть охватывает период времени от Великой Отечественной войны и вплоть до начала перестройки 1985 года. Автор рассказал о смене поколений судей, о реорганизации судебной системы и вмешательстве партийных органов в судебную деятельность, нарисовал разные типы судей. Главное достоинство произведения – достоверность рассказа об интересных судебных делах. Повесть заслуживает того, чтобы быть прочитанной.

ББК 84-4(2Рос=Рус)6

Kleptsov V.V.

Time and Judges Unvarnished / Foreword by A.N. Yezhov; Preface by M.P. Sobolev; Introd. by M.G. Averin. – Arkhangelsk: The IAM, 2000 – 192 p.

ISBN 5-8382-0027-8

The author views the subject which has been a rare issue in our literature. In his book he depicts the court activities, the work of judges, their mode of life, their interrelations between each other and the workers of other law enforcement agencies.

The novel covers the period of time from the Great Patriotic War up to the beginning of Russian perestroika of 1985. The author tells us about the change of generations of judges, reorganisation of juridical system, and communist party interference into the court proceedings. He also tries to depict various characters of judges. The merit of the book is the trustworthy narration of interesting court cases. The novel is worth reading.

ISBN 5-8382-0027-8

© Клепцов В.В., 2000

© Издательство международного

«ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ», 2000

Уважаемые читатели!

Выход в свет в издательстве нашего института редкой по содержанию книги В.В. Клепцова «Время и судьи без грима» – первого литературно-художественного произведения – совпал с событием почти эпохального масштаба для российского судейского корпуса – V Всероссийским съездом судей.

На нём председатель Архангельского областного суда М.Г. Аверин избран членом президиума Совета судей России, с чем мы искренне поздравили Михаила Григорьевича в декабре 2000 года во время его выступления в институте на заседании открытой кафедры (заведующий М.П. Соболев – автор вступительной статьи), посвящённом актуальным вопросам судебной реформы в нашей стране.

С исключительным вниманием М.Г. Аверин отнёсся к изданию книги В.В. Клепцова, считая своим долгом перед автором личностную причастность к рождению данной повести.

Добрые деловые отношения областного суда и института развиваются в рамках Договора о творческом сотрудничестве, подписанного 2 июля 1999 года в Архангельске в Марфином доме на выпускном вечере.

Одним из самых важных общественно значимых и культурных событий в жизни нашего региона станет презентация произведения В.В. Клепцова при его личном участии. Такие торжественно-памятные мероприятия становятся традицией в вузе и оставляют неизгладимое впечатление в сердцах студентов на долгие годы.

С уважением президент-ректор,
почётный работник высшего
профессионального образования
Российской Федерации

А.Н. ЕЖОВ

НУЖНО ДОБИТЬСЯ, ЧТОБЫ В НАРОДЕ ГОВОРИЛИ: СУД – ЭТО ПРАВДА

Настанет ли в России такое время, когда законы будут исполняться? Эта фраза нашего президента В.В. Путина, сказанная им в известном интервью популярному американскому журналисту Ларри Кингу, как нельзя лучше выражает ожидания всего российского общества.

Исторический опыт показывает, что первой и необходимой предпосылкой успешных реформ в любом государстве является правовая реформа (будь то Гражданский кодекс Наполеона или судебная реформа Александра II), результатом которой становится утверждение закона и законности во всех сферах жизни общества. Вторая предпосылка – укрепление самого государства. В России последних лет происходил демонтаж государства параллельно с торжеством беззакония, разрушением правоохранительных органов, судебной системы и самого правосознания. Государство и общество не имели стратегической цели, не ставили перед собой никакой глобальной задачи, что признал в своих мемуарах сам Б.Н. Ельцин. Мы не были ни целым, ни единым государством, ни обществом граждан, которых хоть что-то между собой объединяет. А ведь сила и крепость любого государства – в готовности его правительства и его граждан подчиниться закону на основе доверия к нему. Именно неуважение и нелюбовь к закону, откровенное презрение к нему и сделали возможными те негативные процессы, итогом которых стала деградация самого Российского государства.

Закон – не набор статей Конституции РФ, УК РФ, УПК РСФСР, Гражданского кодекса и т.д., а юридическое закрепление того порядка вещей, который граждане государства признают справедливым, правильным, разумным. Само представление о «правильности» нетождественно в различных

социальных средах, но оно есть везде. Таким образом, главное в правовой реформе – это восстановление взаимного доверия государства и граждан и, соответственно, восстановление доверия и государства и граждан к закону. На смену периоду «ломки», неопределённости должна прийти стабильность, основанная на законе. Первое консолидирующее начало – научиться жить по праву. На всех уровнях власти новые люди с правовым мышлением обязаны делать только то, что заложено в праве, то, что правильно, оправданно, справедливо. Такое государство и будет правовым. К сожалению, в России и сейчас зачастую правят не законы, а люди. Ещё в начале века П.А. Столыпин сетовал: «Во всём мире – диктатура закона, а у нас – понятие о справедливости».

Далеко не последнюю роль в начавшейся реформе государственной власти играет судебная система, которая собственно и есть самостоятельная ветвь этой власти. Только беспристрастная, независимая и хорошо отлаженная судебная система может реально защитить человека и его права. Этой осенью реформа судебной системы России, образно выражаясь, перешла в десятый класс. В октябре 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял представленную президентом страны Концепцию судебной реформы России. Несмотря на трудности, а иногда и противодействие развитию судебной реформы, можно констатировать: судебная власть состоялась, она способна сегодня защитить права человека, интересы общества и государства. Этот главный итог огромной проделанной работы отмечен в постановлении V Всероссийского съезда судей, прошедшего 27–29 ноября 2000 г. Председатель Верховного суда РФ В.М. Лебедев считает, что заложены прочные основы судебной власти. Во-первых, она получила неограниченную компетенцию по защите прав граждан, юридических лиц, общественных объединений и государства. Сейчас любой человек имеет возможность отстаивать свои права в суде. Во-вторых, создан механизм реализации этих прав, установлена ответственность за неисполнение судебных решений. Сформирован институт приставов и приставов-исполнителей. Принят пакет законодательных актов, очень важных для правосудия. После IV (чрезвычайного)

Всероссийского съезда судей (декабрь 1996 г.) введены в действие федеральные конституционные законы «О судебной системе Российской Федерации», «О военных судах Российской Федерации», федеральные законы «О судебных приставах», «Об исполнительном производстве», «О финансировании судов Российской Федерации», «О Судебном департаменте при Верховном суде Российской Федерации», «О мировых судьях в Российской Федерации» и др. Перечисленные законы приняты по законодательной инициативе и при активном участии Верховного суда РФ.

Однако неоправданно затягивается принятие других крайне необходимых законов. В частности, более двух лет Госдума Федерального собрания РФ не рассматривает проект федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», внесённый президентом страны. В течение нескольких лет не принимается подготовленный ко второму чтению проект федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации». «Завис» законопроект «О приведении штатной численности судей и работников аппаратов федеральных судов общей юрисдикции в соответствие с нормами нагрузки», внесённый Верховным судом РФ, а также проект федерального закона «Об увеличении штатной численности судей и работников аппаратов арбитражных судов», внесённый Высшим арбитражным судом РФ. До сих пор не приняты новые УПК РФ (старый УПК РСФСР, которым вынуждены руководствоваться судьи, введён почти 40 лет назад!), Гражданский процессуальный кодекс РФ и проект новой редакции Арбитражного процессуального кодекса РФ, что, бесспорно, отражается на надлежащей судебной защите прав участников судопроизводства. Не случайно, что по запросам разных лиц Конституционный суд РФ вынес уже свыше 20 постановлений о несоответствии положений УПК РСФСР действующей Конституции России.

До настоящего времени не решена и проблема, связанная с реализацией конституционного права каждого гражданина на квалифицированную юридическую помощь. Проект федерального закона «Об адвокатуре в Российской Федерации» обсуждается в Госдуме в течение нескольких лет. По-

этому остаются нерешенными не только вопросы получения квалифицированной юридической помощи, но и вопросы относительно порядка оказания такой бесплатной специальной помощи для малоимущих слоёв населения. Предложения о создании в этих целях высокооплачиваемой, но муниципальной (бюджетной) адвокатуры пока не находят отклика. Остаётся весьма актуальным вопрос о безотлагательном приведении законодательства субъектов Российской Федерации в соответствие с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами. Достаточно отметить, что судами общей юрисдикции рассматривается ежегодно несколько сотен тысяч дел, возникающих из административно-правовых отношений, в том числе дел об оспаривании административно-правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и их должностных лиц. В арбитражных судах дела по спорам, вытекающим из административно-правовых отношений, составляют почти половину всех рассматриваемых дел. Разрешение административных дел в судах нуждается в совершенствовании.

В этой связи для деятельности судов общей юрисдикции имеет важное значение внесённый Верховным судом Российской Федерации в Государственную думу пакет проектов федеральных конституционных законов, в том числе закон «О федеральных административных судах в Российской Федерации», принятие которого будет способствовать эффективному разрешению указанной категории дел в условиях независимого осуществления правосудия.

Административное судопроизводство и административные дела Конституция РФ выделяет (статьи 118 и 126) из других категорий дел и видов судопроизводства, то есть административный суд – не чья-то «политическая прихоть», а не исполненное с 1994 года требование Конституции. Это категория дел, где граждане оспаривают действия и решения государства, органов власти, управления и должностных лиц. Сегодня у нас такие дела рассматриваются в огромной массе пяти миллионов гражданских дел. В то же время в Европе трудно найти страну, где бы не было административного суда. Это путь специализации судов по направлениям. Кстати, и федеральный конституционный за-

кон «О судебной системе Российской Федерации» предусматривает возможность создания специализированных судов. Верховный суд воспользовался своим правом законодательной инициативы, предложив не создание чрезвычайных судов, запрещённых Конституцией РФ, а исключительно конституционный путь учреждения административных судов посредством принятия федерального конституционного закона. В Верховном суде РФ будет самостоятельная коллегия по административным делам, такая же, как действующие сегодня коллегии по гражданским, уголовным делам, военная коллегия. Правительство предложило создать 10 судов (по аналогии с арбитражными федеральными судами) с численностью до 550 сотрудников и выделить на эти цели 83,7 миллиона рублей. Закон предложено ввести в действие с 2002 года. Верховный суд настаивал, чтобы закон вступил в силу с 1 января 2001 года, и предлагал создать 21 окружной суд (что не совпадало бы с административно-территориальным делением России) в целях повышения их объективности и независимости. Административные суды будут образованы в системе судов общей юрисдикции, они будут рассматривать дела, которые в настоящее время рассматриваются различными судами, в том числе арбитражными. Вот почему, приняв в первом чтении федеральный конституционный закон «О федеральных административных судах в РФ», депутаты обратили внимание на необходимость разграничения полномочий и компетенции существующих арбитражных судов и новых административных судов, так как административные дела (спору гражданина и предпринимателя с государством) уже сейчас составляют 46 процентов от общего числа дел, рассматриваемых в системе арбитражных судов. Идея создания специализированных административных судов получила поддержку президента страны В.В. Путина в его установочной речи на V Всероссийском съезде судей. Административный суд – не последний из специализированных судов. Возможно их появление по семейным делам, по делам несовершеннолетних, по патентным делам и других. Это нормальный путь развития демократического судопроизводства.

Естественно, на осуществление предлагаемых мер требуются немалые средства (дешёвого правосудия не бывает!).

Из-за их нехватки за прошедшие годы, например, суд присяжных так и не вышел за пределы эксперимента в девяти субъектах РФ. 15 декабря 1993 года в России (Саранске) впервые за 78 лет состоялось заседание суда присяжных. Впрочем, право на суд присяжных является конституционной нормой. Каждый гражданин имеет право на слушание его дела в суде присяжных, значит, это право ему должно быть предоставлено.

Торможение судебной реформы объясняется не только нерасторопностью депутатского корпуса, но и недостатком штатной численности самого судейского корпуса (в стране по штату 16 742 человека вместо необходимых 36–38 тысяч судей). А количество дел со времени начала реформы возросло в 2–3 раза: ежегодно судами рассматривается более пяти миллионов гражданских, почти 1,3 миллиона уголовных дел да ещё 1,8 миллиона дел об административных правонарушениях. Одной из острейших проблем остаётся нарушение сроков рассмотрения дел. Больше трёх тысяч человек в следственных изоляторах ждут решения своей судьбы от года до двух лет, 400 человек – от двух до трёх лет, и 41 подсудимый – больше трёх лет!

Перегруженность судей (нагрузка превышает все допустимые нормы!) неизбежно ведёт к судебным ошибкам. Где же выход из создавшегося положения? В качестве первого шага, считает председатель Верховного суда РФ В.М. Лебедев, необходимо реализовать закон о мировых судьях. В настоящее время в 33 субъектах Федерации (Ростовской, Брянской, Пензенской, Саратовской, Архангельской и других областях) уже работают 1 065 мировых судей (их должно быть более шести тысяч во всех субъектах РФ). Они возьмут на себя 60 процентов гражданских дел, все уголовные дела, где наказание предусмотрено до двух лет лишения свободы, а в перспективе – и дела об административных нарушениях. Мировых судей избирают в субъектах РФ по законам самих субъектов (по территориальному принципу, один судья на 15–30 тысяч жителей, в зависимости от специфики размещения населения, то есть суды наиболее приближены к людям), но не более чем на пять лет. Мировые судьи рассматривают дела единолично. Большую роль в их деятельности

должно получить примирительное начало, поиск компромисса между спорящими сторонами. Решение мирового судьи можно обжаловать в районном суде в апелляционном порядке. Понятно, что быстрое и качественное разрешение судебных дел и своевременное исполнение вступивших в силу судебных актов немыслимы без надлежащего кадрового, финансового и материально-технического обеспечения работы судов.

Очевидно и то, что единственным источником жизнедеятельности судебной системы является федеральный бюджет (статья 124 Конституции РФ). Понимая, что без обеспечения безусловного исполнения законов на всей территории России невозможно продвигать дальше экономическую реформу, правительство РФ в утверждённой программе «шести приоритетов», на которых будут сосредоточены основные госресурсы, предпочтению отдало развитию судебной системы и судебной реформе (финансирование увеличивается с 3,4 миллиарда рублей в 1998 г. до 11 миллиардов в 2001, а необходимо не менее 30 миллиардов рублей). Указом президента В.В. Путина от 24 ноября 2000 г. N 1929 с 1 декабря 2000 г. повышены в 1,2 раза должностные оклады судей. Для действительной независимости суды должны быть в первую очередь независимы финансово. И это самое главное, что следует решать в ходе реформы, считает В.М. Лебедев. Судам будут помогать – таков основной лейтмотив речи президента В.В. Путина на съезде судей. По его словам, главное достижение последних лет, своеобразный итог состоявшейся судебной реформы – это независимость судей.

Но это только одна сторона медали. А вот другая, как отметил президент, – «независимость судебной власти – никогда не должна превращаться в личную независимость судей». В.В. Путин привёл такую серьёзную цифру: за последние три года квалификационными коллегиями прекращены полномочия 360 судей. Почти все они отстранены от работы из-за предвзятости и необоснованного затягивания сроков рассмотрения дел, фальсификации судебных документов. У большинства судей (корпоративная ментальность) доминирует весьма консервативный подход ко многим процедурным моментам. Например, судейским сообществом с

неодобрением была воспринята идея о введении в состав квалификационных коллегий, которые решают вопросы отстранения судей от должности, не только представителей судейской корпорации, но и юридической общественности. Другой пример: процент отмены и изменений приговоров в высших инстанциях настолько ничтожен, что неизбежно наводит на мысль либо о поверхностном рассмотрении многих дел, либо о корпоративной солидарности судейского сообщества, не готового признавать ошибки своих коллег. Но ломать всю систему, несмотря на критику, президент не считает нужным. «Полезнее добиться эффективной работы того, что уже сложилось и действует, чем реконструкция и ломка всей системы в целом», – уверен В.В. Путин. По его словам, в судебной системе страны сегодня «поубавилась наступательность и решительность», что свидетельствует о необходимости ускорить проведение судебной реформы. Президент поддержал стремление руководителей судейской корпорации закончить в ближайшие 2–3 года затянувшуюся судебную реформу, он отметил, что никаких новых вариантов её не будет.

Разрешением проблем, обозначенных на съезде, займётся созданная главой государства рабочая группа во главе с заместителем главы администрации президента Дмитрием Козаком, которая к 15 апреля 2001 года должна представить результаты своей работы. Предметом рассмотрения этой группы станет и столь болезненный вопрос о сроках пребывания судей в должности. Спорный момент – принцип пожизненности пребывания в должности судьи и несменяемости судей – привел к противостоянию позиций практически всего судейского корпуса и сторонников более жёсткой ротации судей. Пожизненное назначение судей вкупе с их несменяемостью и неприкосновенностью считаются серьёзными достижениями демократического правосудия. Называя себя сторонником перемен, когда они обоснованы, В.М. Лебедев всеми силами отстаивает старую «пожизненную» модель. Он призывает открыто обсуждать вопрос, а не спешить с категоричными выводами. Министр экономического развития и торговли Герман Греф, наоборот, настойчиво добивается отказаться от практики пожизненного назначения судей на

должность. Это, считает один из ведущих экономистов-реформаторов, расхолаживает судей и не стимулирует их к профессиональному росту. К сожалению, практика судопроизводства показывает правоту слов Г. Грефа. Судя же по выступлению президента, поиски компромиссного варианта продолжаются. Хотя В.В. Путин и не назвал конкретных сроков пребывания судей в должности, которые ему кажутся предпочтительными, стало ясно, что система будет меняться: достаточно одного президентского упоминания о «необходимости совершенствования процедуры освобождения и назначения на должность и введения конкурсной системы».

Приговор недореформированной судебной системе ещё не вынесен. Реформа – дело государственное и должна осуществляться на государственном уровне всеми ветвями власти. Для определения сроков завершения реформы нужна государственная целевая программа. Выработкой предложений по стимулированию реформы судебной системы страны занимается и созданная юридическим факультетом МГУ, Институтом законодательства и сравнительного правоведения при правительстве РФ и другими юридическими и физическими лицами новая некоммерческая организация – «Российский фонд содействия судебной реформе». Основная задача Фонда в том, чтобы объединять усилия различных судебных систем и стараться выработать согласованные правила, которые – и это главное – помогут гражданам решать свои конфликты и споры. В его попечительский и общественно-консультативный советы вошли известные юристы: учёные и практики. Все проекты Фонда (разработка проектов Арбитражного и Гражданского процессуальных кодексов РФ, программа повышения квалификации судей Москвы, ведущих гражданские дела, разработанная Верховным судом РФ, открытие представительств в Петербурге, Нижнем Новгороде и Екатеринбурге) финансируются за счёт взносов его участников и пожертвований как от российских структур, так и из-за рубежа. Кстати, в кулуарах съезда многие делегаты с недоумением, а то и горечью говорили о реальной опасности «коммерциализации» судов в связи с учреждением этой организации, фактически являющейся механизмом

финансового влияния на судебных работников. А ведь между тем ещё в 1996 году государственными структурами (администрацией президента РФ, Министерством юстиции РФ, Министерством финансов РФ, Российской академией наук) создан Российский фонд правовых реформ, финансируемый из бюджета и занимающийся также судебной реформой. Чем не механизм для реализации идеи о целевом фонде, где обезличенно аккумулировались бы денежные средства всех желающих содействовать развитию судебной реформы? Так или иначе, но даже все иностранные инвесторы открыто говорят: развитие экономики невозможно без нормальной судебной системы. Это понимают и властные структуры, и деловые круги, и граждане, которые готовы оказать помощь в проведении судебной реформы. Как подчеркнул президент страны В.В. Путин, завершая свою речь на съезде судей, нужно добиться, чтобы в народе говорили: суд – это правда.

Проректор по международным,
межрегиональным
отношениям и связям
с общественностью

М. П. Соболев

М. П. СОБОЛЕВ

9 декабря 2000 г.

THE JUDGES HAVE ALWAYS BEEN ENTHUSIASTIC ABOUT THEIR WORK

The book you are holding is an unusual one. It is a book written by a judge and about judges and the hard job of theirs. It is not written by a professional writer, but a man who has dedicated the major part of his adult life to a difficult job – that is trying people and making judgements.

Generations of judges follow each other. The wartime generation has given place to those who perceive such notions as 'war', 'Stalin', 'the Khrushchev thaw' as history. Irrespective of it, all of them have been worth the high title of Judge during their lifetime and have consistently stood up for the principles of justice.

Both the author and his character Kuznetsov, as well as a lot of us took a judge-seat right after the graduation. Our main life experience was getting hardened by a two-year military service. A short period of being a member of a factory workgroup provided me with the first vital experience of communication with people, showed me both positive and negative sides of life, taught me how to find compromises in solving life problems every day. Great is the help it gives when being a novice judge.

Unforgettable is the excitement of a law school graduate, when he is assigned to a court as a judge. What will the welcome of your new colleagues be? How are they going to treat you?

It should be taken into consideration that the Arkhangelsk region always heartily welcomed young lawyers. As a rule, social matters had been settled before a young specialist arrived. There was hardly any trouble with dwelling, a job for the spouse, or a place for a child in the kindergarten or school.

When giving our consent to work in the courts of the Arkhangelsk region, we neither cherished illusions, nor made 'napoleonic' plans. We did not think of carrying a lawsuit, neither did we imagine how on behalf of the state – the Russian Soviet Federative Socialistic Republic – we will be passing our judgements and sentences.

СУДЬИ ВСЕГДА БЫЛИ ЭНТУЗИАСТАМИ СВОЕГО ДЕЛА

Перед читателем необычная книга. Книга, написанная судьей о судьях, об их непростой работе. Книга, написанная не профессиональным писателем, а человеком, который большую часть своей сознательной жизни отдал нелегкой работе – судить других людей.

Меняются поколения судей. И на смену поколению военной поры пришли те, для которых понятия «война», «Сталин», «хрущевская оттепель» воспринимаются как история. Но все они на протяжении всей своей жизни высоко несут звание Судьи и последовательно отстаивают принципы правосудия.

Как автор книги и его герой Кузнецов, так и многие из нас заняли судейское кресло сразу после студенческой скамьи. Весь наш жизненный опыт в основном заключался в армейской закалке, которую получили за два года срочной военной службы. Небольшой период работы в рабочем коллективе на производстве дал первый жизненный опыт общения с людьми, показал не только положительные, но и отрицательные стороны жизни, научил находить компромиссы в решении жизненных проблем. Как это пригодилось на первых порах в работе судьи!

На всю жизнь запоминается волнение, которое испытывает молодой выпускник юридического института, получивший распределение на работу в должности судьи. Как встретят будущие коллеги, как отнесутся к тебе?

Следует отметить, что Архангельская область встречала молодых юристов всегда приветливо. Социальные вопросы, как правило, решались еще до приезда молодого специалиста. Не было больших проблем с жильем, с местом работы для супруги, устройством ребенка в детский сад или школу.

Давая при распределении согласие работать в судах Архангельской области, мы не строили больших иллюзий, «наполеоновских» планов, представляя, как будем вести судебный процесс, как от имени государства – Российской Советской Федеративной Социалистической Республики – будем провозглашать свои решения и приговоры.

I recall the first workday. The first case examined. The recollection of that first sentence passed is certain to stay in my memory for the rest of my life. Feels excited like dating for the first time. There is much anxiety and hesitation. Has everything been done according to the law, will the sentence prove correct, is it not going to be altered by the Regional Court, is the qualification of the crime right, and finally is the sentence just. And you feel a load off your mind when your first case comes back from the Regional Court and you read: "the sentence is to be unaltered". For the long period of work in court there would be examined a good number of cases, both criminal and civil, but the first sentence is sure to stay in memory till the end of your days.

In 60"s-70"s the salary of a judge was not big, the responsibility outstripping it manyfold. Despite this, the judges had always been enthusiastic about their work. It was not for the salary, but for the principles they had learnt in colleges that they worked almost twenty four hours a day. Sometimes the judges came home only to have a nap. Female judges could pay attention to their families only during breaks in the investigation of criminal and civil cases.

Those days judges were required not only to carry legitimate and well-grounded judgements and sentences, but also to do a lot of work to prevent crime. Lecturing, accounting to the electors, press publications upon juridical issues, examinations of cases by the out-court legal sessions held at some enterprises – it is yet an incomplete list of the duties the judge was to perform besides his regular work.

The court staffs were friendly and united, though few in number. We were together on all kinds of occasions, both official holidays and family celebrations. Everybody knew everything about each other. We shared our joys and sorrows.

Without any adornment the book depicts the activities of the court. It was not always that the judges' behaviour satisfied the high requirements of morality. But the basic part of the juridical corps met people's demands. Thanks to this, Court (written with a capital letter) preserved its predestination, in spite of the hard time the whole juridical system endures. Court is still a body, where you can get protection from injustice, restore your good name and punish the law-breaker.

Первый день работы. Первое рассмотренное дело. Конечно, на всю жизнь сохраняется память о первом вынесенном приговоре. Волнение, как на первом свидании. Тревоги и сомнения: все ли сделано по закону, «устойт» ли приговор, не изменит ли его областной суд, правильно ли дана квалификация преступления и назначено наказание. И спадает «гора с плеч», когда первое рассмотренное тобою уголовное дело возвращается из областного суда и читаешь: «приговор оставить без изменения». За долгие годы работы в суде много будет рассмотрено дел и уголовных, и гражданских, но первый приговор запомнится на всю жизнь.

Зарботная плата судьи в 70 – 80-х годах была небольшой, ответственности было несоизмеримо больше. Но судьи всегда были энтузиастами своего дела. Не за зарплату, а за принципы, которые воспитывали в институтах, приходилось работать практически круглосуточно. Домой судьи приходили подчас только за тем, чтобы поспать. Женщины-судьи занимались семьей в перерывах между рассмотрением уголовных и гражданских дел.

В те времена к судьям предъявлялись требования не только выносить законные и обоснованные решения и приговоры, но и вести большую профилактическую работу. Чтение лекций, отчеты о работе суда перед избирателями, публикации в газетах на правовые темы, рассмотрение дел в выездных судебных заседаниях в трудовых коллективах – это неполный перечень того, что делалось судьей помимо его непосредственной работы по осуществлению правосудия.

Трудовые коллективы судов были небольшие, но дружные и сплоченные. Все вместе отмечали праздники, и не только государственные, но и семейные. Все знали друг о друге все. Вместе переживали горести и радости.

В книге показана без приукрашивания внутренняя жизнь суда и его работников. Не всегда поведение людей, занимающих судебское кресло, в полной мере соответствовало нормам морали и нравственности. Но основной «костяк» судебного корпуса отвечал тем требованиям, которые предъявлял ему народ. Благодаря им, несмотря на тяжелые времена, которые судебная система переживает в настоящее время, Суд (с большой буквы) сохранил свое предназначение орга-

Those who know the author, can easily recognize their acquaintances in the characters.

In Alexander Alexandrovich Yamov we can recognize Alexei Alexejevich Yashkin, a former chairman of the Arkhangelsk Regional Court. Koukharjova's prototype is Zinaida Viktorovna Koukhtina. A member of court Nina Trophimovna Galaktionova in reality is Iljina Trophimovna Galaka. One of the best chairman of regional courts – Teterev - is in fact chairman emeritus of the Severodvinsk City Court. They devoted all their lives to justice.

Those who know the prototypes can agree or disagree upon the estimate of the characters. That is the matter of personal viewpoint and it is what gives the book its unique peculiarity.

The main thing is that they taught their family members to love the difficult work of a lawyer. For instance, in the family of A.A.Yashkin the law has become a family occupation. His daughter Tatyana Zikina is a lawyer-scientist, bachelor of law; his grandson has graduated from the Faculty of Law in the Pomor State University, his son-in-law also got a lawyer diploma.

The veteran judges who have devoted all their lives to the work in court...

I wish I could name each of them. I.I.Semenov, one of the merited senior judges, is known both in the region and the whole Russia. He has given forty years to the work in court. G.I.Bistrova, V.S.Toulisova, V.N.Skoutin, N.D.Papoulov, F.S. Vokhminova and others. Actually, neither the time nor the size of this book would be enough even to enumerate all of them and say something about everybody. But I hope that this book will enable them to look over the past years and let the young know how their predecessors did their work.

The Chairman of the Arkhangelsk Regional Court,
the Presidium Member of Russian Council of Judges,
the Honourable Lawyer of the
Russian Federation.

M.G.AVERIN

Translated by A. Sidorchuk

© Аверин М.Г., 2000

© Сидорчук А., пер. на англ. яз., 2000

на, в котором можно найти защиту от несправедливости, восстановить доброе имя и наказать виновного.

Те, кто знает жизненный путь автора и судейскую среду г. Архангельска, легко узнают в героях своих знакомых.

В Александре Александровиче Ямове мы узнаем бывшего председателя Архангельского областного суда Алексея Алексеевича Яшкина. В Кухаревой – Зинаиду Викторовну Кухтину. Член суда Нина Трофимовна Галактионова – Ильина Трофимовна Галака. Представленный в книге один из лучших председателей судов области Тетерев – бывший председатель Северодвинского городского суда В.М. Тетеркин. Они посвятили всю свою жизнь служению правосудию.

Тот, кто знает прототипов, может соглашаться или не соглашаться с оценкой, которую дает автор своим героям. Но это его точка зрения. Это и придает неповторимое своеобразие данной книге.

Самое главное заключается в том, что любовь к нелегкому труду юриста они прививали близким людям. Так, у А.А. Яшкина профессия юриста стала семейной: дочь Татьяна – ученый-юрист, кандидат юридических наук, внук окончил юридический факультет Поморского государственного университета, получил юридическое образование и его зять.

Судьи-ветераны, отдавшие всю свою жизнь судебной работе... Каждого из них хочется назвать поименно. Это И.И. Семенов – один из старейших судей не только в области, но и в России, 40 лет отдавший судебной работе. Г.И. Быстрова, В.С. Тулисова, В.Н. Скутин, Н.Д. Папулов, Ф.С. Вохминова... Но не хватит ни времени, ни этой книги, чтобы всех их перечислить и рассказать о каждом, но можно надеяться, что данная книга позволит им, оглянувшись назад, вспомнить прожитые годы, а молодым узнать, как работали их предшественники.

Председатель Архангельского областного суда,
член президиума Совета судей России,
заслуженный юрист
Российской Федерации

М.Г. АВЕРИН

В. В. КЛЕПЦОВ

ВРЕМЯ И СУДЬИ БЕЗ ГРИМА

TO THE READER

*Dedicated to the good memory
of the remarkable judges –
Frolova Nina Alexandrovna,
Teterkin Valentin Mikhailovich
and Honoured Lawyer of the RSFSR
Pustchin Yuri Nicolaevich.*

Dear reader!

This story is written by the author on the basis of his own almost a quarter of century's experience of having worked in courts. Neither memoirs nor an autobiography, it is rather an attempt of artistic consideration of some events and destinies. Though nearly all the characters in the story have their prototypes.

Nowaday's reality made me take up a pen and write about the C.M. and the judges who had worked in the Soviet era. In the time of Soviets it was not common practice to write truthfully about the situation in the court. It is explained by the fact that in such an essay it was not permitted to mention the party bodies and their influence on court functioning, and the occasional undisguised interference in the legal proceedings they inflicted. The discussion of the latter was forbidden at all. But it was even worse with the availability of any truthful information about the work of court and judges in those years. They are written practically nothing about or only disreputable essays that should not be confused for the truth. Most judges were and are most great toilers. The closely take to heart what they have to deal with in their work. Judges always try to help the poor and defenceless. Likewise all honest people, they cannot stand evil, deception, hypocrisy, careerism and greediness. Nevertheless, they ought not to show their attitude openly towards these human vices as they are obliged to be judicial by their position.

This story may as well be of help to a part of the young men as to a better and more profound knowledge of our past. Meanwhile it can back up one's belief in kindness and justice.

With very best wishes,

V. KLEPTSOV

*Посвящается светлой памяти
замечательных судей -
Фроловой Нины Александровны,
Тетеркина Валентина Михайловича,
заслуженного юриста РСФСР
Пущина Юрия Николаевича.*

Уважаемый читатель!

Настоящая повесть написана автором на основе собственного опыта работы в судах на протяжении почти четверти века. Но это не мемуары и не автобиография, а попытка художественного осмысления событий и судеб, хотя почти все персонажи этой повести в жизни имели своих прототипов.

Взяться за перо и рассказать о суде и судьях, работавших в советское время, меня заставила сегодняшняя действительность. Писать о суде правду в советское время было не принято, так как в таком произведении нельзя было сказать о партийных органах, об их влиянии на работу суда, а иногда и о прямом вмешательстве в судебную деятельность. Эта тема вообще была запретной. Но еще хуже обстоит дело с правдивой информацией о работе судов и судей тех лет. О них ничего не пишут или пишут только плохое, а это неправда. Судьи были и есть в основной своей массе величайшие труженики. Они с болью в сердце воспринимают все, с чем им приходится сталкиваться в своей работе. Судьи всегда стараются помочь старому и беззащитному, они, как и все порядочные люди, ненавидят зло, обман, лицемерие, карьеризм, жадность, но должность обязывает их быть беспристрастными, ничем не выдавая своего отношения к этим человеческим порокам.

Может быть, эта повесть поможет кому-то из сегодняшних молодых людей лучше и глубже познать наше прошлое, в ком-то поддержит веру в добро и справедливость.

С самыми добрыми пожеланиями

В. КЛЕПЦОВ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ВОЙНЫ

Весна 1945 года в Восточной Европе выдалась ранней и теплой. Советские войска безостановочно продвигались вперед, не давая врагу прочно закрепиться на каком-нибудь участке фронта. Вторая гвардейская воздушно-десантная бригада после тяжелых и кровопролитных боев под Будапештом и у озера Балатон вместе с другими воинскими частями взяла Вену и вот уже несколько дней в начале мая двигалась вдоль передовой линии фронта в сторону Праги.

Бригада шла по ночам ускоренным маршем, совершая за ночь от 35 до 40 километров, а днем солдаты и офицеры отсыпались в густом лесу. Поэтому солнечная погода для человека, которому нечего под себя подостлать, кроме веток деревьев, и нечем укрыться, кроме шинели и плащ-палатки, была как божий дар.

Обстановка на передовой даже по сравнению с началом 1945 года изменилась коренным образом. За всю неделю, пока бригада через поля и лес двигалась к указанному ей месту, ее ни разу немцы не бомбили и даже не обстреляли из стрелкового оружия. Солдаты видели, что все ночи на передовую наши автомашины, иногда даже с включенными подфарниками, подвозили боеприпасы, меняли позиции артиллеристы и танкисты. Солдаты в окопах на передовой, те, кто нес дежурство, играли на трофейных губных гармошках советские популярные фронтовые песни, а из агитмашин, разъезжавших вдоль передовой линии, объясняли немецким солдатам бесполезность их дальнейшего сопротивления и бессмысленность их жертв.

7 мая 1945 года бригада заняла на своем участке фронта исходные позиции и на следующий день должна была прорвать оборону немцев и двинуться на Прагу. В эти дни все – от солдата до генерала – чувствовали, что война вот-вот должна закончиться, и тем тяжелее было сознавать, что в канун победы, может, придется погибнуть. Прорыв обороны противника всегда связан с большими потерями: противник зарылся в землю, пристрелял местность, поставил множество мин как против пехоты, так и против танков и артиллерии.

Старший сержант Кузнецов, засыпая в своем окопе в последнюю ночь перед окончанием войны, слышал глухие взрывы немецких снарядов, рвавшихся где-то в стороне от расположения бригады, выстрелы скрипучих «Ванюш» (так между собой солдаты называли немецкий многоствольный миномет) и думал о своей глухой сибирской деревеньке и старушке матери, беспокоясь, как она, бедная, будет жить, если завтра его не станет. Перед утром ему снилось детство, как они, деревенские ребята, пекли в лесу в золе картошку и от костра шел сильный жар.

Кузнецов, очнувшись от сна, поразился тишине, стоявшей вокруг. Солнце в это время поднялось уже высоко, и его лучи сильно припекали ему бок, укрытый плащ-палаткой. Выглянув из окопа, он был удивлен еще больше: солдаты сидели не в окопах, а ходили вдоль них, демаскируя передний край и подвергая свою жизнь опасности.

На его вопрос, что происходит, несколько солдат сразу бросились ему объяснять: мол, фрицы, узнав, что на их участок фронта пришли десантники, уже вчера вечером начали отступление и всю ночь расстреливали боеприпасы и взрывали склады с оружием. Об этом нашему командованию, якобы, сообщили два гражданских чеха, которые утром пришли в расположение нашей части. Сейчас, по словам солдат, наши разведчики перепроверяют поступившую информацию.

Около 12 часов дня 8 мая вдоль окопов 2-й воздушно-десантной бригады проехал открытый легковой автомобиль, а находившиеся в нем два офицера во весь голос, извещая солдат и офицеров, кричали в громкоговоритель: «Ура, товарищи! Победа! Войне конец, немцы капитулировали!» Вот

тут-то из окопов высыпали все, кто в них находился, и на радости стали кричать «ура», бросать вверх шапки, стрелять вверх из автоматов и пистолетов. Ведь патроны больше не нужны, а радость беспредельна. Наиболее интеллигентные и чувствительные офицеры бросались обнимать друг друга, поздравляли с победой. Но слез ни у кого на глазах не было видно: на фронте их стеснялись, не мужское это занятие – разводить сырость, да и, наверное, за время многомесячных боев солдаты навиделись смертей, очерствели душой немного и пока еще не отошли от этого состояния.

Но чувство жалости и сострадания фронтовиков никогда не покидало, несмотря на жестокие бои и большие потери.

Первый мирный день в этих краях оказался очень солнечным. Природа тоже словно радовалась тому, что война, длившаяся целых четыре года, наконец-то закончилась и орудия замолчали.

Сержант Чапышин служил вместе с Кузнецовым в десантной бригаде со дня ее образования. Оба они были из Сибири, во многом походили друг на друга и поэтому дружили. В это первое послевоенное утро, наслаждаясь необычайной для фронтовой обстановки тишиной, они лежали вместе в густой траве и, глядя в чистое небо, рассуждали: «И зачем это люди воюют, чего им не хватает?» При этом оба пришли к одному и тому же выводу: лучше жить беднее, трудиться от темна и до темна, но только не воевать.

– Ты посмотри, Володя, – говорил Чапышин, обращаясь к Кузнецову, – ну чего им, этим европейцам, не хватало: в любой деревне в каждом дворе полно скота, в каждом бункере (там так называют погреба) полно вина, есть хлеб, сало, земля – чернозем полметра, нет, чтобы жить в свое удовольствие, полезли к нам, а зачем? Наши деревни по сравнению с их деревнями – это как богатый и бедный. У нас полгода стоит зима, лето короткое, в огородах растет картофель да капуста, во двор и в хлев к скоту нельзя войти – грязь по колено. А здесь во дворе асфальт, в хлеву автопоилки стоят, в огороде растут фруктовые деревья и даже виноград. Сейчас начало мая, а у них уже давно цветут фруктовые деревья и трава по колено. А у нас в Сибири, наверное, еще снег не стаял.

Кузнецов, слушая друга, молчал. Он был в душе согласен с ним.

Когда они шли с боями по территории Венгрии, то такие разговоры неоднократно возникали у солдат. Он вспоминал, как однажды на привале какой-то солдат, тоже, видимо, из Сибири, громко рассказывал: «Вот брали мы какую-то деревушку в Венгрии, и вижу я: в одном доме вроде немцы засели, ну, думаю, брошу я в окно сначала гранату, а уж потом и сам в дом заскочу проверить, есть там противник или нет. Бросил одну, залетаю, а там никого, смотрю: в углу пианино стоит, радиоприемник есть, библиотека, стулья венские. Во, думаю, живут люди. А в нашей деревне нет даже света электрического, радио и то провели только прошлый год, чтобы люди слушали последние известия с фронтов. Что им у нас брать?»

Подходит к этой группе солдат замполит батальона старший лейтенант Акопян и говорит: «Вот вы здесь рассуждаете, что гитлеровцам у нас в Советском Союзе вроде нечем было бы и поживиться, мол, мы сами живем беднее их. Вы так посчитали потому, что в некоторых деревенских домах у венгров видели пианино, библиотеку и даже венские стулья. Но фашистов наша страна привлекает другим. Их интересуют наши природные богатства. Все вы учились в школе и изучали минералогическую карту Советского Союза, она ведь вся – с запада на восток и с севера на юг – покрыта квадратиками и кружочками, которые обозначают месторождения угля, нефти, железа, золота и даже алмазов. А сколько у нас лесов? Да еще каких! На карте обозначены лишь разведанные полезные ископаемые, а сколько их еще неразведанных, особенно в Сибири. Вот это-то наше богатство и манит врагов. У них свое-то все уже давно повычерпано. А что касается пианино, венских стульев и приемников, то отстоим независимость страны, и все это появится у нас не только в городах, но и в деревнях».

Но Кузнецов не стал все это пересказывать Чапышину и на его вопрос ответил вопросом:

– А ты бы, Коля, согласился остаться жить здесь после войны, если, допустим, тебе это разрешили бы? Ну, скажем,

женился бы ты на дочке того мельника из деревни Ракоши, где мы стояли на отдыхе, перед боями за Будапешт.

Чапышин тяжело вздохнул и ответил:

– Нет, не согласился бы, я уже об этом думал и раньше. Вот смотришь на чужого ребенка: одет он красиво, ухожен весь, а свой и чумазый, и одет хуже, но ведь это свой, его ни один родитель на чужого ребенка не променяет. Так и с Родиной. Я здесь воюю, а думаю о доме, какое было бы счастье хоть на часок очутиться там. У нас тоже скоро зацветет черемуха, распустятся листья на деревьях, разольется река – красотища, ширь необъятная, охота, рыбалка. А у них все скучено, все размечено. Чуть шагнул в сторону – оказался на чужой территории. И живем мы проще и, мне кажется, намного дружнее. Нет, Володя, я сразу, как отпустят, поеду домой в свой зеленый-презеленый городок под Омском, и девушки наши нисколько не хуже, чем дочь того мельника, о которой ты говоришь.

Солдаты-победители наслаждались миром, а еще вчера никто из них не был уверен, что доживет до конца войны. Сегодня свершилось то, чего все ждали долгих четыре года.

На месте, где воздушно-десантную бригаду застала весть о конце войны, она простояла до самого вечера, так как солдаты обезвреживали дорогу и обследовали в деревушке дома, сараи и подвалы, нет ли там мин. Лишь к вечеру бригада пришла в ту самую чешскую деревушку, которую утром они должны были взять штурмом. Населения в деревне ни души, все попрятались: кто скрывался в лесу, кто в соседних населенных пунктах, – старались держаться подальше от передовой линии фронта. Командир батальона капитан Дудник, собрав ротных и взводных командиров, передал им поздравление с Победой от командира полка и разрешил напиться допьяна и раздеться до белья.

Кузнецов и Чапышин уже и не помнили, когда они в последний раз по-человечески спали в помещении, раздетыми до белья. Им казалось, что это было где-то на отдыхе в январе или феврале, а затем они беспрерывно наступали. Если бригада и останавливалась на ночлег в деревне, то спали все, конечно, в одежде и всегда воздерживались от выпивок.

Когда бригада наступала по территории Венгрии и Австрии, то самодельной водки (в Венгрии она называется палинка) и виноградного вина было вдоволь. Но выпивали солдаты мало и только на ночь, как говорили они, «для сугреву», хорошо понимая, что пьяный солдат погибает чаще трезвого, так как у него нарушена ориентация и ослаблено чувство самосохранения.

На радости в День Победы они напились все, пели и веселились до самого утра.

Но, как оказалось, радость их была преждевременной. На участке фронта, где стояла 2-я воздушно-десантная бригада, немцы не сдались, а только отступили, имея намерение сдаться в плен американцам. Был получен приказ командования: догнать немцев и разоружить. Погоня за убежавшим к американцам противником длилась несколько дней. К счастью, танкисты соседнего фронта, которым командовал маршал И.С. Конев, преградили немцам путь к отступлению, и это помогло бригаде вместе с другими воинскими частями, преследовавшими немцев, их догнать. Это было на четвертые или пятые сутки погони.

К вечеру бригада подошла к небольшой реке, пологий спуск к которой покрыт был лесом. Вдоль дороги валялась разбитая техника и автомашины противника. Догорало разное барахло, которое тащили с собой немцы. По всему было видно, что тут «поработали» наши танкисты.

Капитан Дудник, пригласив к себе от каждой роты по командиру взвода, поставил задачу почистить одежду, привести себя в порядок, переправиться на противоположный берег реки и утром быть готовыми для встречи с американцами. «А где же немцы?» – изумлялись солдаты. Но ответа на этот вопрос не последовало. Капитан Дудник, наверное, и сам не знал, где находятся немцы.

Старшему сержанту Кузнецову с десятью солдатами их роты предстояло отправиться на встречу с «союзничками», как пренебрежительно называли советские солдаты американцев из-за их долгого нежелания открыть против немцев второй фронт.

Длинный пологий спуск лесом к реке и такой же длинный, километра полтора, подъем, а также сама пере-

права заняли у них несколько часов. Лишь поздно ночью группа солдат во главе с Кузнецовым вышла на окраину небольшого населенного пункта и решила до утра заночевать в каком-то сарае.

Рано утром дежуривший солдат поднял десантников по тревоге: деревушка была наводнена немцами и их техникой. Пока взвод вырабатывал план, что делать, кто-то из десантников заметил, что среди немецких солдат с автоматами ходят и советские солдаты с оружием. Это, конечно, была запоминающаяся картина, никто этого не ожидал и не мог себе представить. Еще вчера они готовы были стрелять друг в друга, а тут такая дружелюбная картина.

Наши десантники издали узнали своих солдат по шапкам, хотя остальная форма была у них летняя. Произошло это, видимо, из-за того, что интенданты не знали, что апрель в Австрии походит на конец мая в России.

Десантная форма тех лет представляла из себя брюки и куртку, сшитые из какого-то плотного материала защитного цвета, причем куртка имела подстежку. Когда брюки и куртка намокали, то они становились настолько тяжелыми, что не только бегать, но и шагом-то в такой одежде передвигаться было трудно, а тут надо нести на себе еще оружие и боеприпасы. Поэтому в ходе боев еще на территории Венгрии солдаты часть своей формы побросали и надели на себя гражданские брюки, а кое-кто и целиком гражданский костюм. Кончилось это переодевание тем, что однажды наши танкисты приняли десантников за немцев и обстреляли. К счастью, быстро разобрались и жертв не было. После этого случая у интендантов сразу же нашлось обмундирование, и солдат переодели во все новенькое, а пилоток не оказалось, поэтому и сохранились у десантников шапки до самого Дня Победы. Да и спать по ночам под открытым небом в апреле и в начале мая в шапках было потеплее. Вот эти-то шапки и помогли солдатам группы Кузнецова определить издали среди немцев своих солдат.

Взвод тут же покинул сарай и направился искать свой батальон. Но куда там! Солдаты смешались с немцами, и произошло братание. Вот широкая русская душа. Вчера еще был немецкий солдат врагом, а сегодня уже «камрат, гут,

гут, Гитлер капут!». Вот, пожалуй, и весь набор немецких слов для объяснения с бывшим неприятелем, но и немцы тоже не больше знали русских слов: «Корошо, рус, рус, Гитлер капут!». Так пробродили солдаты взвода Кузнецова среди немцев почти полдня. Кто-то обнаружил в этот день автомашину с советскими денежными знаками и по своей инициативе взял под охрану, а кто-то нашел власовцев, узнав их по плохому немецкому произношению.

В середине дня по громкоговорителю было объявлено, какому взводу и где предстояло собираться. Немцам были объявлены места, где будет происходить сдача ими оружия. Появились целые горы автоматов, пистолетов, противотанковых ружей, гранат. А на следующий день советские солдаты разделили пленных на тех, кто здоров, и на тех, кто к труду не пригоден. Последних вместе с женщинами направили в сторону Германии, а здоровых построили в шеренги и пешком повели в противоположную сторону, туда, откуда их с трудом выгоняли четыре года подряд.

Взводу Кузнецова выпала доля сопровождать колонну здоровых немцев, и они в течение нескольких дней конвоировали их по территории Чехословакии к местам погрузки в вагоны.

Когда немцы были погружены в вагоны, Кузнецов спросил у одного из них: «Почему вы не разбежались, а послушно шли огромными колоннами, зная, что вас отправят в страну, народу которой вы причинили столько бедствий?» На это он ответил, что в чехословацких лесах еще много партизан и беглеца там может ожидать смерть. «Да, – подумал тогда Кузнецов, – здорово же вы, друзья, насолили народам Европы и, понимая это, не надеетесь на их снисходительное отношение».

В то время советским солдатам-победителям казалось, что немецким пленным многие годы придется восстанавливать то, что они четыре года подряд с остервенением разрушали. Но их предположения не оправдались. Уже через год-два пленные большими партиями возвращались к себе на родину. Великодушный русский народ очень быстро забывает обиды и полностью лишен чувства мести к рядовым исполнителям варварских планов захватчиков.

Солдаты и офицеры победившей армии полагали, что теперь им в Европе делать больше нечего, свою задачу они выполнили и тех, кто прослужил три года и более, обязательно демобилизуют и отпустят домой. Но они ошибались. У командования были другие планы. Предстояла не менее важная задача – закрепить победу, помочь освободившимся народам Европы установить в своих странах власть, лояльно относящуюся к стране-победительнице. А для этого была нужна здесь Советская Армия как гарант нового правопорядка.

На фронте Кузнецов старался никогда не загадывать, что он будет делать после войны. Надо выжить, а там будет видно, как поступать. На фронте его беспокоила мысль о доме, о больной парализованной матери и малолетней сестренке. Вся надежда была у него на младшего брата Алексея, который в порядке трудовой повинности был в семнадцатилетнем возрасте направлен учеником токаря на военный завод, эвакуированный в начале войны в Сибирь. Завод этот находился километрах в семидесяти от их деревни, и брат умудрялся раз или два в месяц навещать свою больную мать. Будучи человеком очень трудолюбивым и проявив большой интерес к технике, Алексей Кузнецов уже через полгода после мобилизации стал слесарем, а потом и токарем, обрабатывая на станке болванки снарядов для зенитных пушек.

Из того немногого, что получал на заводе по карточкам, Кузнецов младший старался сэкономить и привезти домой матери и сестре. Когда на фронте из писем брата Кузнецов старший узнал, что их мать и сестренку взяла к себе в дом тетя Степанида – сестра отца, ему стало жить и воевать легче. Степаниде Андреевне было в то время уже под шестьдесят. Она жила в доме рядом с Кузнецовыми и работала дояркой на молочно-товарной ферме. Муж ее погиб в 1914 году на войне с Германией, а единственный сын, который еще не успел жениться, погиб в 1940 году на войне с Финляндией.

После окончания войны 2-я воздушно-десантная бригада снова была передислоцирована в Венгрию, в городок

Будапешта, что находится недалеко от Будапешта. Кузнецов по прибытии к новому месту службы узнал, что он попадает в число трех процентов фронтовиков, которым в числе первых будет предоставлен отпуск для поездки на родину. Поэтому он не стал ничего писать родным о том, что жив и здоров, надеясь, что сам приедет домой раньше, чем придет его письмо. Однако отправка из Будапешта отпускников все задерживалась и задерживалась. Он не знал, что железная дорога была забита эшелонами с солдатами и техникой, которые спешили на войну с Японией.

И только в июле Кузнецов получил отпуск и прибыл в город Таежный, где он перед самым началом войны успел закончить десять классов. До его деревушки оставалось рукой подать, всего 23 километра, из них 17 надо было ехать поездом и шесть километров идти пешком. Из месячного отпуска 12 дней им уже было израсходовано на дорогу. Особенно медленно отпускники добирались до родной границы по территории Венгрии и Румынии. Товарный поезд, на котором они ехали, иногда сутками стоял где-нибудь у Карпат, и не у кого было узнать, почему стоят и когда состав отправится дальше. Порой только русские непечатные слова, которые железнодорожники Венгрии и Румынии понимали без перевода, и угроза пистолетом помогали сдвинуться поезду с места и ехать дальше.

Пассажирский поезд из Таежного до разъезда 17-й километр, где надо было сходить Кузнецову, отправлялся, как и до войны, один раз в сутки – в четыре часа утра. Но если бы этот поезд отправлялся даже сразу, как Кузнецов прибыл в Таежный, он все равно хотя бы на сутки, но остался здесь. Он давно, еще когда шел по полям и лесам стран Восточной Европы, решил, что если останется жив и поедет домой в отпуск или насовсем, то первую остановку сделает в Таежном и первым посетит дом, где живет Люба Малкина.

Он с Малкиной учился вместе с пятого по десятый класс и последние два года сидел с ней за одной партой. Но они не дружили, так как Кузнецов ни одну девушку из класса ничем не привлекал. Он был хуже всех в классе одет и больше всех соклассников застенчив. Среди учеников своего класса он был единственный деревенский парнишка, да

еще и полусирота. Но когда он учился в военном училище, то мать ему сообщила в письме, что какой-то девушке по фамилии Малкина она дала его адрес. С тех пор и до конца войны они с Любой переписывались. Сначала письма носили чисто товарищеский характер, но чем ближе был конец войны, тем теплее становилась их переписка. Последний год письма стали заканчиваться словами: обнимаю, целую, хотя в жизни они ни разу не обнимались и тем более не целовались.

И вот теперь, снова оказавшись в Таежном, он чуть не бегом с вещмешком на плечах отправился к Любе. Для этого случая еще в Венгрии он на что-то выменял маленькие дамские часики и хотел удивить ее этим дорогим подарком.

В доме, где жила Люба, оказалась только ее мать, от нее Кузнецов узнал, что Люба ушла смотреть фильм в кинотеатре им. Крупской. Кузнецов решил встретить Любу прямо у кинотеатра. Но, к его радости, контролер пропустила его в кинозал даже без билета. Кинофильм в это время уже шел, и билетная касса была закрыта. Кузнецову не стыдно было встретить Любу, так как он был одет в новенькую офицерскую форму, выданную по случаю отпуска на Родину. На груди сверкали орден и две медали.

Оказавшись в зрительном зале кинотеатра, Кузнецов совсем не смотрел фильм, а все время глазами искал Любу, но безуспешно. К тому же ему все время мешала какая-то парочка, сидевшая впереди, они все время вертелись, переговаривались, прижимались друг к другу. Когда фильм закончился и в зале зажегся свет, Кузнецов, к своему удивлению, увидел, что сидевшей впереди него девушкой была Люба Малкина. Она, конечно, его не узнала. Кузнецов бегом кинулся к дому Малкиных, схватил свой вещмешок и объяснил ее матери, что едет в деревню на попутной автомашине, поэтому не будет дожидаться Любу. Больше он уже никогда встреч с Любой не искал.

Ожидая поезд на вокзале, Кузнецов вспоминал, что за шесть лет учебы в школе Таежного он этим поездом ездил домой и обратно около трехсот раз и ни разу ни он, ни его брат, ни другие деревенские ребяташки не брали билеты. У них просто на это не было денег. Проводники и контролеры

хорошо все понимали, и лишь несколько раз за это время самые рьяные из них высаживали безбилетников раньше или задерживали их в вагоне, чтобы провезти в наказание подальше. Такие поступки службистов Кузнецов невзлюбил с детства и дал себе зарок, что таким никогда не будет. И действительно, на протяжении всей дальнейшей жизни он следовал этому.

На свой полустанок Кузнецов прибыл в половине пятого утра. В это раннее утро было солнечно и тепло. По пути к дому он восхищался природой родной Сибири. Дорога шла лесом, вдоль нее по обе стороны стояли сосны, пахло утренней свежестью и смолой сосновых деревьев, щебетал многоголосый хор птиц.

Но чем ближе он подходил к своей деревушке, тем тревожнее было на душе. «Дурак, – говорил он про себя, – мальчишка, надо было сразу же, как закончилась война, написать матери, а он пронадеялся на скорый отпуск. Кончается июль, а она ничего о нем не знает, наверное, думает: погиб мой Володя. После таких мрачных мыслей и переживаний при неожиданной встрече с сыном как бы чего со старушкой не произошло. Не выдержит сердце больного человека, вот и получится вместо большой радости большое несчастье».

Родная деревушка за три года с тех пор, как ее оставил Кузнецов, ни в чем не изменилась. Все стояло на своих местах.

Первой, кого он встретил в деревне, была соседка, тетка Акулина. Поздоровавшись с ней, он понял, что она его не узнала. Тогда он ее спросил:

– А где здесь проживает Кузнецова Наталья?

– Да вот, рядом.

– А что ей известно о ее сыне Владимире? – снова задал вопрос Кузнецов.

– Беспокоятся они о нем, – был ответ. – Писал Володя письма до самого конца войны, а вот после того, как война закончилась, как в воду канул.

– Пусть не беспокоятся, – сказал Кузнецов, – я их сына только что видел, он едет домой в отпуск.

Тут тетю Акулину как ветром сдуло. Несмотря на свой возраст и слабое здоровье, она что есть мочи бросилась к

дому Кузнецовых сообщить соседкам Наталье и Степаниде радостную весть.

Степанида Андреевна тут же появилась около дома и пригласила Кузнецова зайти к ним. Но и она, а потом и мать Кузнецова не признали в нем своего сына и племянника.

Выждав какое-то время, Кузнецов решил, что пора и сознаться своим старушкам, кем он им доводится. Сначала они его признанию не хотели верить, а потом мать, увидев у сына три вставных металлических зуба (в девятом классе ему случайно товарищ выбил зубы), сказала: «Да ведь это правда наш Володя, зубы-то у него спереди вставные». Она заплакала и бросилась сыну на шею.

И действительно, узнать Кузнецова было трудно: уходил в армию мальчишечка, на физкультуре в десятом классе в строю стоял последним, а тут вернулся мужик здоровенный, да еще и в офицерской форме с орденом и медалями. Потом, оправдываясь, мать и тетка говорили ему, что было раннее утро, что они плохо разглядели солдата, да и Акулина сказала, что прохожий солдат идет в другую деревню.

Свой поступок Кузнецов объяснил родным тем, что хотел их как-то подготовить к встрече, ведь он чувствовал себя виновным в том, что последнее время не писал им писем.

Никаких подарков с фронта Кузнецов своим старушкам не привез, у него их просто не было. Своей тете он подарил лишь те часы, которые предназначались Любе Малкиной. Однако эти часы у Степаниды Андреевны шли только полдня. Она надела их на руку и ушла на работу, чтобы погордиться подарком племянника перед доярками МТФ. Но, забыв снять часы, опустила руку в котел с водой – и часы тут же остановились. В чистку она их сдавать не стала. «О времени, когда надо доить коров, – сказала Степанида Андреевна, – я и без часов знаю. А часы пусть лежат, они мне дороги тем, что привез их мне племянник с фронта».

Степанида Андреевна проработала дояркой в колхозе всю жизнь, и ни разу за все эти годы не была в отпуске. За всю свою жизнь она только один раз была в г. Новосибирске на слете колхозников-ударников, привезла оттуда общую

фотографию участников слета. Эта фотография в рамке и десятки похвальных грамот, полученных за добросовестный труд, тоже в рамках, украшали одну из стен ее дома. Она никогда не жаловалась на свою жизнь и была всегда и всем довольна. Степанида Андреевна щедро делилась всем, что у нее имелось, с людьми, нуждающимися или попавшими в беду. Для Кузнецова тетя служила образцом для подражания.

Пробыв несколько дней дома, Кузнецов вынужден был отправиться в обратный путь. Но и этих нескольких дней было достаточно, чтобы определиться, как жить дальше.

Проживавший рядом с домом матери школьный учитель начальных классов Михалыч, как звали его все деревенские (полное его имя было Михаил Гаврилович), дал ему очень полезный совет. «Ты, парень, долго там за границей-то не прохлаждайся, – говорил он Кузнецову, – а при первой возможности перебирайся на родную землю, и как только в Советском Союзе окажешься, бегом в местную школу, перепиши все темы сочинений, которые писали десятиклассники за последние три-четыре года. Вот на эти темы и пиши на досуге сочинения, сначала по книгам, а потом и по памяти. Если русский язык подзабыл, повтори хорошенько грамматику. В институт поступать тебе будет трудно, да и четыре-пять лет учебы – срок долгий, тетка Степанида уже немолода и может не согласиться столько лет содержать твою мать и сестру, поэтому ты ищи техникум или школу с двух-, трехгодичным сроком обучения. Получишь специальность, устроишься на работу, а там, если желание учиться будет, кончишь институт уже заочно». При этом добрый школьный учитель подарил Кузнецову учебники по русскому языку, литературе и истории.

Михаил Гаврилович и его жена Софья Александровна были людьми образованными, знали какой-то иностранный язык, видимо, французский, и между собой частенько «лопотали не по-нашему», как говорили деревенские жители. Жили они прямо при школе, хозяйства никакого не держали, кроме пчел, всем необходимым их обеспечивал колхоз. Софья Александровна ученикам преподавала пение, а вечерами играла на пианино и иногда пела. Ее чистый и краси-

вый голос часто дополнялся трелями соловьев, которые каждый год летом жили в их саду. Первое время, когда эта учительская пара поселилась в деревне, по поводу образа их жизни у односельчан было много пересудов. Но потом все жители деревни от мала до велика к ним привыкли, полюбили их, и всякие разговоры на тему об их жизни кончились сами собой.

Именно Михаил Гаврилович посоветовал Кузнецову попробовать поступить после демобилизации в Западно-Сибирскую юридическую школу. «И срок обучения, – сказал он, – небольшой, всего два года, и будущая работа будет тебе по душе. Ведь я не забыл, как ты подростком выступал на колхозном собрании в отношении пасечника Мышканова, которого ревизионная комиссия обвиняла в каких-то неблагоприятных делах».

Действительно, такой случай был. И попало же тогда Кузнецову от его матери и тети Степаниды. Мол, что наделал, глупый парнишка, теперь зимой и лошади нам не дадут, чтобы привезти сена или дров, и солому на подстилку скоту дать откажутся. Ведь Мышканов был членом правления колхоза и самым зажиточным в деревне хозяином. Но все обошлось и давно всеми забылось, даже теткой. А вот школьный учитель помнил, хотя прошло с тех пор лет пять или шесть.

Счастливый случай помог Кузнецову уже через два месяца после возвращения из отпуска снова оказаться в Советском Союзе. Про такие случаи в народе говорят: не было бы счастья, да несчастье помогло.

Поездка в отпуск оказалась для Кузнецова тяжелой. Пришлось добираться до дома и обратно до Будапешта и в товарном вагоне, и на подножке пассажирского поезда, и в вагоне с выбитыми стеклами. Казалось, что после окончания войны весь народ и у нас, и за границей двинулся переезжать с места на место. Кузнецова дорогой просквозило. Он возвратился в часть с высокой температурой и сразу же был помещен в госпиталь. Пока он лечился от воспаления легких в госпитале, воинская часть, в которой он служил, из Венгрии передислоцировалась в Австрию. После выздоровления Кузнецова снова отправили в отпуск, по окончании

которого он должен был явиться в тот военкомат, который призывал его на военную службу. Военкомат Таежного оставил Кузнецова служить в своем городе, направив его в этапно-заградительную комендатуру. Так Кузнецов почти на полтора года оказался в обстановке, далекой от мирной и спокойной службы. Через станцию Таежная в те времена проходило по 10–15 эшелонов в сутки с военнослужащими или демобилизованными из армии. Особое беспокойство доставляли солдаты первого года службы, которых везли на Курильские острова. Это были дети войны, причем часть из них во время войны находилась на оккупированной немцами территории. Некоторые из них сколачивались в настоящие банды, вооруженные трофейным оружием, громили на остановках вагоны-ледники, вагоны с водкой, затаскивали в теплушки женщин, девушек, насиловали их, нападали на милицию. Поэтому рота, которая несла службу в военной комендатуре, частенько, особенно во второй половине 1945 года, поднималась в ружье. Да и у солдат, служивших в самой комендатуре, с дисциплиной было далеко не все в порядке. Поэтому направление для продолжения службы в комендатуру фронтовика-десантника для военкомата было очень кстати.

Служба в городе, где Кузнецов до войны окончил среднюю школу, помогла ему подготовиться для поступления в учебное заведение. Ко времени демобилизации он успел несколько раз повторить все дисциплины, которые предстояло сдавать на вступительных экзаменах.

Западно-Сибирская юридическая школа была в те времена как бы полузакрытым учебным заведением, для поступления в которое абитуриенту требовалось иметь направление-рекомендацию от партийного или комсомольского органа не ниже областного уровня. Такое направление Кузнецову дали сразу же при обращении его в политотдел Западно-Сибирского военного округа.

Демобилизовавшись из армии после пятилетней службы и сдав документы в приемную комиссию юридической школы, Кузнецов вернулся в родную деревушку. Сколько раз он вспоминал ее, находясь на фронте. Какие ухоженные поселки видел он в Венгрии, Австрии и Чехословакии. Многие

его поражало и удивляло: подстриженная трава, кустарник возле дома, асфальтированные дорожки, побеленные кирпичные домики, а в его деревушке ничего этого нет, но почему-то она была всех милее и дороже. Вот и на этот раз, возвращаясь домой по лесной дороге, где каждая сосна и каждый кедр знакомы ему с детства, он в который раз восхищался богатством красок сибирского леса и ароматом лесных цветов. Там все было чужое, не наше, хотя и красивое, здесь же все родное и свое.

Степанида Андреевна известие о том, что ее племянник сдал документы для поступления в юридическую школу, восприняла спокойно. После небольшой паузы она сказала: «Так зря что ли ты кончил 10 классов. Ведь не колхозных же коров пасти теперь с таким образованием». Да, в деревне это был первый случай, когда юноша закончил среднюю школу. В основном же после окончания семи классов дети колхозников или оставались в деревне работать на колхозных полях, или продолжали учебу в техникуме, после окончания которого уходили на работу в города и рабочие поселки.

Михаил Гаврилович одобрил решение Кузнецова продолжить учебу и взялся помочь ему подготовиться к вступительным экзаменам. В течение двух месяцев с рассвета и до темна Кузнецов сидел дома или возле него, повторяя материал по общеобразовательным дисциплинам за среднюю школу. Соседи говорили между собой: «Да, не повезло Наталии, хоть и живой сын вернулся из армии, но, видно, крепко контужен. Сидит в огороде под ракитой, читает какие-то книжки, внушил себе и своим старушкам, что он станет прокурором. Виданное ли дело, чтобы деревенский парнишка без всякой поддержки сильных людей стал когда-нибудь прокурором».

Вступительные экзамены в юридическую школу Кузнецов сдал успешно, но сомнения в том, примут ли, оставались. Конкурс был по тем временам большой – несколько человек на место.

И вот во второй половине августа почтальон вручил Кузнецову долгожданное письмо. Он в это время шел домой с двумя ведрами воды, которые нес на коромысле. Вскрыв

конверт и прочитав в нем волшебные слова, что зачислен на учебу, Кузнецов бросился бегом сообщать об этой радости старушкам. Он не ошибался: от решения приемной комиссии зависела вся его последующая жизнь – или он останется жить и работать в колхозе на многие годы или, как говорили односельчане, «выйдет в люди». Ему суждено было «выйти в люди».

Надо ли говорить, с каким желанием Кузнецов постигал правовые дисциплины. Два года учебы пролетели незаметно. Когда поступал Кузнецов в юридическую школу, ему больше всего хотелось после окончания учебы работать в прокуратуре, и он мог бы стать прокурором. Но за время учебы и прохождения производственной практики ему более по душе оказалась судебная работа. В нем победило желание самому решать судьбу человека и отвечать на вопрос: виновен или не виновен.

Полученный им диплом с отличием давал ему при распределении молодых специалистов право выбора. И он выбор пути сделал: распределился на работу в свою родную область, в Сибирский областной суд, членом судебной коллегии по уголовным делам.

СИБИРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СУД

Шумно и весело отпраздновали преподаватели и студенты Западно-Сибирской юридической школы очередной выпуск молодых специалистов. А назавтра разъезжались кто куда, и каждый из них с думой о том, как сложится его судьба. Сегодня они были счастливы и пока не знали, что их ждет впереди. А жизнь, как покажет будущее, сложится у них неодинаково. Одни станут известными людьми в пределах области, края, республики и даже союза, а другие споткнутся в погоне за сладкой жизнью, легким счастьем, и их следы затеряются где-то вдалеке.

Кузнецов своим распределением был очень доволен: он получил одну из пяти самых высоких должностей, которые могла предоставить студентам-выпускникам государственная комиссия; его будущий оклад составит 1200 рублей, а у остальных выпускников от 700 до 1000 рублей; будет работать в родных краях, в областном центре.

Обдумав ситуацию, он решил, что вместо отпуска, предоставленного школой, и поездки в деревню к своим старушкам, чтобы помочь им в разгар лета с хозяйственными делами, он явится прямо на работу и, как говорится, застолбит свое место. Так он и поступил.

В областном центре он раньше никогда не был, поэтому подъезжал к городу Сибирску с большим интересом.

Первое, что ему бросилось в глаза, как только он вышел из вагона, – это огромное зарево невдалеке от вокзала и над ним черный дым. Кузнецову показалось, что горит какой-то промышленный объект. Видя это, он не удержался и спросил первого попавшегося ему пешехода, что это за

пожар. Ему объяснили, что это не пожар, а коксохимический завод, так из угля делают кокс. «Да, – подумал Кузнецов, – квартиру надо будет искать подальше от этого места».

Оставив свой скудный багаж в камере хранения, он отправился знакомиться с городом, где ему предстояло прожить многие годы. Город Сибирск на областной центр в то время не походил, лишь в самой центральной его части было несколько десятков 3-, 4-этажных кирпичных зданий, остальное жилье – это деревянные небольшие избушки, причем некоторые из них буквально выросли в землю. По центральной улице города проходила одна трамвайная линия, которая имела одно небольшое ответвление в сторону.

В это утро над городом стоял туман, но, как оказалось, это были выбросы газа азотно-тукового завода. Однако все это не испортило настроения у Кузнецова. Живут же здесь люди, подумал он, значит, и я буду жить. Знакомых в городе у него не было. И нигде не было видно объявлений о том, что кто-либо сдает комнату или квартиру. Пришлось с таким вопросом обращаться к прохожим. Кузнецов вспомнил, что таким же способом за шесть лет до начала войны мать, ведя его за руку по городу Таежному, обращалась к прохожим: «Гражданочка, Вы не пустите моего парнишку к себе на квартиру?» Так в то время мать Кузнецова встретила с хорошим душевным человеком – Надеждой Ивановной Живолухиной, которая взяла ее сына к себе на квартиру за символическую плату. Здесь прожил он долгих шесть лет.

Частную квартиру Кузнецов в городе нашел быстро, так как больших запросов у него не было.

На следующее же утро он явился к председателю областного суда Жакову. Алексей Силаевич – так звали председателя – принял его сразу, и разговор у них был непродолжительный и очень конкретный. Кандидатура Кузнецова вполне устраивала Жакова: фронтовик, хорошо учился в юридической школе, был секретарем комсомольской организации, холост, житель этой области, с жильем уже устроился.

«Так что же, – услышал Кузнецов бас Жакова, – давайте начинайте. Сессия областного Совета депутатов трудящихся будет не ранее чем месяца через четыре, поэтому все это время будете стажироваться в уголовной коллегии». Жаков

тут же пригласил к себе в кабинет своего заместителя Брюхатина и представил ему нового сотрудника. В этот же день Кузнецов был зачислен стажером члена областного суда с окладом 560 рублей в месяц. Это было почти на 100 рублей больше повышенной стипендии, которую он получал в период двухлетней учебы в юридической школе.

Руководителем практики Кузнецова был назначен член суда Юрий Николаевич Пущин, инвалид Великой Отечественной войны первой группы. С первого же знакомства Пущин и Кузнецов понравились друг другу и дружбу свою пронесли на протяжении всей своей последующей жизни. Пущин оказался человеком очень интересным, начитанным и трудолюбивым. За короткое время он подготовил Кузнецова к исполнению обязанностей члена областного суда.

Затем приехали на работу в облсуд супруги Бортненко, окончившие вместе с Кузнецовым юридическую школу, а через месяц появились и остальные молодые специалисты, распределившиеся в этот суд. Они приехали из Москвы после окончания Московского юридического института. По наивности, вследствие своего молодого возраста они считали, что в таком далеком сибирском городе их должны встречать чуть ли не с музыкой. Но все оказалось куда прозаичней. Явившись со своими вещичками прямо в приемную председателя облсуда, они, показывая ему свое направление, стали просить у него жилье, где бы они могли поселиться.

Окажись на месте председателя человек более воспитанный, он объяснил бы им, что сейчас у суда своего жилья нет и в скором времени не появится, поэтому надо, мол, пока искать частную квартиру. Но Жаков был другого склада человек. «Мало ли что Вам там в Москве написали в Вашем направлении, – сказал он, – а у нас еще не все старейшие члены суда обеспечены жилплощадью, к тому же я Вас не просил распределяться к нам. Поэтому можете хоть сегодня ехать туда, откуда прибыли».

Действительно, выпускникам института было по 22–23 года, и никакого жизненного опыта, ни тем более опыта судебной работы. Они полагали, что осчастливили далекий сибирский суд тем, что согласились после окончания Мос-

ковского юридического института поехать к ним на работу. И вот оконфузились, получили, возможно, первый серьезный жизненный урок. Через неделю эти молодые специалисты получили из Министерства юстиции перераспределение и уехали дальше на восток.

Больше всего такому решению кадрового вопроса обрадовались старейшие по возрасту члены областного суда. У них появился шанс проработать еще год до очередного прибытия новой партии молодых специалистов. Они с радостью передавали друг другу услышанное кем-то из них заявление Жакова: «Пока я здесь председатель, я не позволю из областного суда делать детский сад».

Председатель Сибирского областного суда Жаков слыл человеком с крутым характером. Внешне он походил на многих других руководителей областного уровня: подтянутый, одет в полугалифе защитного цвета, военный китель, обут в сапоги, в общении с людьми немногословен, по характеру замкнут. Он считал, что свою душу ни перед кем распахивать нельзя, а с подчиненными надо говорить кратко и только по делу. Этим, он полагал, достигается авторитет руководителя.

Стиль его работы был своеобразный. Дел ни уголовных, ни гражданских ни по первой, ни по второй инстанции он сам лично не рассматривал, так как до назначения на эту должность не имел опыта судебной работы. В те времена качество деятельности судьи или суда определялось довольно формально – по числу отмененных вышестоящим судом приговоров или решений. Поэтому Жаков просто боялся садиться в судебный процесс: а вдруг приговор, вынесенный судом под его председательством, вышестоящий суд отменит? Это, по его мнению, подорвало бы его авторитет как судьи, и он тогда потеряет моральное право требовать от членов суда более качественного рассмотрения дел. Основной своей обязанностью Алексей Силаевич считал общее руководство судом и представительство в областных организациях, где обсуждались вопросы усиления борьбы с правонарушениями. Раз в неделю, по субботам, он регулярно проводил с аппаратом суда оперативные совещания, на которых знакомил работников суда с различными письмами

и указаниями Министерства юстиции, а чаще всего критиковал кого-либо из членов суда за волокиту, допущенную по тому или иному делу, либо за брак в работе.

Когда Алексей Силаевич начинал предъявлять претензии по работе к старейшим по возрасту судьям, к «нашим бабонькам», как их называло за глаза молодое послевоенное поколение судей, то в свое оправдание они часто говорили: «Алексей Силаевич, так ведь мы стараемся, разве Вы забыли, что мы здесь всю войну на столах спали...» А член суда Пущин, если присутствовал на этом совещании, как бы про себя полушепотом замечал: «Так ведь это намного лучше, чем на снегу». Кое-кто из судей при этих словах Пущина хмыкал либо прикрывал улыбку ладонью. «Спать на столах» означало, что судьи в период войны, не считаясь со временем, работали до поздней ночи, а иногда оставались и ночевать в суде.

Алексей Силаевич был человеком недостаточно воспитанным, порой допускал грубости и считал, что, действуя жестко, требовательно, он тем самым поддерживает трудовую дисциплину в коллективе на должном уровне. Доказать ему обратное никто не пытался, да если бы кто-то из сотрудников и решился это сделать, то можно заранее сказать, что его попытка была бы обречена на неудачу.

Члены суда старались лишний раз не заходить в кабинет к председателю, полагая, что можно нарваться на неприятность. Возникающие вопросы они предпочитали решать с заместителями председателя. А если уж очень надо было лично с чем-то обратиться к Жакову, то члены суда обычно интересовались у секретаря: «Как сегодня настроение у Алексея Силаевича?» – «О, сегодня уже была пыль коромыслом», – иногда говорила секретарь. Из этого следовало, что в этот день лучше никаких вопросов с нашим председателем не решать.

Но чем больше пополнялся областной суд молодыми специалистами, тем труднее приходилось Жакову сохранять свой стиль работы. Набираясь опыта, молодежь, окончившая высшие и средние юридические учебные заведения, начинала заявлять о себе и своих правах. Они осмеливались, в отличие от старейших судей, критиковать отдельные недо-

статки в работе, вносили свои предложения по улучшению деятельности судебных органов области. Открыто отмахиваться от этого было уже невозможно. Алексей Силаевич нехотя кое с чем соглашался, а за глаза тех, кто осмеливался критиковать существующие в суде порядки, называл демагогами или поганой зеленью. Естественно, до тех, кому были адресованы эти слова, они доходили, и в суде постепенно зрел конфликт.

Бывая в командировках как секретарь суда с разными судьями, Кузнецов присматривался к стилю и методам их работы, делал для себя выводы. А судьи были очень разные. Судья Ознобинов судебный процесс вел медленно, постоянно возвращался к тому, что считал самым главным в деле, не останавливал свидетелей даже тогда, когда они, увлеченные допросом, говорили о том, что никакого отношения к делу не имело. Поэтому иногда получалось так, что по времени было пора идти на вокзал, чтобы ехать в другой район, где на следующий день предстояло рассматривать другое дело, а у него еще не начинались даже прения сторон. Приходилось в этих случаях Ознобинову просить прокурора города достать где-то автотранспорт, чтобы перевезти суд в другой районный центр. Был у Ознобинова и другой недостаток. Он не имел привычки отказываться во время ужина от стакана водки, предложенной ему за столом даже адвокатом, участвующим в деле. Но это никак не влияло на судьбу подсудимого, которого защищал этот адвокат. Вообще Ознобинов старался выяснить по делу малейшие детали, которые могли бы повлиять на выводы суда. Мету наказания осужденным он определял такую, что вроде бы и адвокату жаловаться не имеет смысла, и у прокурора нет оснований для принесения протеста на мягкость приговора.

По делам, рассмотренным под председательством Ознобинова, нередко можно было встретить меру наказания в виде лишения свободы на два года и шесть месяцев при минимальной санкции закона в три года. Когда адвокаты узнавали, что дело их подзащитного будет рассматривать Ознобинов, то они говорили им: «Ну, тебе, парень, повезло. Этот судья больше, чем полагается, тебе не даст». К некото-

рым неназойливым и ненавязчивым адвокатам Ознобинов относился как бы с участием. Он их спрашивал: «Вы выступали по делу в порядке статьи 55 (то есть бесплатно)?» Если ответ адвоката был утвердительным, он ему предлагал написать заявление о взыскании с осужденного гонорара, выносил соответствующее определение и тут же предлагал секретарю выписать исполнительный лист, который отдавал адвокату на руки. Теперь, мол, сам ищи, где будет отбывать осужденный наказание, и направляй туда свой исполнительный лист.

Судья Салищева, наоборот, вела судебный процесс так, как будто участвовала в гонках. Даже самый лучший секретарь не успевал записывать и половину из того, что говорили в суде свидетели. На просьбы секретаря вести процесс помедленней она отвечала: «Ничего, если не успеете записать что-то в суде, у Вас в распоряжении целый вечер. Берите дело, посмотрите показания свидетеля на следствии и вспомните то, что он говорил в суде».

Послевоенное законодательство предусматривало очень суровые меры наказания, особенно за хищение государственного имущества, за кражу личной собственности граждан, разбойные нападения и изнасилование. Минимальным наказанием за хищение государственного имущества было семь лет лишения свободы, а максимальным – двадцать пять лет лишения свободы. Многие судьи, такие как Ознобинов, искали лазейки в законе, а они были, и с применением соответствующих статей определяли наказание осужденному ниже низшего предела санкции закона либо условно.

Судья Салищева, видимо, боясь отмены приговора за мягкостью меры наказания, а возможно, в силу своей черствости, определяла осужденным довольно суровые наказания, но в пределах санкции закона. Случаи назначения судом под ее председательством условных мер наказания либо ниже низшего предела санкции закона были редкими. Зная все это, многие адвокаты очень не любили участвовать по делам, где председательствовала Салищева. Они под любым предлогом старались добиться отложения дела слушанием в надежде на то, что в другой раз дело попадет для рассмотрения другому судье. Иногда адвокаты подучивали своих

подзащитных заявлять ходатайства об отводе судьи по мотиву, что их родители находятся с ней в ссоре, хотя родители подсудимого ее никогда не видели и с ней не встречались. Иногда этот трюк удавался.

А однажды произошел из-за отвода Салищевой даже скандальный случай. По делу проходили молодые ребята. Обвинялись они в групповом изнасиловании, и, при доказанности вины, суд мог определить каждому из них 15–20 лет лишения свободы. Видимо, кто-то из адвокатов посоветовал своему подзащитному заявить судье отвод. Как только Салищева объявила состав суда, где все трое судей были женщины, и спросила подсудимых, доверяют ли они рассматривать дело этому составу суда, один подсудимый встает и говорит, что он заявляет отвод судье Салищевой, так как раньше с ней сожительствовал. Та от неожиданности чуть не свалилась со стула. Хорошо, что дело слушалось в закрытом судебном заседании и не было свидетелей такого позорного для работника суда случая.

Вопрос об отводе судьи по закону должны решать два народных заседателя в совещательной комнате. Заседатели по этому делу ушли на совещание, а потом огласили определение, в котором записали: «Поскольку подсудимый Н. сожительствовал с судьей Салищевой, то от участия в деле ее отвести». Для старой девы в возрасте 40–45 лет это был, конечно, потрясающий удар и по самолюбию, и по престижу. Возвратившись из командировки в г. Сибирск, она сходила к гинекологу, обследовалась и получила справку, что является девственницей.

На следующий же день с этой справкой она пришла в кабинет Жакова и положила ему ее на стол. Она полагала, что Жаков уже знает о произошедшем скандале и поэтому ничего предварительно ему не сказала. Жаков, покрутив в руках справку, сказал:

– Я жениться на Вас не собираюсь, поэтому покажите ее кому-либо другому.

Салищевой самой пришлось рассказать Жакову случившуюся с ней историю. По мере ее рассказа лицо Жакова багровело, он еле сдерживал свой гнев. Когда Салищева закончила объяснение, Жаков сквозь зубы процедил:

– Если еще раз Вам подсудимые заявят такой отвод, то Вы мне вместо справки несите заявление по собственному желанию. Я не дам Вам позорить областной суд. Надо уметь себя вести и не давать поводов для таких отводов.

Салищева со слезами на глазах выскочила из кабинета председателя. Жаков тут же пригласил к себе в кабинет Брюхатина и сказал ему:

– Есть ли в городах области вакантные места народных судей? Если есть, порекомендуй им в качестве кандидата Салищеву. Мотивы перевода согласуй с ней сам. А если она не согласится, пусть сама ищет себе место, ты же знаешь, что через четыре месяца будут пере выборы областного суда.

Вскоре о случае с Салищевой узнал весь суд, и, к удивлению Кузнецова, почему-то никто ей не сочувствовал и даже не осуждал Жакова за очередную грубую выходку.

– Юрий Николаевич, – обращаясь к Пушину, спросил Кузнецов, – почему наш коллектив недолюбливает Салищеву?

– А ты не секретарил в судебных заседаниях, где она председательствует ? – спросил его Пушин.

– Нет, – ответил Кузнецов, – как-то не приходилось.

– Так вот, – продолжал Пушин, – когда посекретаришь в судебном процессе, который она ведет, или позаседаешь с ней в коллегии раз или два, то тебе станет все ясно. Ты обрати внимание, что в моем составе она почти никогда дел не докладывает, потому что я с ней не церемонюсь. Бывали случаи, что я половину дел по ее докладу снимал со слушания, потому что дела ею к заседанию были подготовлены халтурно. К тому же при разбирательстве жалоб или протестов она нередко допускает в адрес сторон и особенно адвокатов грубые выпады. И это здесь, в коллегии, где председательствует по делу более опытный член суда или заместитель председателя областного суда. Поэтому нетрудно представить, как она ведет себя в процессе при рассмотрении дел по первой инстанции, где председательствует она сама. И еще. Ты обрати, Володя, внимание на то, когда Салищева уходит с работы домой. Ровно в шесть вечера. А почему я и многие другие члены суда сидим здесь до девяти, десяти вечера, что, нам дома делать нечего или мы

глупее ее, не умеем работать? Да нет, мы просто добросовестнее, чем она, относимся к исполнению своих обязанностей, лучше и обстоятельнее изучаем дела. Вот поэтому-то, Володя, члены суда и секретари, зная все, о чем я тебе рассказал, не сочувствуют Салищевой и как бы злорадствуют, мол, правильно Алексей Силаевич дал ей по мозгам. Давно пора указать ей ее место. А ты, брат Володя, едешь все в командировки с Ознобиновым да со старушкой Татьяниной и думаешь, что все у нас такие добросовестные и деликатные, как они. Пока у тебя есть возможность посмотреть, как работают другие наши судьи, ты обязательно эту возможность используй, это тебе очень пригодится в жизни. Недаром кто-то из мудрых сказал, что умный учится на чужих ошибках, а дурак – на своих.

В конце 1949 года состав Сибирского областного суда был увеличен сразу на пять судей. На этот раз членами суда были избраны в числе других и Бортненко, и Кузнецов. Их обоих Жаков определил работать в судебный состав, председательствующим которого был Юрий Николаевич Пущин.

Новое пополнение Жаков называл гвардейцами. В буквальном смысле слова это определение подходило лишь к судебному составу Пушина. Все три члена этого состава действительно служили в гвардейских частях и по торжественным случаям, наряду с орденами и медалями, они надевали иногда и гвардейские значки. Кузнецов и Бортненко вообще первые два – три года ходили на работу в военной форме, донашивая ее, пока не обзавелись хорошей гражданской одеждой, поэтому судебный состав Пушина внешне походил на отставной военный трибунал. Ладно сшитая форма и военная выправка выдавали в Бортненко и Кузнецове бывших кадровых военных, которые в те времена пользовались особым уважением. Этот судебный состав аккуратнее всех сдавал в канцелярию рассматриваемые дела и никогда не допускал волокиты, так свойственной многим судебным работникам. Отличалась эта коллегия еще и тем, что принципиально отстаивала свою точку зрения по любому спорному вопросу. Они не смотрели в рот начальству и не боялись решать дела так, как считали нужным, иногда вопреки просьбе председателя, ссылавшегося на высокие

инстанции. Конечно, этому во многом способствовал и личный авторитет Пущина, его легендарная биография и сильный мужской характер.

Как только фашистская Германия напала на нашу Родину, он, не дожидаясь повестки из военкомата, добровольно пошел на фронт. Был танкистом, принимал участие во многих боях, но однажды его танк был подбит, а он тяжело ранен. С трудом выбравшись из горящего танка, он долго лежал без памяти на снегу, пока его не подобрала работница санчасти. У него были сильно обморожены ноги и руки. В госпиталях Юрий Николаевич провел в общей сложности более двух лет и был признан инвалидом первой группы: у него были ампутированы обе ноги, одна выше, а другая ниже колена, и обе кисти рук. Но сильная воля и железный характер не позволили ему сломаться, он не остался на обочине жизни, а стал в ряды ее активных строителей. Он научился самостоятельно передвигаться на протезах с одним костылем, по городу ездил на инвалидной мотоколяске. Писать он вначале научился, держа ручку зубами, а потом культю на правой руке ему разрезали, эти две половинки шевелились, и между ними зажималась ручка. А чтобы бумага не двигалась при письме, он ставил на лист тяжелое пресс-папье. Писал он быстро, почерк был красивый и разборчивый.

Пущин был удивительный во всех отношениях человек: умный, честный, волевой, прямой и очень старательный. Понимая, что с таким увечьем продолжать учебу в театральном институте, где учился до войны, не имело смысла, он в период лечения в госпиталях поступил учиться в юридическую школу на заочное отделение. Все экзамены сдал экстерном и был после выздоровления направлен Министерством юстиции на работу судьей в Сибирский областной суд.

Пущин терпеть не мог проявления к нему жалости и сострадания. Он сам и все, кто его окружал, в том числе и руководство областного суда, как бы напрочь забыли, что Юрий Николаевич инвалид I группы. А он, боже упаси, никогда и ни у кого не просил никакой скидки на то, что ему труднее, чем другим, писать, листать дело, кодексы,

передвигаться, и ему этой скидки никто не делал. Всегда у него было одинаковое с другими членами суда количество дел, даваемых руководством суда на каждое судебное заседание.

В госпитале Юрий Николаевич познакомился с молодой сестричкой Катей, а потом и полюбил ее. На работу в Сибирск они приехали уже супругами. Катя разделила нелегкую судьбу бывшего воина-фронтовика, и маленькая хрупкая женщина, какой она была в жизни, стала крепкой опорой их семейного счастья.

В г. Сибирске Пущину дали рядом с областным судом в заводской квартире одну комнатку в общей секции. В квартире не было теплой воды и ванной, что, конечно, для такого инвалида, каким он был, являлось большим неудобством. Но, понимая обстановку и послевоенные трудности с жильем, Юрий Николаевич ни разу, пока жил в г. Сибирске, не попросил ни у руководства областного суда, ни у «отцов» города улучшить его жилищные условия, хотя в его семье к этому времени было уже двое маленьких детей.

Сколько Пущиным было затрачено времени и трудов на то, чтобы обучить Бортненко и Кузнецова азам судебной работы, знали только они. До назначения их на должность члена судебной коллегии по уголовным делам ни тот ни другой ни дня не работали в суде, если не считать четырехмесячную стажировку в качестве секретаря судебного заседания. Недостаток опыта они старались наверстать усердием в работе.

Помогая молодым специалистам, Пущин проводил и общественную работу по профилактике правонарушений. Используя материалы судебной практики, он частенько публиковал в областной газете статьи, в которых подвергал критике бюрократов и формалистов. Особенно гневно его статьи звучали, когда приходилось защищать членов семей погибших фронтовиков.

С ростом популярности Пущина все больше людей стремилось лично обратиться к нему за защитой. И он никому не отказывал в помощи. Однажды пожилая старушка – вдова погибшего фронтовика, которой он помог прописать племянницу, принесла ему на работу в знак благодар-

ности банку варенья. Самого Пушина на месте не оказалось. Член суда Кузнецов в шутку сказал этой женщине, что Пушину врачи запретили есть сладости, чтобы он не набирал лишнего веса, ведь тогда ему ходить на костылях будет еще труднее. Старушка, задумавшись немного, сказала, что она и сама так же думает, поэтому хотела поднести бутылочку водки, но племянница напугала, сказала, что за эту водку прямо из суда отправят на воронке в каталажку.

– Правильно Вам сказала Ваша племянница, – обращаясь к старушке, заметил Кузнецов, – варенье – это угощение, а водка – это уже походит на взятку. Мы Пушину Вашу благодарность передадим, и он будет рад узнать, что ему удалось Вам помочь. А баночку с вареньем, раз уж Вы ее принесли и от чистого сердца, можно оставить, он любит сладкое.

Кроме работы внештатным корреспондентом в областной газете, Пушин иногда вспоминал и о своей любви к эстраде. У него был чудеснейший бас. На смотрах художественной самодеятельности он успешно защищал честь работников суда и прокуратуры.

Известность Пушина в городе иногда шла ему на пользу. Администрация одного крупного завода прикрепила его как-то к своему магазину, в котором продавали работникам завода по себестоимости продукты своего подсобного хозяйства. Директор одной пошивочной мастерской прислал однажды прямо в суд закройщика, чтобы снять с Пушина мерку для пошива костюма. Но тут же нашлись завистники и направили анонимное письмо прямо в обком партии, мол, коммунист Пушин развел блат, злоупотребляет своим служебным положением. Зная, кто это сделал, Пушин однажды зашел в соседний кабинет, где работали «наши бабоньки», в новом, только что сшитом костюме, положил им на стол квитанцию об уплате стоимости пошитого костюма и сказал: «Когда будете писать очередную анонимку на меня, то, пожалуйста, не перепутайте название пошивочной мастерской». Те, конечно, в слезы и тут же побежали с жалобой к председателю областного суда. Алексей Силаевич, выслушав жалобщиков, весь перекосясь и, с трудом выдавливая из себя слова, сказал: «Если еще одна анонимка поступит на

Пущина, то я всю вашу коллегия отправлю на пенсию и не буду проводить никаких графологических экспертиз, о чем вы просите». Жалобщики пулей вылетели из кабинета председателя, но больше анонимок ни на Пущина, ни на других работников суда не поступало. Жаков при всех его недостатках, невысокой квалификации и грубости по отношению к подчиненным был человеком честнейшим и очень скромным в быту. Кстати, такими же скромными в быту были и прокурор области, и начальник управления юстиции, да, пожалуй, и большинство руководителей областного уровня.

Молодые специалисты работу суда по рассмотрению кассационных дел осваивали довольно быстро. Но однообразие ее надоедало, да и объем этой работы даже для молодых и здоровых людей был изнурительным. Пять кассационных дней в неделю и по пять-шесть дел у каждого докладчика. И так шли заседания изо дня в день, из месяца в месяц. Самостоятельная работа по рассмотрению дел первой инстанции им казалась более интересной. К тому же пожилые члены суда, особенно женщины, на оперативных совещаниях нет-нет да и поднимали перед Жаковым вопрос, мол, пора наших гвардейцев отправлять уже в самостоятельное плавание. При этом они имели в виду поручать им рассмотрение уголовных дел первой инстанции с выездом в районы и города области.

Бесконечные командировки по области, ночевки в служебных кабинетах народных судей, постоянные переезды из города в город, питание всухомятку, конечно, пожилым людям были в тягость. Однако Жаков медлил с решением этого вопроса. Он боялся, что молодые судьи по неопытности могут допускать ошибки, из-за которых возможна отмена приговоров. А это уже плохо, так как наверху работа суда оценивается по числу оставленных в силе и отмененных приговоров. Но через несколько месяцев Жаков пришел к выводу, что Бортненко и Кузнецову можно уже поручать рассмотрение дел первой инстанции. И они приступили к этой работе. Однако вскоре произошла серьезная неприятность по делу Култузова, осужденного судом под председательством Бортненко за бандитизм.

Банда, членом которой был Култузов, еще до Великой Отечественной войны в одном из районных центров зарезала четырех человек: мужа, жену и двоих их детей. Все участники этой банды, кроме Култузова, вскоре после совершенного ими преступления были арестованы, и еще до начала войны им были назначены разные меры наказания. Култузов находился в бегах и был арестован лишь через 10 лет после совершения преступления.

Сомнений в том, что он участвовал в ограблении и убийстве четырех человек, не было, а вот доказательств к тому времени поубавилось. Отказались от своих ранее данных как на следствии, так и в суде показаний осужденные – члены этой банды, некоторых свидетелей не удалось найти, а некоторых не было уже и в живых. Но косвенных улик было много, они замыкались в цепь и изобличали Култузова в совершении указанного преступления. Этот процесс вел Бортненко, и на нем от начала и до конца присутствовали Пущин и второй член его судебного состава Кузнецов, конечно, только в зале судебного заседания среди публики. Суд по этому делу вынес Култузову обвинительный приговор, с которым и Пущин, и Кузнецов были согласны. Однако адвокат написал жалобу, и дело ушло в Верховным суд РСФСР. Каково же было удивление и огорчение всех этих трех судей, когда дело возвратилось в областной суд. Приговор по делу Култузова был отменен, а дело производством прекращено за недоказанностью вины. Култузов был освобожден из-под стражи. Эту неудачу переживал не только Бортненко, но в равной мере с ним переживали и его товарищи Пущин и Кузнецов.

Председатель суда Жаков чуть ли не на каждом оперативном совещании склонял фамилию Бортненко, ведь необоснованное осуждение всегда считалось очень серьезным нарушением законности в деятельности любого суда. «Наши бабоньки», хотя открыто и не присоединялись к критике Жаковым молодого специалиста, но всем своим поведением как бы говорили: «Не задавайтесь, сперва наберитесь опыта, потом беритесь за рассмотрение сложных дел». А судья Кузовкова прямо заявила: «Я бы это дело ни за что не стала рассматривать по существу, а возвратила бы его в прокура-

туру на исследование. Поскольку прежние доказательства за время, прошедшее со дня совершения преступления, порас-
терялись, а новых доказательств прокуратура уже не добу-
дет, то ей волей или неволей пришлось бы дело производ-
ством прекратить. Я намекала на это Бортненко, так куда
там, мол, будет нарушен принцип неотвратимости наказа-
ния. Вот теперь попробуй докажи обратное, сам получил
оплеуху и областному суду сделал большую неприятность.
Еще один-два таких прокола, и Алексей Силаевич начнет
причесывать своих гвардейцев под одну гребенку».

Но Бортненко решил не сдаваться и не каяться, так
как был уверен в своей правоте. Его не заворожил и авто-
ритет Верховного суда, он сел и написал по делу Култузова
подробное и обоснованное представление на имя председа-
теля Верховного суда СССР. В те времена, пока в 1954 г. не
создали при краевых и областных судах президиумы, Вер-
ховные суды СССР и РСФСР были буквально завалены
надзорными делами, которые находились там без движения
месяцами. Только через несколько месяцев Верховный суд
СССР отменил определение Верховного суда РСФСР, и при
новом кассационном рассмотрении приговор в отношении
Култузова был оставлен в силе. Такой оборот дела прида-
л уверенность в работе не только судье Бортненко, но и всем
другим молодым специалистам этого областного суда.

У Кузнецова работа по рассмотрению дел первой ин-
станции складывалась пока удачно. У него не было отменен-
ных и даже измененных приговоров. Теперь он большую
часть рабочего времени проводил в служебных командиров-
ках по области. Вот и на этот раз не прошло и недели после
возвращения его из очередной командировки, как снова
приглашает его к себе председатель областного суда.

Многие члены суда, зная характер своего председателя,
не любили ходить к нему в кабинет по вызову, так как при
этом часто можно было выйти из кабинета с испорченным
настроением. Когда Кузнецов зашел к Жакову в кабинет, то
Алексей Силаевич встретил его довольно приветливо. Види-
мо, настроение у него в этот день было хорошее.

– Вот тут у нас есть одно дело, заволакиченное произ-
водством, – сказал он, обращаясь к Кузнецову, – так я хочу

поручить рассмотрение его тебе. Но сразу же решил спросить, веришь ли ты в приметы.

– Нет, – сказал Кузнецов, – никогда в приметы не верил и не верю.

– Вот и хорошо, я тоже не верил в них, но вот теперь заколебался. Девяносто процентов дел, поступающих в облсуд, мы рассматриваем в течение месяца, а вот это дело под номером 13 поступило к нам третий раз после отмены двух приговоров. Может, и правда число 13 несчастливое?

На столе у председателя лежало небольшое одностомное дело, на обложке которого была жирным шрифтом написана цифра «13» и «1950 год». Не дожидаясь дальнейших указаний, Кузнецов взял со стола дело и пообещал, что внимательно его изучит и немедленно назначит к слушанию с выездом на место. Он знал, что дальнейшая беседа по делу для него невыгодна, мало ли что может сказать председатель, и если он будет ему поддакивать, то может связать себя по рукам еще до рассмотрения дела. Лучше в таких случаях не касаться существа дела. К тому же и Жаков не любил, как он говорил, антимоний, то есть разговоров неконкретных, а следовательно, и ненужных. Не опускался он в беседы с подчиненными и до выяснения таких вопросов, как жизнь идет или как отпуск провел. Он считал такие разговоры проявлением панибратства и был уверен, что они создают неслужебные отношения. Все это Кузнецов хорошо знал и поэтому во взаимоотношениях с Жаковым строго придерживался официальной линии.

Дело, которое поручил ему рассматривать Жаков, действительно было скандальное, и в разговорах на бытовом уровне члены суда и работники канцелярии называли его кто водным, а кто водяным. Такое прозвание дело получило потому, что проходившие по нему в качестве подсудимых трое несовершеннолетних ребят изнасиловали свою сверстницу в воде, точнее в озере, находившемся на окраине города, в котором все они проживали.

Это дело дважды рассматривалось областным судом, и оба раза председательствовали по делу пожилые женщины. Первый раз подростки были приговорены к лишению свободы от 15 до 20 лет, а второй раз от 10 до 15 лет. Оба приговора

областного суда были отменены судебной коллегией Верховного суда РСФСР с направлением дела на стадию предварительного расследования. После этого дело несколько раз назначалось к слушанию, но по разным причинам откладывалось. Подсудимые находились под стражей более полутора лет. Судьи, как правило, не любят рассматривать такие дела по многим причинам, и одна из них – это утрата доказательств. С течением времени притупляется острота восприятия содеянного, меняют показания свидетели и потерпевшие, а некоторые просто уклоняются от явки в суд. Все это Кузнецов хорошо понимал, но не забывал он и об особой опасности содеянного. Об этом преступлении из-за его необычности говорили не только в том городке, где оно было совершено, но о нем прошел слух по другим городам и поселкам области.

Изучив дело, Кузнецов понял, почему оно, такое простое на первый взгляд, так долго расследовалось прокуратурой. Вначале и следствие, и суд много внимания уделяли вопросу о том, а возможно ли вообще совершить такое преступление в озере, где температура воды в это время года бывает 14–16 градусов, а то и ниже. Судебно-медицинские эксперты, привлеченные к участию в деле, давали на этот счет противоречивые заключения. Неоднократно меняли свои показания как потерпевшая, так и подсудимые.

Прокуратура в начале следствия, располагая материалами против обвиняемых, ничем не закрепила эти доказательства. А когда в суде обвиняемые от своих показаний отказались, то сразу же возникла масса вопросов: на каком расстоянии от берега находились потерпевшая и подсудимые во время совершения действий, вменяемых им в вину, какая глубина озера в этом месте бывает в первой половине июня и какая бывает температура воды. Поскольку на берегу озера в тот воскресный день находились люди, то встал вопрос и о том, могли ли они слышать крик потерпевшей, если бы она звала кого-то из них на помощь. Одним словом, чтобы ответить на все эти вопросы, поставленные Верховным судом РСФСР в сентябре месяце, надо было прокуратуре области ждать почти год. Но и проведенные замеры глубины озера и температуры воды в первой половине

июня следующего года ясности в дело не внесли. Поэтому приговор суда был отменен вторично.

Кузнецов, несмотря на свою молодость (ему в то время не было еще и 30 лет), отличался крестьянской рассудительностью и честностью. Думал он не о том, как бы избавить себя от этого дела, а наоборот, как бы рассмотреть его во что бы то ни стало и притом правильно. Ему уже приходилось рассматривать «замордованные» дела, и каждый раз он находил приемлемое решение для обеих сторон – обвинения и защиты. Нашел он, по его мнению, наиболее правильный подход и к этому делу. Из дела было видно, что потерпевшая знала двоих обвиняемых еще до совершения ими с ней непристойных действий, а с одним из них некоторое время она была в близких отношениях. Заявление в органы милиции о привлечении их к ответственности она сделала не сразу, а спустя три с лишним месяца, после того, как среди ее знакомых распространился слух о ее непристойном поведении. Этот слух также дошел до ее родного брата, работавшего участковым милиционером, который дома обвинил сестру в безобразном поведении, и только тогда потерпевшая заявила, что была изнасилована. Тут же под диктовку брата она написала заявление в милицию – и делу был дан законный ход. Об этой стороне дела знали жители городка и поэтому проявляли к нему большой интерес, не говоря уже о родителях и родственниках подсудимых, которые во всем случившемся обвиняли саму потерпевшую. К таким мыслям людей подталкивало и сочувствие к подсудимым, которые уже длительное время находились под стражей.

Когда Кузнецов пришел в суд, где ему предстояло рассматривать дело, то увидел вокруг здания суда большое скопление людей. Он объяснял им, что дело будет рассматриваться в закрытом судебном заседании, а приговор суда, если суд состоится, будет оглашен не ранее чем в 10 часов следующего дня. Часть публики после такого объявления, сделанного судьей, разошлась, а часть, в том числе родственники, близкие знакомые, друзья подсудимых дежурили вокруг здания и в первый и во второй день, пока шло закрытое судебное разбирательство.

Многие смотрят на судей однобоко, забывая, что они такие же люди, как и все, и им тоже присущи и жалость и сострадание. Кузнецов, увидев в зале суда за загородкой под охраной конвоя опасных преступников, какими они представлялись по делу, подумал, что если бы выпороть всех хорошенько в свое время ремнем по месту ниже спины, все бы согласилось с тем, что мера наказания достаточна. Они сидели какие-то жалкие, исхудавшие, подавленные обстоятельствами. Ну куда таким детям давать срок в виде 15 лет лишения свободы, им самим-то во время озерного, а скорее всего озорного дела было чуть больше 15. А что из них выйдет, если они пробудут в лагере, где сидят взрослые и действительно опасные преступники, 10–15 лет? А как будут их родители относиться к той власти, которая так жестоко и немилосердно наказала их детей?

В этом третьем по счету суде были и эксперты, и прокурор, и адвокат. Но судья во время заседания решительно пресек попытки защитника снова возобновить спор, а можно или нельзя совершить половой акт в холодной воде. Это очень индивидуально, заявил эксперт, и зависит от многих причин, в том числе от физиологического и психологического состояния людей. В спокойной и деловой обстановке Кузнецову удалось в судебном заседании вести доверительный разговор прежде всего с подсудимыми и потерпевшей. Их допрос в отличие от первых двух судов велся в отсутствии родителей, поэтому они, и особенно потерпевшая, говорили откровенней.

И судья, и народные заседатели единодушно пришли к выводу, что подростки совершили в тот злополучный день, хотя и дерзкое, но озорство, а не изнасилование. Потерпевшая вполне могла рассчитывать на помощь граждан, отдыхавших в тот день на берегу озера, но она к ним за помощью не обращалась. Суд признал всех троих подсудимых виновными в хулиганстве и определил им меру наказания в пределах отбытого ими срока, всех троих освободили из-под стражи.

На оглашение приговора в зал суда были допущены родители и другие любопытствующие люди. По делам, которые рассматриваются в закрытом судебном заседании, жела-

ющих послушать приговор всегда бывает много, а уж по таким, как это, и тем более. Публика ломится в суд так, как будто здесь дают желающим ордера на квартиры или какой-нибудь очень дефицитный товар.

Подсудимые, выслушав приговор, восприняли его как-то вяло, без особого энтузиазма, хотя прокурор снова просил всем им определить наказание в пределах санкции закона, то есть не менее 10 лет лишения свободы. А родители подсудимых от неожиданного поворота событий были в какой-то даже растерянности. С мамой одного подсудимого от чрезмерного волнения стало плохо. Когда судьи покидали помещение суда, то народ еще стеной стоял около здания, и многие в адрес суда выкрикивали одобрительные отзывы: «Молодцы!» «Вот что значит быть справедливым». «Судья, так держать!» и т.д.

Когда Кузнецов вернулся на работу и члены суда узнали о результатах рассмотрения этого скандального дела, то некоторые из старых работников сказали, что он молодой еще, не битый, вот шишек наставят ему, тогда будет поосторожней. Но Кузнецов больше всего хотел знать мнение члена суда Пушина, его, можно сказать, наставника, под руководством которого он делал в суде первые шаги. Юрий Николаевич, как всегда, был немногословен, опираясь на костыли, он вышел из-за стола, приставил их к стенке и култышками рук обнял Кузнецова, сказав при этом: «Молодец, это по-нашенски, ты же знаешь, что я люблю людей смелых и разумных».

Председатель суда Жаков, выслушав информацию Кузнецова, спросил его:

– Как ты думаешь, принесет прокуратура области протест или нет?

– Думаю, что нет, – ответил Кузнецов, – ведь если отменят приговор в третий раз, то снова придется ждать почти год, когда в этом городе растает озеро.

Протеста по делу не последовало. Вроде все были довольны его исходом, даже и те двое судей, которые рассматривали его в первый и во второй раз. Одна из судей сказала: «Наступает молодежь нам на пятки. Они смелее и решительнее нас, они меньше, чем мы, боятся упреков на-

чальства». Да, это была правда. «Гвардейская» коллегия оправдала свое название.

Как в областных, так и в народных судах в то послевоенное время шла смена поколений судей. На место опытных, трудолюбивых, кристально честных практиков, но не имеющих даже среднего юридического образования, приходили по распределению после окончания институтов и юридических школ молодые специалисты без какого-либо опыта судебной работы, но более грамотные по сравнению с их старшими товарищами по работе. В недалеком будущем этим молодым людям предстояло возглавить районные, городские народные суды, возникшие на базе упраздненной участковой системы судов, а некоторым из них руководить даже областными и краевыми судами.

БЫТ И РАБОТА СУДЬИ

Через полгода после прибытия в город Сибирск Кузнецову удалось улучшить свои жилищные условия, он поселился в отдельной небольшой комнатке в доме с печным отоплением в качестве временного жильца. А когда основной квартиросъемщик переехал в другой город, то эту комнату закрепили за ним. И очень кстати: наступало время создавать семью.

В канун распределения молодых специалистов, окончивших Западно-Сибирскую юридическую школу, Кузнецов сдавал экзамены в том же городе за первый курс заочного юридического института. В это время он зарегистрировал брак со студенткой Наташей Яниной, и ее распределили в Сибирск по месту работы мужа. Свадьбу они решили сделать настоящую, в доме ее родителей, проживавших в нескольких часах езды от Сибирска, с приглашением родственников и друзей. А пока суд да дело, Кузнецов только тем и занимался, что рассматривал уголовные дела с выездом на места. И вот настал день, когда он встретил свою молодую жену и обратился к Жакову с просьбой о предоставлении ему недельного отпуска на свадьбу и на дорогу.

– Но у тебя же назначены дела с выездом в командировку, – напомнил Жаков, – кто их и когда будет изучать?

– Меня может с успехом заменить любой судья, – сказал Кузнецов, – их у нас, слава Богу, более 30.

Жаков в предоставлении Кузнецову отпуска без сохранения содержания отказал, сославшись на то, что в Кодексе законов о труде нет такой статьи, которая обязывала бы

руководителя организации предоставлять работнику отпуск по случаю вступления его в брак.

– К тому же, – добавил Жаков, обращаясь к Кузнецову, – сколько раз можно делать свадьбы? Брак Вы зарегистрировали несколько месяцев назад, жена Ваша приехала к Вам и живет у Вас уже целую неделю. Так что рассматривайте назначенные с выездом на место дела, потом берите отпуск и гуляйте хоть две недели подряд.

Возмущению Кузнецова поступком Жакова не было предела. Эту обиду на него он пронес через всю жизнь. Из-за глупого упрямства Жакова Кузнецовы так и не сыграли свадьбы.

Однако жизнь в областном суде шла своим чередом. Население области быстро увеличивалось, так как этот уголок Сибири буквально на глазах из сельскохозяйственного превращался в промышленный. Бурными темпами строились металлургические, химические, машиностроительные заводы, закладывались новые шахты и разрезы.

Росла, конечно, и преступность, но люди на бытовом уровне этого не замечали. Они, как и прежде, спокойно ходили вечерами в театры, рестораны, бывали друг у друга в гостях. Они и ведать не ведали, что где-то в судах больше стало дел, кому-то из судей труднее стало работать.

Сибирский областной суд, как и большинство судов того времени, работал напряженно, в режиме девятичасового рабочего дня, как говорили судьи, с девяти и до девяти – это в лучшем случае. Но нередко им приходилось задерживаться на работе до 10 и даже до 11 вечера. Когда их жены дома спрашивали: «И что вы там по ночам делаете?» – некоторое из них, отшучиваясь, говорили: «Сiju и жду. А вдруг позвонит в суд министр юстиции, а меня на месте нет, и телефона дома тоже нет, что тогда делать? Вот поставят нам с тобой телефон дома, и приходить тогда буду вовремя». Одним словом, судьи в те времена работали с большим энтузиазмом, и на свою судьбу никто из них не жаловался. Еще не забылось военное время, когда было еще труднее. А жизнь понемногу улучшалась. Не стало карточной системы, медленно, но снижались цены на самые необходимые продукты и товары.

Кузнецов, Бортненко и Ознобинов почти половину своего рабочего времени проводили в служебных командировках. К Кузнецову прикрепили в качестве секретаря судебного заседания Машу Заринову после окончания ею 10 классов. Она тоже хотела бы поступить на учебу в юридическую школу, но для этого ей надо было иметь возраст 23 года и стаж работы не менее двух лет. Дела у Маши пошли хорошо, она оказалась очень старательной, и пока суд находился в совещательной комнате, она успевала начисто сделать протокол судебного заседания с тем, чтобы дело можно было отправлять по почте в облсуд, а не возить его с собой из одного района в другой.

Быт судей в те времена был устроен плохо. Но особые неудобства судьи испытывали в период командировок по области. Гостиницу в те времена заказать было трудно, да это и дорого. Поэтому судьи, находясь в командировках, останавливались у своих родственников, знакомых, а чаще всего прямо в суде. Зимой тепло было только в кабинете судьи, где командированные и спали. Тогда у каждого начальника, в том числе и у судьи, в кабинете обязательно стоял мягкий диван. Оставшиеся ночевать в кабинете судья и секретарь разбирали диван, спинку дивана ставили на четыре стула – и получались две мягких кровати.

Такая практика сложилась со времен войны, когда судьями были преимущественно женщины. Но постепенно состав суда менялся, появились судьи-мужчины. Не каждый судья и тем более не каждый секретарь соглашались ночевать в одном кабинете. В случае, если секретарем была молодая девушка или женщина, она шла спать к уборщице, которая, как правило, была одновременно и сторожем в суде и проживала в этом же здании, либо просилась на ночлег к кому-нибудь из работников суда. Но некоторые девушки не стеснялись и оставались на ночлег в одном кабинете с судьей Ознобиновым, считая его стариком, хотя было ему в то время чуть больше пятидесяти. Так было им удобнее в интересах дела: вечером они дорабатывали протокол судебного заседания, могли вместе сходить в столовую или даже в кино. Нравы в те времена были очень строгие,

и мало кто мог подумать что-то неприличное и предосудительное об их поведении.

Первое время в командировках Маша стеснялась ночевать в одном кабинете с Кузнецовым. Она пристраивалась на ночь спать в комнате уборщицы или просилась на квартиру к кому-либо из девушек, работавших в суде. Но это ей показалось очень неудобным, и она обратилась к Кузнецову с просьбой, нельзя ли ей ночевать вместе с ним в одном кабинете, как это делали секретари с судьей Ознобиновым.

– Но Ознобинов пожилой человек, – сказал Кузнецов, – а я пока еще молодой, что о нас подумают люди? Тебя, когда об этом узнают девочки из канцелярии суда, засмеют, а со мной жена разойдется. Ни за что пропадет моя учеба в юридической школе, и тебя никто в эту школу не примет, как морально опустившуюся.

– Нет, Владимир Владимирович, – сказала Маша, – мы всех судей хорошо знаем, с другим, может быть, я сама ни за что не согласилась ночевать в одном кабинете, а на Вас я надеюсь, как сама на себя.

С тех пор Маша Заринова и Кузнецов в командировках жили как брат и сестра. Она настолько к нему привыкла, что не стеснялась, когда выключен свет, ходить по кабинету в одной сорочке, расчесывая свои длинные, до пояса волосы. Зимой в кабинете даже при выключенном свете все было видно как днем. Однажды Маша спросила у Кузнецова:

– А знает ли Ваша жена, что мы в командировках ночуем с Вами в одном кабинете?

– Знает, – ответил Кузнецов.

– Если она у Вас ревнивая, – сказала Маша, – то ей это тяжело переносить. Скажите ей, что я готова получить соответствующую справку у гинеколога, и Вы сами ей ее покажите.

По возвращении из командировки Кузнецов передал своей жене это предложение Маши. «Я на такое унижение не пойду, – сказала Кузнецову его жена. – Я должна верить мужу, а не какой-то Маше». С тех пор они больше никогда к этой теме не возвращались.

Жена Кузнецова обладала очень сильным характером, и даже в случаях, когда, на ее взгляд, были основания приревновать его в компании к какой-нибудь женщине, она этого ничем не выдавала. Как-то на пятом или шестом году их совместной жизни они принимали у себя дома гостей. Кузнецов перестарался немножко и был очень навеселе. Он постоянно танцевал и заметно ухаживал за одной миловидной женщиной, которая была в гостях у них со своим мужем. Жена Кузнецова, видя это, иногда уходила в ванную комнату выплакаться там и, вытерев насухо лицо, снова возвращалась к гостям как ни в чем не бывало. Об этом Кузнецов узнал несколько лет спустя от своей племянницы, которая жила у них в то время и возилась с их маленьким сынишкой. Эта племянница признавалась: «Ох, дядя Володя, как я на Вас была сердита и как мне тогда хотелось Вас избить, но не посмела».

Молодая секретарша Маша Заринова в командировках блюла не только себя, но она ревниво относилась ко всем женщинам, которые, по ее мнению, пытались «положить глаз» на ее непосредственного начальника. В одном из народных судов судья, молодая женщина, после окончания рабочего дня пригласила к себе Кузнецова на чашку чая. Вначале он отказался, а когда она объяснила ему, что у нее сегодня день рождения и она очень хотела бы видеть его у себя в гостях, он согласился посидеть у нее часик – два. Однако Маша тут же заявила, что она одна в суде не останется, так как боится. Уборщицы-сторожа в этом суде в то время не было. Судья нехотя пригласила к себе и Машу. Каково же было удивление Кузнецова и Маши, когда они, придя в квартиру судьи, увидели, что стол уставлен различными угощениями, и поняли, что на этот вечер не было приглашено больше ни одного гостя. Поужинав наскоро и поздравив еще раз хозяйку дома с днем рождения, Кузнецов и Маша удалились ночевать в свою не очень гостеприимную гостиницу. Всю дорогу в суд Маша поступком судьи искренне возмущалась:

– Вот нахалка, вот шлюха, что придумала. Интересно было бы посмотреть на Вас, Владимир Владимирович, как бы Вы стали от нее отделяваться после ужина.

– Очень просто, – ответил Кузнецов. – Чтобы изменить своей жене, мне надо сначала влюбиться. Если ты разбираешься в людях, то знаешь, что далеко не каждая женщина подойдет для меня на такую роль. Да и время надо для этого приличное, а не один день и тем более не один час.

Через какое-то время Кузнецов снова вместе с Машей оказался в гостях – у супружеской пары Прокоповых. Обычно, когда они приезжали в очередной город или район для рассмотрения дел, их никто никогда не встречал. Они самостоятельно добирались до суда и, в зависимости от обстановки, шли либо искать столовую, либо в случае позднего времени ужинали тем, что приобрели заблаговременно. На этот раз Кузнецова встречал на вокзале сам судья города Ельники на своей легковой автомашине «Победа». Несмотря на возражения Кузнецова, он уговорил их с Машей поехать к нему на квартиру пообедать. Был выходной день, и они согласились. Встретили их там на высшем уровне. Сначала они с дороги приняли ванну, потом их угостили чудесной окрошкой. Были за столом и коньяк, и шампанское. Ночевать их в суд хозяева не отпустили, а предложили каждому отдельную комнату и постель с белоснежным бельем. Ни за столом, ни после обеда хозяева ни о чем Кузнецова не просили.

На следующий день Кузнецов рассмотрел дело, и они уехали в другой город. Дорогой, обсуждая их встречу с судьей Прокоповым, они никак не могли понять, за что и почему им был оказан такой теплый прием. В городе Ельники было несколько районов, и в каждом районе по несколько судебных участков. Дело, которое рассматривали Кузнецов и Заринова, было назначено к слушанию в первом участке Центрального района, где судьей работал Смирнов. Если бы он приехал на вокзал встречать Кузнецова, то это было бы как-то объяснимо. Мол, выходной день, суд заперт на замок, дело Ваше мы получили по почте, и оно находится у меня в сейфе, вот поэтому я Вас и встретил. Все было бы понятно и логично. Но судья Прокопов работал в Заводском районе и не мог знать, если специально не наводил справки, когда и из какого города приедет в Ельники Кузнецов. Видимо, поэтому Маша Заринова и спросила Кузнецова:

– А Вы, Владимир Владимирович, не сообщали Прокопову о том, когда мы приедем в Ельники?

– Нет, – ответил Кузнецов, – не сообщал, больше того, я еле-еле вспомнил, как его зовут, когда увидел на вокзале. А когда он стал настойчиво приглашать сначала меня, а потом и тебя к себе в гости, я сразу понял, что у него ко мне есть какой-то интерес, но вот в чем этот интерес, мне пока не ясно.

– А может, и нет у него к Вам никакого потаенного интереса. Может, Вы ему просто нравитесь, и он хочет завязать с Вами дружбу, – сказала Маша.

– Все возможно, – ответил Кузнецов, но жизненный опыт подсказывает, что здесь кроется что-то иное.

И это что-то иное не заставило себя долго ждать. Недели через две после возвращения Кузнецова из той командировки его по пути с работы домой встречает судья Прокопов с большим букетом цветов. Ничего не объясняя, что и к чему, он приходит вместе с Кузнецовым на его квартиру. Букет цветов, оказывается, был предназначен жене Кузнецова.

«Ни черта себе, – подумал Кузнецов, – стоило раз пообедать у него дома, и он со мной теперь обращается как с бедным родственником». Пока жена Кузнецова готовила ужин, он решил не откладывать разговор на потом, а прямо приступил к делу.

– Петр Петрович, насколько я разбираюсь в геометрии, у тебя ко мне есть какой-то деловой разговор, поэтому давай, брат, до ужина на трезвую голову откровенно поговорим о цели твоего визита.

– А может, сначала выпьем, закусим, – сказал Прокопов, вынимая из портфеля коньяк и шампанское, – а потом будем и разговоры разговаривать?

– Нет, дорогой Петр Петрович, я люблю серьезные дела решать в трезвом виде, так что говори, что тебя заставило искать со мной встречи.

Оказалось, что Кузнецов на следующий день должен был докладывать в кассационной инстанции дело по обвинению каких-то торговых работников, осужденных одним из народных судов города Ельники к разным мерам наказания.

Прокопов просил отменить этот приговор на стадии предварительного расследования. Жена Кузнецова, чувствуя, что за стеной происходит что-то неладное, пришла, села за стол и все время сидела молча.

Супруги Кузнецовы, выслушав все, что хотел сказать Прокопов, переглянулись, затем Кузнецов встал из-за стола, принес плащ Прокопова и помог ему одеться.

– Если бы вы, Петр Петрович, хотели помочь этим людям честно, – сказал Кузнецов, – то вы могли бы мне об этом позвонить по телефону или прийти на работу и все объяснить. Поступать так, как поступили Вы, может только человек, крайне заинтересованный в исходе дела либо получивший взятку. А раз так, то больше нам с вами говорить не о чем. – И выпроводил незваного гостя из квартиры, предварительно положив обратно в его портфель коньяк и шампанское.

У супругов Кузнецовых весь вечер оказался испорченным. Жена Кузнецова никак не могла понять, почему Прокопов пришел к ним на квартиру и так бесцеремонно и запросто обращался к ее мужу, как к какому-то злостному взяточнику.

На другой день Кузнецов заявил по этому делу себе самоотвод, не объясняя никому причин. Он не хотел доставлять неприятности Прокопову и рассказывать правду о случившемся. Для изучения и доклада в кассационной инстанции это дело было передано члену суда Елизаровой. Каково же было удивление Кузнецова, когда на следующий день утром по пути на работу он увидел, как судья Елизарова выходила из подъезда своего дома вместе с Прокоповым!

Елизарова была одинокой женщиной и скромным поведением не отличалась. В таком случае, решил Кузнецов, молчать дальше он не имеет права, и все, что знал о Прокопове, рассказал Пущину. Именно он в этот день должен был председательствовать в судебном составе, где судья Елизарова докладывала дела. Кузнецов знал, что кого-кого, а Пущина склонить на принятие незаконного решения никто не сможет. Елизарова, по словам Пущина, выдала свою заинтересованность в исходе этого дела с головой. Но дело было решено так, как и следовало по закону. Прокопов

возвращался домой ни с чем и больше никогда на вокзале Кузнецова не встречал.

Пушин и Кузнецов решили о случае в отношении Елизаровой не докладывать Жакову. Тот бы сразу начал вести служебное расследование, требовать от всех объяснение, а у них фактов никаких не было, только эмоции.

Но через какое-то время другой скандал, произошедший с Елизаровой, наделал много шума. Органы милиции у нее на квартире произвели обыск и изъяли дамскую сумочку, в которой, якобы, она получила взятку по какому-то делу. Такого позорного случая в суде не бывало со дня образования области. Жаков, узнав, что органы милиции не получали от Президиума Верховного Совета РСФСР санкции на возбуждение уголовного дела в отношении судьи Елизаровой, как это требовалось по закону, поднял во всех инстанциях, и в первую очередь в партийных, страшный шум. Обком партии его поддержал, так как тоже не был заинтересован в таком позоре для области. Дело замяли, а Елизарову освободили от занимаемой должности по собственному желанию.

Но ей не пришлось обивать пороги различных организаций в поисках работы. Один из высокопоставленных ее обожателей – заместитель председателя облисполкома – пристроил ее заведующей отделом в Сибирский областной совет профсоюзов. Даже Жаков, не любивший обсуждать всякие служебные, а тем более житейские передрыги, на этот раз не выдержал и в присутствии нескольких работников областного суда сказал:

– Не ожидал, что так быстро обнаглеют наши руководящие донжуаны, ведь после смены сталинского правительства не прошло еще и двух лет. При прежних порядках этот благодетель за повышение в должности скомпрометировавшего себя работника, как минимум, поплатился бы своей красной книжечкой.

– Алексей Силаевич, – сказала ему старейшая по возрасту член суда Ольга Николаевна Татьяна, – ведь не правительство сменилось у нас, а сменилась политика. Сейчас слово «партийный» – это пока еще синоним бессребреника, человека, фанатично преданного идее добра и справедливо-

сти, а пройдет какое-то время, и при теперешней политике многие бывшие партбилетчики будут стесняться, что они были партийцами.

Тогда никто из присутствовавших при разговоре не подумал всерьез о словах секретаря парторганизации облсуда мудрой Татьяниной, мало ли что взбредет в голову фанатичной революционерке. Она все еще мыслит так, как в свое время, лет 30 назад, мыслили люди ее поколения. Но слова Татьяниной оказались пророческими, они полностью подтвердились через несколько десятилетий.

Кузнецову и Бортненко, когда они начинали трудиться в Сибирском областном суде, казалось, что такой большой объем судебной работы – явление временное. Это, по их мнению, было следствием четырехлетней войны, разрухи, массового переселения людей из одних мест в другие, гибели миллионов самого работоспособного населения, особенно мужчин, безнадзорности детей и подростков. По молодости лет они надеялись, что через какое-то время улучшится жизнь в стране и преступность пойдет на убыль. Но вот уже прошло несколько лет, как они приехали на работу в этот суд, а заметного сокращения преступности в области не наступило. Изю дня в день дела, дела, дела, и конца этой работе не видно. Они уже вошли в число опытных судей и сами теперь помогали молодым специалистам осваивать эту нелегкую профессию. Состав суда значительно обновился, помолодел, а вот руководство суда оставалось пока прежним.

Но неожиданно наступило время целой серии кадровых перемен. Покинул областной суд их самый большой друг и наставник Юрий Николаевич Пушин. Ему предложили учебу в Москве на девятимесячных курсах повышения квалификации юристов, существовавших в то время при Министерстве юстиции РСФСР. Он дал согласие и вместе с семьей уехал. Перед самым отъездом по секрету поведал своему другу Кузнецову, что он после окончания учебы на курсах в Сибирский областной суд не вернется, а попросит для работы место, где климат потеплее и условия жизни

получше. Поэтому он предложил Кузнецову переехать с семьей в его комнату на условиях временного жилья на весь период его учебы и сообщил, что с руководством коксохимзавода, которому принадлежал дом, уже об этом договорился.

Так Кузнецов нежданно-негаданно благодаря помощи старшего товарища улучшил свои жилищные условия. Хотя это была коммунальная квартира, где жили еще две семьи судей, но дом был капитальный, с паровым отоплением. По сравнению с тем каркасно-засыпным домиком, в котором жил Кузнецов, это был если не рай, то что-то близкое к этому. Кузнецов надеялся, что если Пущин в Сибирск не вернется, то его, как судью, коксохимзавод не станет выселять из этой комнаты без предоставления другой жилплощади. Так оно впоследствии и получилось.

Не успел еще забыться отъезд Пущина, как работники облсуда узнали, что заместитель председателя Брюхов переводится с его согласия председателем лагерного суда в Восточно-Сибирском крае. В отличие от проводов Пущина, которого многие работники суда искренне любили и уважали, отъезд Брюхова прошел как-то незаметно.

В скором времени его должность занял член суда Петр Иванович Бортненко. Это назначение было воспринято всеми нормально. Петр Иванович был человек трудолюбивый, исполнительный, грамотный и кристально честный. Особенностью его характера была сдержанность во всем, он как бы глухой стеной отгородился от всех и ни с кем ни в какие доверительные отношения не вступал. И в этом он во многом походил на Жакова. Исключением был только Кузнецов. Поскольку они вместе учились, вместе начали работать в облсуде, дружили семьями, к тому же Кузнецов был крестным отцом его первенца, то, естественно, на работе и в быту они обращались друг к другу на «ты» и только по имени. Однако, став заместителем, Бортненко попросил Кузнецова на работе называть его не «Петро», а Петром Ивановичем, и не на «ты», а на «Вы». Вначале Кузнецов обиделся на друга, мол, не успе стать начальником, как уже зако-

миссарился, но, поразмыслив, пришел к выводу, что так оно будет, пожалуй, лучше для них обоих, и решил на этот шаг товарища не обижаться.

В скором времени в суде произошло событие уже совсем сенсационное. Приехала комиссия из Министерства юстиции РСФСР проверять жалобу работников облсуда на неправильный стиль работы и грубое поведение председателя областного суда Жакова Алексея Силаевича. Жалоба была не анонимной, а подписана чуть не всеми членами областного суда во главе с заместителем председателя по гражданским делам Шиковой Ольгой Николаевной.

Началась служебная проверка жалобы. Члены комиссии вызывали по очереди всех работников суда и всем задавали одни и те же вопросы, ответы записывали. Постепенно они убеждались, что все факты, приведенные в жалобе, имели место, что стиль работы Жакова Алексея Силаевича порочный, а отношение его к людям высокомерное и неуважительное. Жаков вскоре после отъезда министерской комиссии был освобожден от занимаемой должности и уехал работать в один из районов области в управление исправительно-трудовых лагерей начальником отдела кадров.

Конечно, если бы Жаков был человеком более покладистым и беспрекословно, как это делали другие, выполнял все просьбы руководства обкома КПСС и облисполкома, то вряд ли так просто, по первой жалобе коллектива, взяли да сняли бы с работы человека, проработавшего на руководящей должности около десяти лет, причем ни разу в прошлом не привлекавшегося ни к партийной, ни к дисциплинарной ответственности, фронтовика, награжденного орденом и несколькими медалями. Но Жаков был твердым и самостоятельным руководителем. От него никто из работников облсуда ни разу не слышал, что какое-то дело следовало бы решить только так и не иначе, потому что по делу был звонок от руководства области. В этом плане он никогда не заставлял членов суда поступать против закона и совести. Если дело было «звонковое», как называли судьи такие дела, он приглашал к себе в кабинет

члена суда или заместителя, выслушивал их мнение по делу, советовался, и этим все заканчивалось. Уже как он потом объяснял звонившему ему руководителю, что его просьба по делу не удовлетворена, никто не знал, и он этим ни с кем из работников облсуда не делился. Другой причиной освобождения Жакова от должности было отсутствие у него высшего юридического образования. Это тоже был для того времени серьезный повод.

На должность председателя областного суда сессией областного Совета народных депутатов по рекомендации Министерства юстиции РСФСР был избран Кадкин Павел Николаевич, который до этого работал где-то в центральной части России директором юридической школы. По своим человеческим и деловым качествам Кадкин очень отличался от своего предшественника. Если Жакова коллектив суда привык видеть всегда подтянутым, строгим, исполнительным, нетерпимым к любым проявлениям необязательности, то Кадкин во всем был его полной противоположностью, начиная с внешнего вида.

Так получилось, что месяца через два после того, как Кадкин вступил в должность председателя, намечалось проведение областного совещания судей. Любой руководитель, оказавшись на его месте, отменил бы проведение этого мероприятия. Он бы решил, что сначала надо оглядеться, разобраться в обстановке, присмотреться к людям, познакомиться с работой областного суда, побывать в народных судах, а уж потом проводить такое большое мероприятие. Но Кадкин проведение областного совещания судей не отменил и предложил заместителям подготовить для него соответствующий материал.

Обычно в таких случаях готовятся аналитические справки и фактура, подтверждающая какие-то выводы. Бортненко и Шикова такой материал Кадкину, конечно, предоставили и стали ждать, когда он их вызовет, выскажет по этим материалам свои замечания, даст определенные установки и поручит кому-то одному из них подготовить проект доработанного доклада. При Жакове предварительно проект доклада обсуждался с заместителями, председателями судебных со-

ставов с приглашением на это обсуждение наиболее опытных и авторитетных членов суда. К удивлению всего коллектива, и в первую очередь Бортненко и Шиковой, до совещания Кадкин никого из них не приглашал и никому ничего не поручал. Бортненко и Шикова гадали, что он за человек: или это специалист высшего класса и готовится к совещанию самостоятельно, или он просто размазня. К сожалению, оказалось правдой второе предположение. Кадкин на областном совещании судей прочитал без всякой обработки весь тот сырой материал, который ему набросали заместители. Доклад по этой причине длился не 50 минут и не час, как было заведено в этом суде ранее, а целых два часа, содержал повторы, в нем не было ни выводов, ни задач. Во время доклада, когда всем уже надоело его слушать, присутствующие в зале всюду разговаривали, несмотря на неоднократные замечания Бортненко и Шиковой, сидевших в президиуме.

Кто-то из судей, оценив ситуацию, радовался тому, что диктатура, мол, закончилась, другие же, наоборот, огорчались, считая, что при таком руководителе «нас запинаяют». В переводе на общедоступный язык это означало, что с облсудом прокуратура области, областное управление юстиции, а также облисполком и обком партии считаться теперь будут меньше. Так в общем-то и получилось. Авторитет областного суда при Кадкине упал. Единственное, в чем он преуспел, так это в том, чтобы под разными предлогами избавиться от тех, кто, по его мнению, мог бы поколебать его спокойную руководящую жизнь.

Таким человеком он в первую очередь считал Шикову. Она действительно была женщиной энергичной, грамотной и решительной. Дело свое знала хорошо, и придрататься к ней было почти невозможно. Выяснив, что Шикова живет в коммуналке с печным отоплением, имеет маленького ребенка и не может по этой причине ездить в командировки по области, он предложил ей работу народного судьи в городе Новоруднинске с сохранением заработной платы заместителя председателя облсуда и предоставлением двухкомнатной квартиры со всеми удобствами. Шикова на такой перевод

согласилась и уехала в другой город, хотя при желании председателя квартиру с удобствами ей могли бы предоставить и в Сибирске. Так облсуд потерял хорошего и перспективного работника. Исполнение обязанностей заместителя председателя областного суда по гражданским делам временно было возложено на члена суда Краснову. Предложение Кадкина назначить Краснову заместителем председателя не прошло, так как она не имела высшего юридического образования и достигла уже предпенсионного возраста.

С приходом Кадкина на работу в облсуд звонки ему от различных руководящих работников с просьбой, «нельзя ли повнимательнее» посмотреть то или иное дело, стали довольно частыми. По этим вопросам он приглашал к себе для беседы то одного, то другого члена суда. Дошла очередь и до Кузнецова. Он рассматривал в то время дело по обвинению директора кирпичного завода, который систематически занимался приписками объема выполненных работ, за хорошие показатели постоянно получал премии и считался одним из лучших хозяйственных руководителей города. Честных работников, не желавших участвовать с ним в махинациях, он безжалостно выгонял с работы и окружил себя одними подхалимами. Кирпичный завод этот директор сделал своей вотчиной, нужным людям развозил на государственных автомашинах хороший кирпич на строительство домов и дач по цене боя и производственного брака. Начальник цеха и бухгалтер завода, проходившие по делу вместе с директором, были взяты под стражу, а в отношении главного виновника совершенных преступлений ограничились подпиской о невыезде. Он не был даже исключен из членов КПСС.

Кадкин долго и нудно рассказывал Кузнецову искаженные обстоятельства этого дела и закончил беседу советом, что надо бы повнимательнее подойти к вопросу об определении меры наказания этому директору, так как он очень нужный для города руководитель и находится на очень хорошем счету. Кузнецов, не перебивая выслушав Кадкина, прямо сказал ему, что у него совершенно неверная

информация по делу. Однако делового разговора у них не получилось, и, чтобы как-то закончить беседу, Кузнецов пообещал подумать и сделать все, что представится возможным.

Мера наказания директору была определена судом в соответствии с законом, и он был взят под стражу прямо в зале суда. После вынесения приговора Кузнецов зашел к Кадкину в кабинет и доложил, что просьба горкома партии по этому делу была явно не обоснованной и поэтому невыполнимой. Наблюдая во время разговора за Кадкиным, Кузнецов прочел на его лице растерянность, он, видимо, такого оборота дела не ожидал.

Когда у Кузнецова зашел разговор с Бортненко по делу о директоре кирпичного завода, Бортненко заметил:

– Теперь Кадкин будет искать для тебя отдельную квартиру со всеми удобствами, готовься к сюрпризу.

– Ладно, – ответил ему Кузнецов, – мне хорошо живется пока и в своей квартире, тем более, что половину рабочего времени я провожу в командировках по области.

После этого разговора прошел примерно год, и Бортненко предупредил Кузнецова, что ему грозит выдвижение на руководящую должность... председателя колхоза, и посоветовал подготовиться к беседе: видимо, для этого пригласят в обком КПСС. Оказалось, что было решение партийных органов об укреплении кадров председателей колхозов за счет руководящих работников областного звена. Кадкин сообщил в отдел административных органов обкома КПСС, что член суда Кузнецов вполне мог бы справиться с должностью председателя колхоза, так как он энергичен, обладает организаторскими способностями, родился и вырос в деревне, следовательно, хорошо знаком с сельскохозяйственным производством. Но неожиданно в органах юстиции нашелся доброволец на должность председателя колхоза. Заместитель начальника областного управления юстиции Тимохин сам обратился в обком КПСС с такой просьбой. В качестве причины столь нелегкого для него решения он в заявлении сослался на состояние здоровья жены и в подтверждение этого приобщил соответствующее заключение врачебной

комиссии. Жена Тимохина, говорилось в заключении врачей, больна легочным заболеванием, и ей рекомендовано сменить чрезмерно загазованный Сибирск желательнее на сельскую местность. Просьба добровольца была удовлетворена, а от кандидатуры Кузнецова отказались, так как в понимании партийных органов должность члена областного суда не относится к числу руководящих. Но Кадкин и здесь не упустил шанс избавиться от Кузнецова, рекомендовав его на место Тимохина. Кузнецов с этим предложением согласился и перешел на работу заместителя начальника областного управления юстиции.

Органы юстиции в те времена осуществляли организационное руководство деятельностью судебных органов. Они занимались подбором и расстановкой кадров судей, проведением ревизий работы судов, вопросами финансового и материального обеспечения. Для деятельной натуры Кузнецова эта живая работа с людьми была более по душе, чем работа с бумагами судебного чиновника.

За годы работы членом суда он детально изучил свою область, хорошо знал всех народных судей, их сильные и слабые стороны. Теперь в его распоряжении был штат ревизоров и он сам определял, какой суд, по каким вопросам и когда следовало подвергнуть комплексной или целевой проверке. В его обязанности входило подбирать кандидатов на вакантные должности судебных работников области, организовывать и проводить семинарские занятия с судьями, находить и распространять положительный опыт работы судов.

Начальник управления юстиции Колманов, человек пенсионного возраста, не скрывал, что добивается перевода на работу в местность, где потеплее, чтобы там и осесть, когда выйдет на заслуженный отдых. От дел в управлении он практически отошел и Кузнецова в работе ни в чем не ограничивал.

Кузнецов в результате многолетних личных наблюдений знал, что некоторые народные судьи нечистоплотны, имеют сомнительные связи с работниками торговой системы и живут значительно лучше, чем позволяет их официальная

заработная плата. Поэтому, вступив в должность, которая возлагала на него ответственность за моральный облик кадров судебных работников области, он поставил своей целью в первую очередь очистить суды области от нерадивых и нечистоплотных работников.

Нетрудно догадаться, что самая первая ревизия была проведена управлением юстиции в суде, где судьей работал Прокопов. После обсуждения результатов проверки Прокопов вынужден был подать заявление, и его освободили от должности судьи по «семейным обстоятельствам», так как увольнение судьи по другим причинам было довольно сложным делом. В другом районе при проверке было установлено, что вновь избранный судья в первый же год своей работы построил для себя жилой дом, стоимость которого в два раза превышала его годовой заработок. Стройматериалы для дома этот судья брал на шахте, оплачивая их по стоимости отходов производства. Дом строили ему лица, разыскиваемые судами как злостные неплательщики алиментов, взысканных на содержание малолетних детей. Судья был исключен из членов партии и освобожден от работы за злоупотребление своим служебным положением. Такие факты получали в области широкую огласку и, конечно, способствовали укреплению законности и правопорядка.

Управление юстиции само не имело права вмешиваться в деятельность суда и давать оценку делам с позиции правильного или неправильного их разрешения. Но у него было право просить прокурора области или председателя областного суда проверить законность приговора или решения, вступивших в силу, и в случае необходимости принести в президиум областного суда протест в порядке надзора. Этим правом управление юстиции и пользовалось, когда это было необходимо по результатам проверок народных судов.

Вслед за Кузнецовым в управление юстиции на место уехавшего в другую область Колманова был переведен Петр Иванович Бортненко. Многолетние друзья Бортненко и Кузнецов снова оказались на работе в одной и той же организации и взялись за дело с присущей молодым людям энерги-

ей. А дел было много, и много было жалоб на деятельность судов. Одни просили ускорить рассмотрение их заволокиченного в суде иска, другие требовали разыскать родителя, уклоняющегося от уплаты алиментов, третьи жаловались на предвзятое и грубое отношение к ним судьи, а четвертые сообщали, что у них в районе суд уже больше месяца не работает вообще. Все это требовало проверки с выездом на место и принятия незамедлительных мер.

Время «хрущевской оттепели» сопровождалось сплошными реорганизациями. Не осталась в стороне от новых веяний и судебная система. Министерство юстиции поручило своим органам управления на местах внести предложения о реорганизации судебной системы и целесообразности передачи функций управления юстиции областным (краевым) судам.

Правосудие в Сибирской области осуществляли в то время 120 судебных участков, каждый из которых обслуживал определенную территорию, именуемую дислокацией. Судебный участок был самостоятельным судебным учреждением, он состоял из одного судьи и небольшого аппарата судебных работников. Прочие же государственные службы: милиция, прокуратура, здравоохранение, социальное обеспечение – имели районные или городские органы.

Естественно возникал вопрос, а почему в районе или городе нет районного, городского народного суда, зачем это единое судебное учреждение разделено на отдельные самостоятельные участки. Ответить на эти вопросы было трудно. Участковая система судов создавала как для руководства района, города, так и для населения много неудобств. В случае болезни судьи или его отпуска работа суда практически приостанавливалась. Правда, в ряде мест практиковали в случае ухода судьи в отпуск исполнение его обязанностей одним из народных заседателей. Но это себя не оправдывало. Работа судьи требует не только специальных знаний, но и опыта. Народные заседатели, оказавшись в роли судьи,

допускали много грубых ошибок, что нередко вызывало обоснованные жалобы граждан.

По этому вопросу у Кузнецова и Бортненко не было никаких разногласий. Они считали, что давно пора объединить судебные участки, расположенные в одном городе или районе, в один суд. Это значительно улучшит организацию их работы и облегчит управление судебными органами. Наконец представится возможность вывести суды из развалившихся и полуразвалившихся помещений, разместить их со временем в более или менее приличных зданиях, отвечающих задачам отправления правосудия. А вот ставить вопрос о передаче функций управления юстиции областному суду – это для Бортненко и Кузнецова означало рубить сук, на котором они оба сидят. Хватит ли у них на это мужества? Кузнецову было проще, такую работу и с таким окладом, как у него, ему предложат всегда, наконец, он может вернуться в облсуд и занять должность члена суда, тем более, что после упразднения управления юстиции наверняка будет увеличен численный состав облсуда. Сложнее решать этот вопрос было Бортненко. Если в результате реорганизации в областном суде будет введена еще одна должность заместителя и если на эту должность назначат Бортненко, то он, кроме всего прочего, потеряет 50 процентов своего должностного оклада. Решится ли Петр Иванович пойти на это? В интересах дела, конечно, надо было бы передать функции управления народными судами областным (краевым) судам, от этого дело только выиграет, но при желании можно всегда найти массу доводов в пользу того, что областной суд не должен заниматься ничем, кроме как рассмотрением дел его подсудности.

Кузнецову было интересно, как поступит Бортненко в этой ситуации, но, к его радости, и здесь они оказались единомышленниками. В Министерство юстиции РСФСР и обком КПСС было направлено за подписью Бортненко письмо с обоснованием предложения образовать вместо участковой системы судов районные (городские) народные суды, а функции управления юстиции полностью передать областным (краевым) судам, несколько увеличив их штатную числен-

ность, и создать небольшой отдел для решения организационных вопросов.

Вскоре такой закон в РСФСР был принят. Бортненко снова возвратился в облсуд на вновь созданную должность первого заместителя председателя. Мнение Кадкина на этот счет никто не спрашивал. Он был рад и тому, что остался на своей прежней должности, а вот Кузнецова брать на должность заместителя председателя по гражданским делам Кадкин отказался наотрез. В кругу доверенных ему лиц он говорил: «Мне хватит и одного Бортненко, а тут подсовывают второго такого же зама». Конечно, Кузнецов об этом до поры до времени не знал. Когда его работа по ликвидации управления была завершена, а люди трудоустроены, оказалось, что остался не у дел только он один. По закону ему должны были предоставить прежнюю должность члена областного суда, но Кадкин его к себе не приглашал.

Кузнецов по-прежнему приходил в свое управление, сидел целыми днями в кабинете без дела и ждал назначения. Это оказалось тяжелее всякой работы. Его приглашал прокурор области к себе заместителем, звали на работу в облисполком, адвокатуру, в горком партии, но это было все не то, чем он мог бы заниматься со знанием дела. В душе он считал, что ему должны были бы предложить работу заместителя председателя областного суда вместо исполняющей обязанности Красновой, и сделать это мог только отдел административных органов обкома партии. Но заведующий отделом Варионов, как потом выяснилось, не хотел конфликтовать с Кадкиным.

Однако все когда-то чем-нибудь да кончается. Кузнецова наконец пригласили в обком партии к заведующему отделом административных органов и не одного, а вместе с Кадкиным. Во время беседы с ними Варионов сказал:

– Мы, товарищ Кадкин, рекомендуем на должность Вашего заместителя товарища Кузнецова. Как Вы относитесь к этому?

– Отрицательно, – сказал Кадкин. – Я его к себе в качестве заместителя не возьму.

– Почему? – спросил его Кузнецов.

– Вас не любят работники областного суда, – последовал ответ.

– А зачем меня любить? – сказал Кузнецов. – Я же не невеста. Это во-первых, а во-вторых, это неправда. У меня, – продолжил он, – за шесть лет работы в облсуде и управлении юстиции ни с одним членом суда не было ни одной конфликтной ситуации. А что касается моей работоспособности, то, я уверен, все в один голос скажут, что это работяга.

– Но я не хочу Вас иметь своим заместителем, – настойчиво продолжал твердить Кадкин.

– Между тем, – ответил ему Кузнецов, – должность, о которой идет речь, называется не заместитель Кадкина, а заместитель председателя областного суда. Сегодня Вы председатель, а завтра, может быть, им станет Бортненко.

– Хорошо, – сказал Варионов, – мне все ясно. Вашу кандидатуру, товарищ Кузнецов, на должность заместителя председателя облсуда отдел поддержит.

Вскоре Кузнецов был избран областным Советом народных депутатов на должность заместителя председателя областного суда по гражданским делам. Занимаясь рассмотрением различных гражданских дел, Кузнецов долго не переставал удивляться, какая это интересная работа по сравнению с тем, чем он занимался ранее в областном суде.

Никакого давления на судью не оказывают ни закон, ни просьбы различных чиновников. Спорят двое родителей, кому из них после расторжения брака передать ребенка на воспитание. Судья полностью свободен в решении судьбы ребенка, здесь гарантия справедливости – человеческие качества самого судьи и его жизненный опыт. Затекает тяжба железная дорога с колхозами, обложив их ворохом своих инструкций, чтобы за каждый чих содрать штраф. Если судья – справедливый человек, сочувствующий колхозам как слабой и незащитной юридически стороне, он выход найдет, откажет в иске недобросовестному вымогателю или взыщет такую мизерную сумму, что, как говорят, только курам на смех. Ходит и обивает пороги чиновников какая-нибудь старушка из-за того, что у нее не сохранились документы, подтверждающие брак с умершим мужем, поэтому

ей отказывают в назначении пенсии в связи с потерей кормильца. Умный судья часто может найти выход и из этого положения.

Десятки и сотни подобных дел разрешают суды, рассматривая гражданские иски. Заместитель председателя областного суда не только сам вправе рассмотреть любое из таких дел, но, что значительно важнее, имеет возможность влиять на работу в смысле соблюдения законности всеми народными судами области. Это целиком и полностью отвечало интересам и желаниям Кузнецова. Кадкин этих проблем не знал и в работу коллегии по гражданским делам, к счастью, не вмешивался. Да и «звонковых» гражданских дел почти не бывает.

Со времени возвращения Кузнецова в облсуд прошло около двух лет, и в тот вечер, когда Кадкина повысили в должности, Кузнецов находился в г. Новоруднинске. Поздно вечером в его гостиничном номере раздался телефонный звонок. Звонил Бортненко.

– Ты извини меня, Влад, – сказал он, – за такой поздний звонок, но я звоню по делу. Хочу порадоваться вместе с тобой хорошей вести и поздравить тебя.

– С чем? – спросил Кузнецов.

– С повышением в должности. Ты назначен первым заместителем председателя облсуда.

– А с какой должностью могу поздравить я тебя?

– Председателя облсуда, – ответил Петр Иванович.

– Тогда от всей души прими мои поздравления, – сказал Кузнецов. – Но позволь тебя спросить: где же теперь будет трудиться «любимый» нами Павел Николаевич?

– Ты только попрочнее садись на стул и не падай, – предупредил Бортненко. – Он будет теперь работать... прокурором области.

– Так он же как организатор и руководитель полный ноль, – вырвалось у Кузнецова. – Ну какой чудак может поручить ему эту работу? Думаю, что преступникам надо теперь бегом бежать в церковь и ставить пудовые свечи за здоровье Павла Николаевича.

– Ты, Володя, полегче на поворотах, – заметил Петр Иванович, – не забывай, что мы с тобой по телефону разговариваем.

– Значит, насколько я разбираюсь в ситуации, – сказал Кузнецов, – состоялось решение бюро обкома партии, и ты спрашиваешь меня, согласен ли я занять должность первого заместителя. Отвечу честно: мне больше по душе та работа, которой я занимаюсь теперь. Не торопись пока с этим решением до моего приезда домой.

На этом друзья и закончили ночной разговор по телефону. По возвращении Кузнецова из командировки его вызвали в обком партии, где он дал согласие на перевод первым заместителем председателя областного суда. На очередной сессии областного Совета народных депутатов Бортенко был избран председателем, а Кузнецов первым заместителем председателя областного суда.

Прокурор области Самарин был назначен прокурором одной из союзных республик. Но повышение не свалилось на него как снег на голову, этому предшествовала целая история, которая немало испортила ему крови.

В одном из районов области начальник отдела милиции и его заместитель, находясь в состоянии сильного опьянения, решили посоревноваться, кто из них более метко стреляет из пистолета. Была зима. Они пошли в огород, воткнули в снег деревянную лопату, а на нее прикрепили газету с портретом Хрущева и открыли пальбу. Нашлись доброхоты и всю эту картину нарисовали в красках, сообщив куда надо. Началось разбирательство. Начальника и его заместителя исключили из членов партии, сняли с работы и арестовали по обвинению в покушении на теракт по аналогии. В то время в уголовном кодексе была статья 16, которая разрешала привлекать к уголовной ответственности лиц за совершенное преступление по аналогичной статье уголовного кодекса, если не было прямой статьи. Работники КГБ пришли за санкцией на арест к Самарину, а он взял да и прекратил производством это уголовное дело за отсутствием в действиях горе-стрелков состава преступления и освободил их из-под стражи. Но не таковы были работники КГБ, чтобы проглотить пилюлю. Они направили материал в обком партии. Там дали делу ход. Состоялось заседание бюро обкома партии. Самарину объявили строгий выговор и направили письмо в прокуратуру РСФСР с просьбой о понижении его в должности.

Самарин был смелый и твердый руководитель, он в рот начальству не заглядывал. Вот и решили его местные власти проучить, чтобы впредь был попокладистей, советовался по таким делам с руководством области, а точнее с первым секретарем обкома партии. Но Самарин был не таким человеком, чтобы сдаться на милость сильного. Он считал себя правым, поэтому отправился по милицескому делу в Москву. Кончилась эта конфликтная ситуация тем, что Самарина не только поддержали наверху, но и повысили в должности.

Обсуждая этот случай, Бортненко сказал Кузнецову, что «хрущевская оттепель» скрывает в себе большую опасность для страны. Если местная партийная и советская власть не будут находиться под жестким контролем центральной власти, то через какое-то время из Советского Союза выйдут отдельные княжества во главе с удельными князьями и баями.

– Ну, это ты, Петро, слишком загнул, – сказал Кузнецов.

– Ну, что же, – ответил Бортненко, – поживем – увидим, кто из нас окажется прав. Я сторонник проведения жесткой дисциплины во всем. Это ты склонен к либерализму и демократии. Недаром тебе в свое время члены областного суда приклеили прозвище «социал-демократ». Колхозные традиции решения всех вопросов на собрании ты так и несешь с собой всю жизнь.

Бортненко являлся хорошим организатором. Это была одна из сильных сторон его как руководителя. Он видел, что Министерство юстиции, создав вместо судебных участков районные (городские) народные суды, не направило им ни одного предложения, как организовать работу вновь созданных судебных учреждений. Поэтому первое время некоторые народные суды, собравшись под одной крышей в один районный суд, все остальное оставили как было, т.е. каждый судья рассматривал только «свои» дела согласно существовавшей дислокации. Другая часть судов пошла по пути специализации судей, одним из них поручалось рассмотрение уголовных, другим – гражданских дел. Но нашлись и такие суды, которые гражданские дела между судьями разделили на отдельные категории. В этих судах один

судья стал заниматься рассмотрением бракоразводных дел, другой – трудовых, третий – жилищных. Но какую бы организационную модель при этом ни избирали суды, все они сразу же столкнулись с проблемой приема посетителей.

Если судья принимает граждан всего два часа в течение рабочего дня, а остальное время рассматривает уголовные или гражданские дела, то обязательно останутся посетители, которых принять он в эти два часа не сможет. Посетитель, не попавший на прием к судье, на следующий день приходит в суд уже намного раньше, чем назначен прием граждан, в результате создается очередь, возникает ажиотаж, недовольство людей, пустая трата времени. Этого не знал только тот, кто не бывал на приеме в судах. А если при этом судья принимает посетителей, проживающих только на «его» территории или по определенной категории дел, то путаница и неразбериха возникает еще большая.

При такой организации работы роль председателя районного суда вообще никак не проявляется, а судьи из разносторонне подготовленных юристов превращаются в узких специалистов, знающих только одну отрасль права, и по существу теряют свою квалификацию. Бортненко, проанализировав все недостатки, связанные с такой организацией работы судов, издал распоряжение, которым установил, что районный (городской) суд, независимо от численного состава судей, должен работать так же, как работал в прошлом судебный участок, с той лишь разницей, что теперь суд обслуживает всю территорию района или города. Уголовные дела между судьями должен распределять председатель суда, а гражданские дела судьи заводят сами, принимая заявления непосредственно от посетителей либо по почте. Прием граждан судьи ведут поочередно в течение всего рабочего дня и в течение всей недели.

Что из этого получилось, довольно образно рассказала на областном совещании судей народный судья Васильева. «Я работаю в Новорудненском суде три года, – сказала она, – и для себя уже решила: хватит трепать нервы, пора увольняться, хотя сама работа судьи нравится. Иду раньше на работу в суд и вижу, что у дверей кабинета уже стоит очередь. Не успеешь раздеться, а люди врываются в кабинет,

кто кричит, что он вчера провел в суде полдня и не попал на прием, кто говорит, что он инвалид и имеет право быть принятым без очереди. Только прием начнешь, а тут милиция привозит мелких хулиганов, надо эти материалы рассматривать. На одиннадцать часов назначены к слушанию дела, и конвой доставил подсудимых, а половина посетителей осталась не принятой. Идешь в процесс, а тебя за полы пиджака хватают люди и просят о приеме.

Новый порядок приема посетителей в нашем суде начали с меня. Вела я прием спокойно, никуда не торопясь, за полдня принимала всех посетителей без всякой нервотрепки. И так всю неделю подряд, а потом целый месяц спокойно рассматривала дела, начиная слушание их с девяти или с десяти утра, как мне удобнее. Теперь уходить с работы из суда не собираюсь, она меня устраивает».

Из зала посыпалась куча вопросов, из содержания которых было ясно, что судьи, как в свое время единоличники перед вступлением в колхоз, боялись потерять самостоятельность и посадить себе на шею, как говорили некоторые из них, начальника в лице председателя суда. Спорить, конечно, судьи могли, но это было бесполезно. Ни они, ни руководство областного суда, если бы и хотели, не в состоянии были сохранить участковую систему народных судов, при которой каждый судья был сам себе председатель. Однако интересы дела и людей, обращающихся в суд, требовали покончить с существовавшей кустарщиной.

Упорядочение работы районных и городских народных судов позволило установить четкий режим приема граждан в судах и резко сократить бессмысленную потерю рабочего времени теми, кто приходил на прием в суды.

Кузнецов, вступив в должность первого заместителя председателя областного суда, в основном занимался тем же, чем и в управлении юстиции, т.е. подбором и расстановкой кадров народных судей, организацией работы судов, проверкой их деятельности. Но председатель суда Бортненко время от времени поручал ему и рассмотрение отдельных сложных или находящихся на контроле уголовных дел, памятуя о том, что в прошлом за все время работы членом суда по

уголовным делам у Кузнецова не было ни одного случая отмены приговора.

Когда заходила речь об этой стороне деятельности судов, то Кузнецов уверял, что от отмены приговора, вынесенного судом, ни один судья не застрахован. Здесь может быть и самооговор подсудимого с целью выгородить другого человека, и роковое стечение обстоятельств, и, наконец, фальсификация материалов дела следователем. И такой случай был в его судебной практике.

Затонинская геологоразведочная партия вела поисковые работы на юге Западной Сибири, недалеко от Горной Шории. Небольшой поселок, где размещалась партия, от ближайшего районного центра находился на расстоянии 25–30 километров. Никакого сообщения, кроме пешеходного, между райцентром и этим населенным пунктом не было, добраться туда можно было только по лесным тропам. Зимой, если было нужно что-то доставить в партию, сначала шел гусеничный трактор, который тащил за собой тяжелый металлический клин. Через день-два дорога твердела и, пока снова не пройдет снег, по ней можно было проехать на тракторе с прицепными санями или на специально оборудованной автомашине. Но весной и этого было сделать нельзя. Только ранним утром или вечером можно было пройти по насту пешком либо на лыжах.

Случай, о котором пойдет речь, имел место именно в это время года. В последних числах апреля главный инженер партии Трофимов, исполнявший в то время обязанности начальника, пригласил к себе кассира Тихова и сказал ему, что надо бы срочно сходить в райцентр и получить там в отделении банка 200 тысяч рублей на выплату заработной платы работникам и на хозяйственные расходы. Тихов ходил в этот поселок для получения денег, как правило, один, без сопровождающих, приносил также попутно и почту: газеты, письма. Иная же информация поступала в партию по радию.

Кассиру Тихову было лет тридцать, по характеру он соответствовал своей фамилии: в жизни был человеком

скромным, незаметным и безотказным работником. Если надо было что-то сделать, от чего другой работник мог и отказаться, всегда эту работу поручали Тихову. Жил он в бараке, занимая одну комнату с женой Светой и сынишкой дошкольного возраста. Его недостатком было то, что он любил выпить, правда, пьяным в поселке его почти никто и никогда не видел, так как, выпив лишнее, он тут же ложился спать.

О времени похода Тихова в райцентр за деньгами старались никому не сообщать, и в партии об этом знали лишь руководитель и главный бухгалтер. Мало ли что может случиться в тайге, если кто-то узнает, что человек несет с собой несколько десятков или даже сотен тысяч рублей. Несмотря на все предосторожности Тихова, чтобы незаметно уходить из поселка за деньгами и так же незаметно возвращаться, его уже несколько раз подстерегали на дороге по пути в поселок двое работников партии, но пока безрезультатно. В лесу лыжных дорожек много, и по которой из них возвратится в поселок Тихов, они угадать не могли. Выходили встретить Тихова эти двое и на этот раз, но так его и не встретили.

Поздним вечером 30 апреля кассир принес в рюкзаке около 200 тысяч рублей, из них 150 тысяч сложил в металлический ящик в конторе партии, а те, что не вошли, частично спрятал в шкафу за бухгалтерскими книгами, а остальные принес домой и положил под матрац на кровати. Так как Тихов пришел в поселок уже вечером, то Трофимов решил раздать зарплату работникам партии после праздников, мол, целее деньги будут. Однако заведующую магазином он попросил: «Кому уж очень надо будет купить спиртного или еще чего к празднику, ты, пожалуйста, дай им в долг, а 3 мая все должники рассчитаются, так как в этот день будет выдана зарплата».

Но случилось невероятное...

3 мая, собираясь на работу, кассир Тихов никак не мог найти ключ от сейфа. Везде пересмотрел, а ключа от сейфа нет как нет. Допрошенный потом в суде его сосед по квартире показал, что утром 3 мая он заглянул в комнату Тихова и увидел, как они с женой Светой перевернули все

вверх дном в поисках пропавшего ключа. При этом Света ругала Тихова на чем свет стоит, обзывая его пьяницей и разгильдяем. Тихов же утверждал, что ключ от сейфа еще накануне вечером был у него в кармане. Он это хорошо помнит. Пришел Тихов в контору и по звуку ящика, где хранились деньги, понял, что там их нет. Ящик был пуст.

Руководство геологоразведочной партии сразу же о происшедшем сообщило в область и просило прислать следователя. Но дело осложнялось тем, что к месту нахождения партии из-за распутицы было не пройти и не проехать. Вертолетов тогда еще в этих краях, видимо, было мало, а возможно, не было и вообще. Понимая безвыходность положения, главный инженер партии Трофимов решил по горячим следам сам провести служебное расследование.

Он, хорошо зная всех работников партии, отобрал из них человек десять – пятнадцать, на которых могло бы пасть подозрение в краже, и усадил их всех, как школьников, за стол в бухгалтерии. Каждому из них была дана бумага, ручка и предложено, начиная со второй половины дня 30 апреля и по 3 мая, изложить буквально по часам, кто из них и где в это время был, с кем встречался, кто куда и к кому ходил. В эту же комнату он посадил своего технического секретаря Попову, предложив ей следить за тем, чтобы никто из находившихся в комнате ни с кем не разговаривал и не согласовывал текст объяснительной записки.

Среди этих десяти-пятнадцати человек оказались кассир Тихов, его жена, заведующий складом Самохвалов, его друг Седов, работники, дежурившие в конторе в праздничные дни, ночной сторож и некоторые другие лица. Получив все объяснительные записки, Попова, передавая их Трофимову, сказала, что Седов писал какую-то записку Самохвалову, а тот, прочитав ее, разорвал на мелкие части и бросил в корзину с бумагами. Трофимов поблагодарил секретаря за информацию, а после того как она ушла, занялся поисками злополучной записки. Когда Трофимову удалось записку склеить, он прочел текст следующего содержания: «Мишка, мы с тобой 1 мая в лес не ходили, и в конторе я в тот день не был».

Эти два человека – Самохвалов и Седов – больше всех у Трофимова вызывали подозрение. Они дружили и систематически пьянствовали, оба не отличались хорошим поведением. Седов в прошлом за что-то уже отбывал наказание. И вот теперь его записка к Самохвалову наводит на мысль о причастности их обоих к краже государственных денег.

Обдумав ситуацию, Трофимов решил, что похищенные деньги находятся в лесу и если немедленно не задержать Седова и Самохвалова, то завтра их уже не окажется в партии, а следовательно, не будет и похищенных денег. Все попытки связаться с органами милиции или с прокуратурой ближайшего города и получить их согласие на предварительное задержание подозреваемых ни к чему не привели. Трофимов решил действовать на свой страх и риск. Он обязал завхоза партии освободить одну комнату в конторе, поставить там три заправленных кровати, стол, три стула, окно снаружи забить досками почти до самого верха, на дверь повесить замок. На следующий день в эту комнату Трофимов поместил Самохвалова, Седова и кассира Тихова, сказал, что делает это по указанию прокурора. У этой комнаты он выставил трехсменный пост.

4 мая Трофимов почти закончил «следствие». Он решил спрашивать всех подряд, кто и где видел задержанных 1 и 2 мая. Выяснилось, что 1 мая днем Самохвалов пришел в контору, где находился лишь один дежурный Веселов, и предложил ему сходить в буфет, расположенный в соседнем здании, выпить и закусить воблой, которая у него оказалась с собой. Веселов был любитель спиртного, особенно пива, но оставлять дежурство сначала не хотел, мол, дежурному уходить с поста не полагается. Но пиво и вобла все же соблазнили его, и он, как потом говорил, на одну минутку решил сбежать в буфет. Народу в буфете почти не было, и они довольно быстро опорожнили несколько бутылок пива. Но Самохвалов почему-то никак не хотел отпускать Веселова, он все снова и снова брал в буфете пиво и угощал его. Это Веселова насторожило, и он заспешил возвратиться на свое дежурство. Но тут Самохвалов почему-то стал его удерживать физически, и их дружеская выпивка переросла, казалось бы ни с чего, в драку. В тот же день 1 мая уже под

вечер Седов и Самохвалов взяли у геологоразведчика Зарубина две пары лыж и ушли в лес, хотя до этого ни тот, ни другой лыжами не увлекались.

После выяснения этих обстоятельств у Трофимова сложилось мнение, что деньги из сейфа похитил кто-то из этих двух лиц и что похищенные деньги они спрятали в лесу. Поэтому он принял решение собрать у всех жителей поселка лыжи и издал приказ до обнаружения похищенных денег никому из жителей поселка в одиночку или вдвоем в лес не ходить. 5 мая было создано несколько поисковых групп, в задачу которых входило отыскать в лесу похищенные деньги.

Все это сразу же стало известно и «арестантам». Седов, запутавшись в объяснениях по поводу порванной им записки и лыжной прогулки в лес 1 мая с Самохваловым, попросил у Трофимова бумагу, ручку, чтобы на досуге все вспомнить и написать, как было.

По словам кассира Тихова, Седов и Самохвалов до самого обеда писали общую объяснительную записку и когда их повели обедать на квартиру к Зарубину, они эту бумагу захватили с собой. Позднее выяснилось, что Седов нарисовал на бумаге план, где спрятаны похищенные деньги, и приложил к нему целую инструкцию, как их найти в лесу. Деньги были сложены в вещмешок, который они привязали почти у самой макушки кедра. Трофимову же Седов заявил, что 1 мая был очень пьян, ничего вспомнить не мог и бумагу, которую ему дали, они с Самохваловым порвали.

Зарубин знал о похищенных в конторе деньгах, так как вещмешок с деньгами сразу же после кражи Седов и Самохвалов принесли к нему на квартиру, он участвовал с ними в выработке плана, где спрятать похищенные деньги. Получив от Седова план местности, где спрятаны похищенные деньги, он на следующую же ночь пешком отправился за ними в лес. Возвратился Зарубин из лесу лишь к утру. Все валенки у него были в глине. Полагая, что это может обернуться уликой против него, Зарубин изрубил валенки на мелкие части и сжег их в печи. От горения грязных старых валенок шел такой дым и был такой запах, что всполошился весь поселок. Поэтому Трофимов в тот же день взял у Зарубина объяснение, почему он ходил в лес

один ночью и зачем сжег валенки. Как инженер-геолог, он понимал, что по сортам глины и земляных пород, оставшихся на валенках, можно было бы определить шурф, в который Зарубин перепрятал деньги. После этого случая задержанных уже не водили обедать на квартиры, а кормили прямо в комнате, где они находились под охраной. Зарубин признался Трофимову, что план места, где спрятаны деньги, у него был, но денег ночью он не нашел и этот план сжег вместе с валенками.

Итак, по всем данным, которые собрал Трофимов, получалось, что деньги из ящика, где они хранились, были похищены 1 мая в то время, когда Самохвалов отвлек с дежурства в конторе Веселова, но оставался неясным вопрос, каким же образом и кем у Тихова был изъят ключ от сейфа и как он был возвращен ему обратно, а потом снова в ночь на 3 мая им утерян. Трофимов самым тщательным образом выяснял это у Тихова, его жены, их знакомых, у которых они были 1 и 2 мая. И логически Трофимов пришел к выводу, что взять ключ у Тихова из кармана, потом снова положить этот ключ ему в карман, а в ночь на 3 мая опять забрать этот ключ могла только его жена. На эту мысль наводила еще одна деталь, выясненная Трофимовым. Тихов говорил ему, что не был расположен с самого утра употреблять спиртное, а собирался вместе с женой сходить в гости к своему товарищу. Но Светлана, как он сказал, не знаю почему, вдруг взялась усиленно угощать его самодельным пивом и водкой, пока он не опьянел и не лег спать.

Светлана Тихова появилась в поселке геологов лет семь-восемь назад и сразу же устроилась официанткой в столовую. Девушка она была разбитная, веселая и красивая, поэтому нравилась многим, со многими встречалась, но все ее романы как быстро возникали, так быстро и заканчивались.

Тихов появился в партии значительно позже и был полной ее противоположностью: неразговорчивый, малообщительный, да и внешне как-то не смотрелся: худ, немного рябоват. Когда по поселку прошел слух, что Тихов и Светлана женились, многие были удивлены. Но это длилось недолго. Потом у них родился сынишка, и всякие разгово-

ры, что они не пара, вообще прекратились. Примерно год назад появился в партии Седов, молодой, стройный, веселый, который сразу «положил глаз» на Свету. Об их встречах укладкой знали почти все жители поселка, кроме разве Тихова да Трофимова. Как только Тихов уходил в райцентр за деньгами или за корреспонденцией, Света тут же отпрашивалась с работы или договаривалась с кем-то, чтобы ее подменили. А Седов в это время крался задками к общежитию, где она жила. Трофимов все это узнал при первой же беседе с заведующей столовой. Тогда он решил вызвать на откровенность Тихову Светлану, и она, как говорят подсудимые, «поплыла». Расплакалась и, рыдая, рассказала, что Тихова не любит, а хотела выйти замуж за Седова, поэтому с ним встречалась и по этой причине, по просьбе Седова, напоила мужа пьяным, взяла у него из кармана ключ от сейфа, отдала Седову, а примерно через час он ключ вернул. Она его сунула снова в карман Тихова. 2 мая вечером, когда Тихов лег спать, она, по просьбе Седова, снова этот ключ забрала у него и бросила в выгребную яму общего туалета, что находится рядом с общежитием. Так Трофимов за три дня «следствия» полностью раскрыл преступление, выяснил вину каждого соучастника и даже задержал преступников.

Когда через неделю после совершенного преступления появился следователь прокуратуры, то ему осталось лишь передопросить обвиняемых и свидетелей, найти ключ и похищенные деньги. Ключ нашли почти сразу, и эту находку как вещественное доказательство оформили с понятыми, а вот с деньгами дело обстояло куда хуже. Вначале Самохвалов и Седов упорно не хотели показывать следователю место, где спрятаны деньги, но недели через две согласились. На это место сначала Седов, а потом Самохвалов водили следователя и понятых. Оба привели этих людей к одному и тому же дереву, но денег на том дереве не оказалось. Что касается Зарубина, то он жестко стоял на своем: план, где были спрятаны деньги, у него был, деньги он ходил и искал целую ночь, но не нашел.

В таком виде дело было передано в суд, и ничего в судебном заседании не прибавилось и не убавилось. К ответ-

ственности привлекались Седов и Самохвалов за кражу 150 тысяч рублей государственных средств, Тихова Светлана и Зарубин – за соучастие в этом преступлении, Тихов и Трофимов – за халатность. Мерой пресечения до суда всем обвиняемым было избрано содержание под стражей. Суд обвинение Седова, Самохвалова, Зарубина и Тиховой Светланы нашел доказанным и определил им различные меры наказания. Что касается Трофимова и Тихова, суд их оправдал и освободил из-под стражи в зале суда.

После оглашения приговора все участники процесса, в том числе и двое освобожденных из-под стражи, направились обедать в столовую. Во время обеда Кузнецов обратил внимание на то, что Тихов за стол не сел, а пристроился в конце зала на лавке, ожидая, когда пообедают остальные. Кузнецов был молод, всем интересовался, не удержался он и на этот раз, решив выяснить у односельчан Тихова, почему он не стал вместе со всеми обедать. Наверное, у него нет денег, был ответ. «Конечно, – подумал Кузнецов, как это я сам не догадался об этом», – и тут же пригласил Тихова обедать за свой стол, сказав ему, что он за него заплатит. Более того, Кузнецов из скромных своих командировочных выделил 25 рублей и отдал их Тихову на дорогу. Наверное, не часто такие судьи встречаются, но объясним это молодостью судьи и его способностью сопереживать несчастью, случившемуся с другими.

Во время обеда Кузнецов поинтересовался у Тихова, считает ли он правильным и справедливым приговор суда.

– Все правильно вы рассудили, – сказал Тихов, – но вот денег Зарубин не нашел, а следовательно, их и не перепрыгивал.

– Откуда же у вас такая убежденность? – удивился Кузнецов.

И тут Тихов рассказал, что оба раза, когда Седов и Самохвалов поодиночке водили следователя с понятыми в лес к дереву, на котором, якобы, должен находиться вещмешок с деньгами, он тоже ходил, так как в то время еще не был взят под стражу. Они действительно подводили к одной и той же сосне, стоявшей на пригорке в лесу, недалеко от поселка. Вещмешка на сосне не было.

– Да его там, – сказал Тихов, – и быть не могло. Никакой дурак на такую сосну, у которой ветки начинают расти лишь у вершины, не полезет, чтобы что-то там прятать. Если уж что-то надо спрятать, то для этого следует выбрать ветвистое дерево, на котором мешок был бы незаметен. Я обратил внимание, что у этой сосны сухие ветки у ствола не обиты, а значит, на дерево никто не лазил. В то время еще не растаял снег, и я специально у основания сосны снег разгребал руками, хотел узнать, нет ли сухих сучков под снегом. Нет, никаких сучков – ни сухих, ни живых – около дерева не было.

– Говорили ли вы об этом следователю? – спросил Кузнецов.

– Нет, не говорил. Я думал, что если он не дурак, то сам видит, что его Сухов и Самохвалов водят за нос. Я долго обдумывал это, – продолжал Тихов, – как они могли в лесу оба порознь показать одно и то же дерево. Потом разгадал их загадку. Сухов и Самохвалов свой путь в лес к сосне оба начинали от одного и того же места, от бани. Находясь под следствием, они раза два вместе мылись в бане, а из окна бани эту сосну хорошо видно. Вот тогда-то они и договорились показать это дерево, чтобы сохранить похищенные деньги, если их не перепрятал Зарубин, и поскорее закончить следствие. А потом видно будет. Если удастся сбежать из-под стражи, то деньги достанутся им, а не удастся, тогда письмо кому-нибудь на волю отправят, тот найдет деньги и будет посылать им передачи. Следователю тоже надо было заканчивать дело, так как все выяснено, а если скажет, что деньги найти можно, то дело не закроют и пошлют его снова в командировку в эту глушь. А Зарубин, судя по всему, говорит правду, он, видимо, не нашел денег. Если бы он их нашел, то, думаю, признался бы и показал, куда их перепрятал.

– Куда же теперь направляетесь? – спросил Тихова Кузнецов.

– А я поеду в те же края, мне предстоит начинать жизнь сначала, – сказал Тихов. – Буду растить сына честным человеком.

На этом они и расстались.

Однако беседа с Тиховым зародила в душе Кузнецова сомнения. Если действительно все так, как говорит он, тогда выходит, что Зарубин осужден без учета этих обстоятельств. Он, конечно, виноват. Виноват в том, что принял в своем доме похищенные Суховым и Самохваловым деньги, вместе с ними вырабатывал план, куда понадежнее их спрятать, дал им свои лыжи, знал точное место, где спрятан вещмешок с деньгами. Но все же, если он деньги не нашел и не перепрятал их, тогда ему следовало бы определить более мягкую меру наказания. Однако предположения Тихова, высказанные после суда, и сомнения, закравшиеся в душу Кузнецова, к делу, как говорят в народе, не пришьешь.

После осуждения Седова, Самохвалова и других прошло около трех лет. И вот в руки Кузнецова попадает дело об обвинении двух подростков – Башина и Куртигашина. Они обвинялись в том, что, найдя в лесу в вещевом мешке, подвешенном на стволе кедра, похищенные из кассы Затонинской геологоразведочной партии деньги и зная, что эти деньги похищены, значительную часть их вместе со своими родителями и односельчанами израсходовали на личные нужды.

После того, как была установлена судебная ошибка, приговор по жалобе Зарубина и его адвоката проверялся вышестоящими судебными и прокурорскими инстанциями, но в принесении надзорного протеста было отказано по тем мотивам, что обнаружение похищенных денег не снижает общественной опасности совершенного осужденным преступления. Кузнецов с этими доводами не согласился и в представлении на имя Председателя Верховного суда РСФСР указал, что если бы обстоятельства дела при его расследовании не были искажены, мера наказания Зарубину была бы определена судом значительно ниже. С представлением Кузнецова Верховный суд РСФСР согласился, и допущенная судебная ошибка была исправлена.

По этому делу Кузнецов направил официальное письмо прокурору области Кадкину с просьбой освободить от занимаемой должности следователя, который умышленно искажал материалы дела по обвинению Седова, Самохвалова

и других. Но Кадкин, как говорят, не захотел выносить сор из избы и никаких мер к следователю, виновному в фальсификации материалов, не принял. В ответе Кадкина было сказано, что все сроки для применения мер дисциплинарного взыскания в отношении следователя, допустившего «ошибку», давно прошли. «Да, – подумал Кузнецов, – прошли-то они прошли, если закрыть глаза на истинные обстоятельства дела и фальсификацию материалов называть ошибкой».

ПОСЛЕДНИЙ ГОД РАБОТЫ В СИБИРИ

Сибирская область была промышленной, здесь добывались и перерабатывались уголь, руда. Планы устанавливались государством нередко на пределе возможного. Стоило произойти какому-то сбою, и план мог оказаться невыполненным. Это не только снижало размер вознаграждения и авторитет руководителя шахты, рудника или разреза, но и коллектив не получал премию. Поэтому тщеславные руководители, желая избежать критики в их адрес в случае срыва плана, шли на разные ухищрения. Кто создавал на этот случай и держал до поры до времени какой-то резерв угля, но чаще всего в ходу были приписки, а добытое сырье потом восполняли работой в любых условиях. В период этих авралов и происходили время от времени несчастные случаи, даже с человеческими жертвами.

Взрыв на шахте «Юго-Западная» наделал в свое время много шума в области. Погибло восемь шахтеров, возникший пожар причинил шахте огромные убытки. И вот дело, законченное производством, поступило в областной суд. Бортненко поручил его рассмотрение Кузнецову. Ознакомившись с делом, Кузнецов сказал:

– Петр Иванович, по этому делу тебе обязательно будут звонить из обкома партии. Главный обвиняемый – начальник шахты – не исключен из членов партии и не взят под стражу, а лишь понижен в должности до главного инженера. Второстепенные же должностные лица на шахте, выполнявшие его преступные приказы, арестованы. Если не хочешь конфликтовать с обкомом партии, – продолжил Куз-

нецов, – то лучше передай дело другому судье или садись сам в процесс и рассматривай.

– Давай, Влад, – предложил Петр Иванович, – подождем, посмотрим, кто будет звонить. Если первый секретарь, то это одна ситуация, тут придется подумать, а если кто-то пониже рангом, я ему дам твой телефон, и поступай тогда как знаешь.

Кузнецов дело к слушанию назначил в Сибирске, а не по месту, где произошел взрыв на шахте. Там все может случиться: и массовые беспорядки, и выкрики в зале суда, если публику что-то больно заденет. Там будет больше давления на суд.

Перед началом слушания этого дела Кузнецову позволил секретарь обкома партии Саленко, отвечавший в области за добычу угля, и пригласил к себе на беседу. Кузнецов, прихватив с собой дело на всякий случай, отправился в обком партии. Он мог бы на эту беседу не ходить, так как заранее знал ее содержание, но это уже был бы вызов, и не Саленко, а самому обкому. Предчувствие его не обмануло. Саленко начал беседу с Кузнецовым издалека. Он подчеркнул, сколь важен для страны уголь, добываемый в области, как важно в срок осуществлять его поставки, как хорошо с этим делом справлялся начальник шахты Победушкин, какой богатый у него послужной список: он работал на шахтах ГДР, является Героем Социалистического Труда, членом обкома партии. Вопрос о привлечении Победушкина к уголовной ответственности всесторонне обсуждался в обкоме партии. Было принято решение понизить его в должности и оставить в партии. Об остальных подсудимых, о погибших шахтерах, их семьях, об огромном материальном ущербе Саленко почти ничего не сказал. Лишь мимоходом заметил, что обком дал указание оказать необходимую помощь семьям погибших.

Кузнецов, выслушав все, что сказал секретарь обкома, заметил, что все это примет во внимание, но сейчас пообещать ничего не может. Он попросил Саленко принять его еще раз перед окончанием дела слушанием. На этом они и закончили встречу.

Накануне оглашения приговора Кузнецов снова, но уже по собственной просьбе, на приеме у Саленко. Он

сообщил секретарю обкома, что его информировали неправильно, обвинение Победушкина выглядит совершенно иначе. Главный виновник взрыва – это сам начальник шахты. Именно он допустил добычу угля запрещенным щитовым способом без надлежащего проветривания лавы. Неоднократно заставлял убирать «кресты», поставленные начальником отдела охраны труда как знак, обозначающий запрет работ в лаве из-за высокой концентрации метана. «Если бы я и хотел выполнить Ваши советы в отношении Победушкина, – сказал Кузнецов, – то я все равно бы не смог этого сделать, так как оба народных заседателя, участвующие в деле, на это ни за что не пойдут. Тот приговор, о котором Вы просите, не поймут и шахтеры. По этой причине в городе, где был взрыв, возможны беспорядки. А за это отвечать пришлось бы мне. Лично я за это отвечать не согласен». Не часто приходилось, видимо, секретарю обкома встречать такое упорное сопротивление в ответ на его просьбы. Поэтому, поморщившись, Саленко сказал Кузнецову, что он обо всем, что говорилось здесь, доложит первому секретарю.

В этот же день Кузнецов объявил приговор: Победушкину была определена мера наказания выше, чем остальным подсудимым, и он был взят под стражу из зала суда.

Бортненко, выслушав информацию Кузнецова, сказал ему:

– А под стражу-то зачем ты взял Победушкина прямо из зала суда, пусть бы они сами потом разбирались.

– Если Победушкина не взять под стражу, – возразил Кузнецов, – то я на 80 процентов уверен, что это дело потом спустят на тормозах, а могут вообще приговор отменить «по вновь выявленным обстоятельствам», которые представят в Верховный суд Победушкин и другие. Нет уж, Петр Иванович, я люблю честный подход, а не игру в прятки. Только поэтому и нет у меня отмены ни приговоров, ни решений. Просто не даю поводов.

Друзья Победушкина, уверенные, что суд «не посмеет послушаться начальства», приехали ко времени оглашения приговора к зданию суда на своих автомашинах (в то время это было редкостью), чтобы отметить победу друга в ресто-

ране, где были накрыты для них и Победушкина богатые столы. Но банкет по понятным причинам не состоялся.

Обсуждая результаты рассмотрения этого дела, Кузнецов и Бортненко с сожалением вспоминали уехавшего из области прокурора Самарина. Он бы по делу о взрыве на шахте «Юго-Западная» не позволил оставить на свободе главного обвиняемого, а следовательно, и суд бы в этом случае не подвергался давлению со стороны секретаря обкома партии, отвечающего за выполнение плана добычи угля в области. Но Кадкин... беспринципный Кадкин не был способен на такие самостоятельные и твердые решения, он только тем и держался, что угождал всем, от кого хоть в какой-либо мере зависел по должности.

Сибирская область в послевоенный период развивалась очень быстрыми темпами, и наряду с промышленными предприятиями строилось много жилья. Конечно, в первую очередь обеспечивали жильем рабочих, инженерно-технический персонал, но какую-то часть ведомственного жилья передавали исполкомам местных Советов народных депутатов для работников милиции, военкоматов, врачей, учителей, судей и прокуроров. Конечно, не сразу после избрания судьей его семье предоставляли квартиру, но с течением времени эти вопросы стали решаться намного быстрее. Построила и прокуратура области свой жилой дом, в котором часть квартир получили и работники областного суда, в том числе семья Кузнецова, прожив до этого 11 лет в коммуналке.

Многие работники судов, те, кто желал, получали земельные участки под сады и огороды. Садовые участки предоставлялись настолько близко к городской черте, что никто из садоводов никаких домиков на участках не возводил, ночевать на участке в 30–40 минутах ходьбы от дома просто не имело смысла.

Хотя и медленно, но все же повышались должностные оклады судебных работников, правда, они значительно уступали заработкам рабочих, занятых на шахтах, металлургических комбинатах и вредных производствах. Однако заработной платы судьи на скромную жизнь вполне хватало. Некоторые судьи как-то умудрялись за счет экономии приобретать себе недорогие автомашины марки «Москвич». Боль-

шинство судебных работников области имели возможность проводить свой отпуск в доме отдыха или санатории по льготной путевке. Железнодорожный билет из Сибири на юг стоил очень недорого. Так что одной месячной заработной платы судьи хватало на льготную путевку и месячный отдых на юге. Что многие и делали.

Кузнецову отдых на юге не нравился, он напоминал ему время службы в армии: весь день расписан по часам, целый месяц в окружении одних и тех же людей, даже на танцплощадке командует массовик-затейник. То ли дело отдых в деревне: рыбалка, охота, прогулки по лесу, по субботам и воскресеньям вечерки в клубе с плясками и старинными русскими песнями. Но жена Кузнецова этот вид отдыха в деревне не переносила. То ее комары кусают, то ей не нравится грязь на улице, а в лес по ягоды и вообще ходить отказывалась – боялась медведей. Однако и одна ехать на курорт тоже не хотела, мол, никакого отдыха, пристаёт всякая шваль, лезут знакомиться, а от самих за версту разит водкой. Поэтому Кузнецову приходилось мириться и ездить с женой в санатории в качестве сопровождающего. Вот и на этот раз, на тринадцатом году работы в области они отправились отдыхать на юг вместе.

В Москве сделали остановку. Кузнецову ранее дважды предлагали работу в Верховном суде, но он оба раза отказался, ему больше нравилась работа самостоятельная. Да и Москва ничем не привлекала. Жена же его, наоборот, уговаривала сменить сильно загазованный город Сибирск на более экологически чистое место. Под влиянием уговоров жены Кузнецов и решил прозондировать в Министерстве юстиции возможность переменить место работы. Сотрудники отдела кадров его просьбу взяли на контроль и обещали ко времени возвращения из отпуска что-то предложить. Но уже через неделю после прибытия к месту отдыха Кузнецов получил телеграмму из Москвы с предложением явиться в Министерство юстиции РСФСР.

Министр юстиции Болдырев, выслушав еще раз биографию Кузнецова из его уст, хотя все это он наверняка прочитал в его личном деле, сказал ему:

– А зачем Вы «рветесь» в Верховный суд Республики, ведь эта работа, я думаю, совсем не по Вам? Будете сидеть с

утра до вечера, протирать штаны как человек предпенсионного возраста и каждый день видеть только двух-трех товарищей по работе да дела, дела и дела.

Слово «рветесь» Кузнецова резануло прямо по сердцу.

– Я не рвался и не рвусь в Верховный суд. Я Вам говорил, что мне в прошлом, когда я приезжал в Верховный суд на практику, предлагали работу члена Верховного суда, но я отказался тогда. Да и Москва меня ничем не прельщает, я житель провинции, мне больше по душе небольшие города.

– Но это уже меняет дело. Из разговоров с людьми, кто Вас знает, у меня сложилось мнение, что вы человек энергичный и любите самостоятельную работу.

Кузнецов молча ждал, что скажет дальше министр.

– У нас есть возможность рекомендовать Вас на самостоятельную работу, – продолжал Болдырев, – но в одном месте жарко, а в другом холодно.

Кузнецов продолжал слушать, не задавая министру никаких вопросов.

– Как Вы смотрите, если мы предложим Вам работу председателя областного суда в Южнореченской области?

– А на какую работу переходит председатель этого суда?

По лицу министра пробежала легкая улыбка, и после минутного молчания он пояснил:

– Председатель этого суда переведен на казенные нары.

– Что, арестован? – вырвалось у Кузнецова.

– Нет, уже осужден на приличный срок... за взятки.

– Нет, – сказал Кузнецов. – От этого предложения я категорически отказываюсь.

– Почему?

– Дело в том, что если председатель областного суда брал взятки, то эта зараза поразила не только облсуд, но наверняка и периферию. Как же мне работать среди них? Я первое время всех буду подозревать во взяточничестве, и пока я настоящих взяточников выявлю и отдам под суд, у меня может не остаться времени, чтобы заняться настоящим делом. Нет, – закончил Кузнецов, – я лучше буду работать в своей родной Сибири. Пусть город Сибирск экологически

грязный, но совесть зато у наших людей кристально чистая. В такой обстановке легче дышится и охотнее работается.

– А если мы Вам предложим работу председателя краевого суда в Северореченском крае, как Вы к этому предложению отнесетесь?

– А где председатель этого суда? – снова тот же вопрос задал Кузнецов министру.

– Он переведен в Москву с повышением в должности.

– Если мне будет доверена эта работа, – отозвался Кузнецов, – то Ваше предложение я приму с удовольствием.

– Как, сразу, не посоветовавшись с женой, не посмотрев город? На Севере холодно, световой день короче зимой и длиннее летом.

– Я не думаю, что на Севере холоднее, чем в Сибири. Меня не пугает и то, что там короче световой день, ведь рабочее место мое будет в кабинете, а там лампочку вкрутил помощнее – и света будет достаточно. С женой у нас достигнута договоренность, она поедет туда, куда меня пошлют. Здесь никаких проблем не будет.

– Значит, соглашаетесь не глядя?

– Соглашаюсь, но... если отпустит по-хорошему наш обком партии. На конфликт с партийными органами я не пойду, – сказал Кузнецов.

– Ну, мы это возьмем на себя. Когда речь идет о повышении в должности, обкомы партии обычно не возражают. К тому же должность председателя краевого суда – это номенклатура ЦК КПСС, в случае возражения мы организуем в обком партии звонок из ЦК КПСС.

Минуты две Болдырев и Кузнецов сидели молча, видимо, каждый обдумывал ситуацию.

– А с чего Вы, товарищ Кузнецов, начнете работу в крае, если Вас изберут?

– Сложно ответить. Я должен буду сначала познакомиться с людьми, с обстановкой, а уж потом по ходу дела решать первоочередные вопросы. А как, на Ваш взгляд, – спросил он министра, – какая у них самая главная проблема?

– Кадры. Примерно процентов 25 недокомплект судей и на периферии, и в самом аппарате крайсуда.

– Ну, как же такое можно было допустить!? Что, у них нет работы, что ли?

– Работа есть, и ее много, – возразил министр, – да вот нет, говорят, специалистов.

– Значит, первое, чем надо будет заняться, – сказал Кузнецов, – это подобрать людей на вакантные должности и заняться их обучением.

– А второе?

– А второе, что я собираюсь делать, – это не допускать ошибок, которые, к сожалению, допускали некоторые мои руководители. Например, Жаков и Кадкин.

– Что это за ошибки? – поинтересовался Болдырев.

– Если коротко, то это грубость с подчиненными и пресмыкательство перед начальством. Вот этого я обещаю не допускать. Отношения будут равные со всеми. Что касается вакантных должностей, то я эту проблему решу быстро, не может быть, чтобы во всем таком большом крае не нашлось десятка хороших людей на должности судей.

– Будут ли у Вас какие-то просьбы к министерству?

– Только одна. Разрешите мне лично раз в год перед распределением молодых специалистов в Свердловском юридическом институте отбирать для края по пять-шесть выпускников. Остальные вопросы я решу с местными органами власти.

– Никаких возражений нет. Если в первый свой приезд в Свердловск Вам удастся набрать 10 выпускников с их согласия, берите всех себе.

Давая такое обещание, Болдырев про себя думал, что если бы удалось сагитировать хотя бы двух-трех студентов, и то хорошо. Только потому он и дал так легко это обещание. Забегая вперед, скажем, что именно это обещание министра помогло Кузнецову в кратчайшие сроки укомплектовать край прекрасными специалистами, которые были хорошо устроены в бытовом плане и все прижились. Со временем эти специалисты стали быстро продвигаться по службе, и не только в своем крае. Многие оказались на руководящих должностях в Москве и в областных центрах средней полосы.

Но все это будет потом, а пока Кузнецову предстояло пройти согласование его кандидатуры в краевом комитете

КПСС, крайисполкоме, отделе административных органов ЦК КПСС, после чего предстояло избрание на сессии Северореченского краевого Совета народных депутатов. Отпуска Кузнецову как раз хватило на все эти мероприятия. В Сибирск он возвращался уже в ранге председателя Северореченского краевого суда. Дома жена с пристрастием расспрашивала Кузнецова, что из себя представляет город Северореченск, есть ли там квартиры со всеми удобствами, как скоро им обещают предоставить жилье, очень ли климат Севера отличается от нашего, сибирского.

Кузнецов описал свои первые впечатления. Город расположен по обоим берегам могучей северной реки и растянулся вдоль нее на многие километры. Климат севера немного отличается от нашего. У нас в мае все в зелени, цветут сады, а там 20 июня, когда я уезжал домой, только распустились листья на деревьях. Кирпичных зданий мало, в основном деревянные одно-, двухэтажные, многие из них вросли в землю, покосились. Моста через реку нет, переезжал реку на речном трамвайчике, тротуары преимущественно деревянные. Вода в реке и в графине в гостинице по внешнему виду похожа на керосин, так как река протекает по торфяникам и вода не очищается. Но такую воду пить, говорят, с медицинской точки зрения даже полезно. Люди еще проще и душевнее наших, у кого ни спросишь, где находится крайком партии или суд, не только подробно все расскажут, но если не откажешься, то и проводить могут. Ночью в июне светло, как днем, а река в устье в сутки два раза меняет направление течения из-за морских приливов и отливов.

Слушая этот рассказ о Севере, восьмилетний сынишка Кузнецова интересуется:

– Пап, а рыба есть в той реке?

– Там такая рыба водится, что может тебя вместе с удочкой утащить прямо в море.

– А я кол вобью на берегу, – отвечает сын, – и буду за него держаться.

– Ну, разве что кол, вбитый в землю, спасет тебя, а так ты с такими рыбами не справишься.

Через неделю после возвращения из отпуска Кузнецовы собрали все свое небогатое имущество и отправили в

контейнере к их новому месту жительства. Перед отъездом по русскому обычаю собрали друзей, устроили прощальный обед, выслушали море пожеланий.

Дорогой жена Кузнецова волнуется:

– А хорошо ли, что мы выехали из Сибирска 13-го числа, в 13-м вагоне и прожили до этого в городе 13 лет?

– А если бы и место в вагоне у тебя оказалось 13-е? – спросил Кузнецов. – Что бы ты стала тогда делать?

– Я бы сменялась с тобой. Тебе ведь все равно, ты никогда ни в какие приметы не верил.

– Так легче живется. Кому положено на роду утонуть, тот ни за что в огне не сгорит.

Из Москвы в Северореченск семья Кузнецовых летела самолетом. Все трое прилипли к иллюминаторам. Под крылом самолета был сплошной лесной массив, и чем ближе к Северу, тем больше рек, речушек и озер, зато населенные пункты встречаются все реже и реже. Самолет приземлился на острове, и до города можно было добраться только речным трамвайчиком. Кузнецов никому и ничего не сообщил о дне своего приезда, поэтому никто его не встречал.

До конца дня времени было еще достаточно, и он успел встретиться с заведующим административным отделом крайкома партии Мезенцевым, который в те времена курировал органы милиции, суда и прокуратуры. Мезенцев подтвердил, что в общежитии учебного центра крайкома партии для него забронирована одна комнатка, где он может временно, до получения квартиры, поселиться с семьей.

Общежитие было в центре, прямо во дворе областного комитета партии. В отведенной им комнатке площадью 12 квадратных метров стояли две кровати и небольшой столик. Оставив чемоданы, Кузнецовы отправились знакомиться с городом, в котором им предстояло прожить, как оказалось, целых десять лет.

Город Северореченск тех времен даже по сравнению с Сибирском был захолустьем. Преимущественно деревянные двухэтажные покосившиеся от времени домишки, деревянные тротуары, грязные разбитые дороги, одна трамвайная линия через весь город, и на улицах запах фекалий. Кузнецов не выдержал и, выбрав одного прохожего интеллигент-

ного вида, спросил его, почему на улице пахнет фекалиями, всегда это бывает так или случайно только сегодня. Прохожий оказался человеком грамотным и спокойно объяснил, что очистные сооружения города устарели, давно требуют капитального ремонта, колодцы забиты, текущий ремонт ведется, но он проблем не решает.

Заглянули в магазины. «Небогато живут», – подумал Кузнецов и сказал жене:

– Жить можно, постепенно обживемся. Вспомни, каким был Сибирск, когда мы туда приехали, а какой стал за 13 лет нашей жизни – небо и земля. Центр города застроился кирпичными домами, появились театры, кинотеатры, магазины, заводские клубы.

– Да, – посетовала жена, – только успели получить хорошую отдельную квартиру, только стали обживаться, так нет, потянуло тебя на самостоятельную работу, все хочешь стать большим руководителем. А как у тебя сложатся дела здесь, еще неизвестно, может, не раз придется пожалеть о прошлом.

– Сережа, – сказал Кузнецов сыну, – не слушай мать, держи хвост пистолетом, и все будет нормально. Смотри, какая большая здесь река, а сколько в ней рыбы, ткнешь вилкой в воду – и вытащишь сразу стерлядь. Только успевай складывать в ведро.

– Правда, мама, то, о чем говорит папа?

– Не слушай ты его, Сережа, фантазер твой отец. То, о чем он говорит, бывает только в сказках.

– Пап, а долго мы будем жить в общежитии?

– А тебе что, оно не понравилось?

– Но это же все-таки общежитие, а не квартира, и комнатка всего одна, – продолжал настаивать сын.

– Сережа, многие люди были бы рады и этой комнате, что нам дали. А мы в ней проживем, пока не освободится подходящая для нас квартира. Ведь мы с тобой в Сибирске хорошую квартиру сдали? Сдали. Значит, нам должны предоставить такую же квартиру здесь. А что касается города, то его, наверняка, скоро отстроят, думаю, лет через 20, не может же валютный цех страны, как называют этот край,

международный морской порт всегда выглядеть таким захолустьем. Значит, у государства не дошли пока до него руки. Я надеюсь, что со временем Северореченск будет красивым городом.

На это предположение жена Кузнецова ответила словами Некрасова: «Жаль только, жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе».

– Не верь, Сережа, маме и Некрасову. Поэт жил в старое время, и тогда еще не было современной строительной техники и такого размаха строительства, как сейчас. У Северореченского края большое будущее. Ну, как, Сережа, доживем мы здесь до светлого будущего?

– Доживем, папа.

– Раз молодежь говорит – доживем, значит, должны дожить. А Сибирь... Сибирь теперь нам будет только сниться.

СЕВЕРОРЕЧЕНСКИЙ КРАЕВОЙ СУД

На следующий же день после прибытия в Северореченск Кузнецов отправился на свою новую работу. Северореченский краевой суд размещался в самом центре города в старинном доме, принадлежавшем до революции купцу первой гильдии. Это было кирпичное трехэтажное здание, первый этаж которого занимал книжный магазин, а второй и третий этажи принадлежали краевому суду. Во время предыдущего приезда в край на сессию краевого Совета народных депутатов, которая избрала Кузнецова председателем краевого суда, он заходил в здание суда, обошел внутри все здание, заглянул в некоторые кабинеты, зал суда, канцелярии, но никому из работников суда не представлялся. Тогда он обратил внимание лишь на то, что здание для суда тесновато, внутри помещения мрачно, стены обшарпаны.

Направляясь на работу, Кузнецов знал, что приемная председателя, его кабинет и кабинеты трех заместителей находятся на третьем этаже, куда вела узкая и высокая деревянная лестница. Видимо, там в свое время находились покои самого купца и членов его семьи, либо эти пять комнат занимали его конторские служащие.

В девять часов утра секретарь суда, довольно миловидная девушка лет двадцати трех, была на месте.

– Как Ваше имя? – обращаясь к секретарю, спросил Кузнецов.

– Нина, – ответила девушка, – а Вы кто будете? – поинтересовалась она.

– Кузнецов Владимир Владимирович. Ваш новый председатель.

– А что же Вы никого не предупредили о Вашем приезде, мы все давно Вас ждем.

– Спасибо, – ответил Кузнецов. – На месте ли заместители?

– Да, все заместители уже на работе, – сказала Нина.

– Тогда пригласите их ко мне, – попросил Кузнецов и впервые перешагнул порог своего нового кабинета.

Это была комната размером не более 20 квадратных метров, с двумя окнами, которые выходили во двор. У стены, напротив входа в комнату, стоял старинный двухтумбовый стол с небольшим приставным столиком, по обе стороны которого стояли два мягких, обтянутых кожей кресла. Кресла были низкие и очень-очень просиженные. Кузнецов недоумевал, как же председатель суда разговаривал с посетителями, когда они сидели в креслах? Наверное, ему приходилось вставать, чтобы увидеть при разговоре голову какой-нибудь небольшой старушки. У стены стоял диван, обтянутый дерматином. Это был в те времена неременный атрибут служебного кабинета любого начальника. В одном углу стояли старинные метра полтора – два высотой часы, другой угол занимала красивая изразцовая печь. «Видимо, все это, кроме дивана, стояло в этом кабинете еще с дореволюционных времен», – подумал Кузнецов. В это время в кабинет зашли трое заместителей и поочередно представились Кузнецову.

– Мамашин Михаил Николаевич – первый заместитель председателя крайсуда, – назвал себя мужчина лет 50 на вид, небольшого роста и щуплого телосложения.

– Кафтанова Таисья Митрофановна – заместитель по уголовным делам.

Это была женщина лет сорока, выше среднего роста, подтянутая, строго и со вкусом одетая. Ее рукопожатие походило на мужское. Третьим поздоровался с Кузнецовым Самохин Федор Николаевич – заместитель председателя по гражданским делам. Это был уже пожилой человек, которому на вид было далеко за 60.

С биографиями заместителей Кузнецов познакомился еще до поездки в край, когда решался вопрос, быть или не быть ему председателем этого суда. Но из своего жизненного

опыта он знал, что сколь бы полным ни было личное дело работника, все-таки никогда оно всесторонне его не характеризует. Чтобы человека узнать, с ним надо лично пообщаться.

Только заговорили о том, где и как он устроился, как из приемной стали доноситься голоса людей, чего-то требующих от секретаря суда. Обычно это бывает, когда посетитель настойчиво просит пропустить его на прием, а секретарь столь же настойчиво возражает.

Многие бы на месте Кузнецова попросили одного из заместителей выйти в приемную и разобраться с ситуацией, но не таким человеком был Владимир Владимирович. Он предпочитал всегда свои дела и обязанности никому не перепоручать, а разбираться лично. Так поступил он и на этот раз. Попросив заместителей посидеть, он вышел в приемную узнать, в чем дело. Выяснилось, что группа колхозников – свидетелей по уголовному делу – в третий раз по вызову приходят в суд, а им говорят: «Дело слушаться сегодня не будет, возвращайтесь домой и ждите новых повесток». Одна из женщин, узнав, что председатель на месте, решила к нему пройти и высказать свое возмущение плохой организацией работы крайсуда, а секретарь к председателю не пропускает, заявляя, что он очень занят.

Кузнецов спросил секретаря, почему откладывается дело слушанием на этот раз.

– Заболел судья Лаптев, который должен был рассматривать это дело.

– А что это за дело? – спросил Кузнецов.

– Да какое уж это дело, – ответила свидетельница. – Сын нашей колхозницы-пенсионерки, пьяница, отсидел срок за хулиганство, пришел домой, работать в колхозе не стал, а систематически избивал свою мать, требуя деньги на водку. А однажды так ее истязал, что бедная старушка не выдержала побоев и померла. Сейчас июль, самый сенокос, а нас полколхоза вызвали в суд свидетелями, да еще и дело третий раз откладывают. Мы зря теряем дорогое время.

– Нина, принесите мне, пожалуйста, это дело, – попросил Кузнецов секретаря.

Через пару минут он держал это дело в руках. Бегло прочитав обвинительное заключение, Кузнецов убедился, что свидетельница все представила так, как оно и было на самом деле.

Порасспросив колхозников, он узнал, что их колхоз рядом, всего в 15 минутах езды на речном трамвайчике, что в деревне есть клуб. Попросил Нину соединить его сначала с председателем колхоза, а потом с начальником тюрьмы. Переговорив с ними, Кузнецов тут же объявил свидетелям, что дело по обвинению колхозника, убившего свою мать, будет рассматриваться сегодня в 14 часов прямо в клубе колхоза, и после этого вызывать их больше никуда не будут. Поблагодарив председателя крайсуда, колхозники быстро покинули его приемную.

Возвратившись в свой кабинет, Кузнецов, передавая дело Кафтановой, сказал, чтобы она его рассмотрение поручила другому судье.

– Дело я назначил к слушанию на сегодня, на 14 часов дня, в клубе колхоза, свидетели извещены, с председателем колхоза и начальником тюрьмы я договорился. С прокурором и адвокатом договоритесь сами.

– Но у меня нет сегодня свободного, не занятого делами члена суда, – возразила Кафтанова.

– А у Вас лично есть сегодня назначенные к слушанию дела?

– Нет, – ответила она.

– Ну, тогда садитесь в этот процесс и рассматривайте дело.

– Как, без предварительного изучения дела? – возмутилась Кафтанова.

– А что его изучать. Тут и так все ясно, – спокойно возразил Кузнецов.

– Это у Вас в Сибири, наверное, дела рассматривают без предварительного их изучения, и Вам все ясно по делу еще до рассмотрения его. А потом, почему Вы без меня назначили дело к слушанию? Это же моя функция. Поскольку Вы сами назначили дело к слушанию, то сами его и рассматривайте.

– Да... – выдавил из себя Кузнецов, – скажем прямо, не очень-то вежливый разговор получился у нас с Вами при первом знакомстве. Но ничего, постепенно все встанет на свои места. Все дела, назначенные к слушанию судьей Лаптевым, я рассмотрю сам, а потом, товарищ Мамашин, мы с Вами обойдем все кабинеты работников суда и послушаем, какие и у кого будут просьбы и пожелания. А сейчас давайте работать, – предложил Кузнецов своим заместителям.

Такого оборота дела Кафтанова никак не ожидала. Она считала, что Кузнецов все-таки попросит ее найти другой выход из положения и скорее всего согласится отложить дело слушанием. Выйдя из кабинета председателя суда, Кафтанова, обращаясь к Мамашину и Самохину, со злостью сказала: «Посмотрим, что он там наколбасит с делами».

За первые три дня работы в новой должности Кузнецов рассмотрел три дела, назначенные к слушанию заболевшим судьей Лаптевым, причем два из них рассмотрел не в зале суда, где они были назначены, а с выездом на место. Рассматривая дела, Кузнецов обратил внимание на то, что адвокаты в судебном заседании ведут себя недопустимо вольно. В любой стадии допроса обвиняемого или свидетеля они перебивают его, задают вопросы без разрешения судьи, причем вопросы наводящего характера. Кузнецову пришлось несколько раз предупреждать их за нарушение порядка ведения судебного следствия.

А по делу о групповом изнасиловании, которое рассматривалось в закрытом судебном заседании в помещении суда, адвокат Милевская вообще, как говорится, распоясалась.

Это дело было довольно простое. Два молодых паренька утром подошли к женскому общежитию, через окно забрались в комнату, где спала девушка, пришедшая с ночной смены, разделись и, закрывая потерпевшей лицо одеялом, поочередно изнасиловали ее несколько раз. Свои действия подсудимые объяснили тем, что потерпевшая не была девушкой, со многими ребятами сожительствовала, поэтому полагали, что они ничего предосудительного не допустили.

Ухватившись за эту версию, адвокат почти в каждом вопросе порочила потерпевшую, считая, что во всем случившемся виновата она сама. Кузнецов несколько раз снимал вопросы, поставленные Милевской, официально предупреждал ее, и тем не менее речь адвоката Милевской походила на обвинительное заключение в отношении потерпевшей. Суд вынужден был вынести частное определение о неправильном поведении Милевской в судебном процессе и довести его до сведения краевой коллегии адвокатов для принятия к адвокату мер дисциплинарного характера.

На запальчивые вопросы Милевской по поводу частного определения Кузнецов ей ответил: «А если бы суд присоединился к вашей позиции и потерпевшая, не вынеся публичного позора, покончила после процесса жизнь самоубийством, Вы признали бы свою вину в этом?» И, не ожидая ее ответа, сказал: «Нет, не признали бы, Вы во всем обвинили бы суд».

Первые шаги и поступки нового председателя всюду обсуждались работниками краевого суда, многое казалось им необычным в сравнении с тем, к чему они привыкли в своем суде. Если прежний председатель и все три зама, за исключением Кафтановой, вообще дел почти не рассматривали, то этот новый начал работу еще до знакомства с судом с рассмотрения дел. Он уже успел поставить на место Кафтанову и утер нос некоторым зарвавшимся адвокатам. Все стали ждать с интересом, что же будет дальше.

А дальше была обычная для нормального суда работа, и ее оказалось очень много, пожалуй, не столько судебной, сколько бытовой и хозяйственной. После рассмотрения трех злополучных дел Кузнецов и Мамашин, вооружившись блокнотами и ручками, постепенно обходили кабинеты судей и работников канцелярии и записывали все просьбы и пожелания. А их оказалось очень много: тут были и серьезные вопросы, для решения которых нужны годы, и такие, которые при желании можно и нужно было решить давно. Все жаловались на плохой свет в помещении, мол, слепнем. Сейчас, в июле, еще можно работать, говорили они, так как белые ночи, но с сентября, а особенно с октября и днем будет темно, как ночью. Не работает туалет, вода поступает

туда только ночью, когда уменьшается ее забор населением, а днем уборщица ходит в другое здание с ведрами за водой, чтобы смывать в раковинах.

– А почему у вас в июне месяце, когда я заходил в суд, в коридорах был дым? – спросил Кузнецов.

– В июне было холодно, – ответили ему, – поэтому протапливали печи, а они дымят, во-первых, потому, что нуждаются в ремонте, а во-вторых, дрова сырые и крупно наколоты.

Были жалобы, что много дел, трудно работать, члены суда носят дела для изучения домой.

– Если у вас такой большой объем работы, – поинтересовался Кузнецов, – то почему же имеются вакантные должности членов суда?

– К нам никто не хочет идти работать, – пояснил Мамашин. – Объем работы большой, зарплата в 110 рублей для наших мест очень низкая, и облисполком не дает нам квартир. Ни у кого из судей, кроме бывшего председателя крайсуда, нет приличного жилья, большинство членов суда живет в домах с печным отоплением, а кое-кто живет на частной квартире.

При обходе кабинетов Кузнецов увидел, что здание суда давно не ремонтировалось, стены обшарпаны, паркетные полы разбиты, мебель старая, для краевого суда неприличная.

– А какая обстановка в народных судах? – спросил Кузнецов Мамашина.

– Еще хуже, чем у нас, – ответил он, – а вот квартиры народным судьям в районах дают, конечно, применительно к тем условиям, которые в каждом районе имеются.

«Да, не зря мой предшественник удрал в Москву, – подумал Кузнецов. – Там у него только те дела, которые ему дадут для рассмотрения. А здесь работы на десять лет хватит, чтобы хоть как-то все привести в порядок. Но раз взялся за гуж, то не говори, что не дюж». И он стал думать о том, что и как можно сделать немедленно, а что надо начинать делать постепенно.

Он вспомнил, как они с Бортненко в Сибирске обходились без денег для выполнения различных хозяйственных

дел и небольшой текущей работы по ремонту мебели и самого здания суда. В то время лица, подвергнутые административному аресту за мелкое хулиганство, должны были работать, а не сидеть без дела в тюрьме. Различные организации делали заявки на этих арестантов, брали их под расписку, а в конце рабочего дня сами доставляли их обратно в тюрьму. За работу одного арестанта в день организация платила один рубль. Кузнецов тут же позвонил начальнику тюрьмы и договорился, что со следующего дня тот будет направлять для работы в суде по несколько человек для колки дров, ремонта печей, а в первую очередь завтра же направит одного – двух сантехников и электрика. Начальник тюрьмы пообещал выполнить все просьбы и не брать с суда никаких денег. Так началась бесплатная работа по ремонту суда.

Сантехник сказал, что надо заменить засорившиеся водопроводные трубы на другие, большего диаметра, чтобы вода поступала в туалет днем. Он написал заявку на нужное количество труб. Электрик сказал почти то же самое: ток в суд поступает с уличного столба, чтобы его поступало больше, надо от столба провести к зданию суда медные провода, и указал их сечение и метраж. Кузнецов на следующий же день позвонил председателю Совета народного хозяйства (в те времена такой орган был во многих краях и областях), а тот, в свою очередь, дал соответствующее задание Главсевроречстрою срочно обеспечить суд всеми необходимыми материалами. Начальник главка спустил эту команду ниже, и через несколько дней у суда были и водопроводные трубы, и медные провода.

Начальник строительного управления сам пришел в суд посмотреть, как ведут ремонт мелкие хулиганы, познакомился с Кузнецовым и сказал: «Денег мы с Вас за материалы не возьмем, так как продавать материалы не имеем права, да и к тому же стоимость их, по нашим меркам, мизерная». – Затем пошутил: «Спишем куда-нибудь на производственные дела, а когда сами попадем под суд, Вы нам поможете кое-что списать на Ваши производственные дела».

В первые же дни работы Кузнецов убедился, что северяне – народ замечательный, нисколько не хуже сибиряков.

Недели через две после того, как он переступил порог краевого суда, в суде появился нормальный электрический свет и были отремонтированы водопроводные трубы, благодаря чему туалет проработал нормально до тех самых пор, пока не было построено для суда новое четырехэтажное здание. Мелкие хулиганы перекололи все дрова и аккуратно сложили их в поленницы.

Когда Кузнецов осматривал двор краевого суда и заглянул в дровяник, там ему бросилась в глаза целая гора каких-то небольших пузырьков.

– Что это такое? – спросил он у коменданта Сидоркиной.

– А это... это, – замялась Сидоркина, – флакончики из-под какого-то лекарства, употребляемого истопником.

При более строгом опросе комендант призналась, что истопник – наркоман, и лекарство из пузырьков он вводит себе в организм шприцем. В тот же день Кузнецов уволил истопника с работы по собственному желанию.

Разобравшись в обстановке в крайсуде, побывав в ряде народных судов и побеседовав с судьями, Кузнецов попросился на прием сначала к председателю крайисполкома Хворостову, а потом и к первому секретарю крайкома партии Старикову. Рассказав об обстановке в краевом суде и народных судах края, Кузнецов сказал, что все недостатки вполне устранимы, но нужна помощь областных организаций в первую очередь с жильем, а затем и с прикреплением членов областного суда к спецполиклинике, так как люди работают на износ и не могут из-за больших очередей в обычных поликлиниках и большого объема работы вовремя подлечиться.

Кузнецов знал, что пока считается новым председателем, ему должны оказать помощь хотя бы для того, чтобы поднять его авторитет в коллективе, среди народных судей и районных, городских местных органов. Расчет оказался правильным, кое-какие просьбы Кузнецова были удовлетворены, крайисполком принял решение (конечно, после указа-

ния секретаря крайкома КПСС) выделять областному суду по две квартиры в год для улучшения жилищных условий членов суда, прикрепить их к спецполиклинике и обеспечивать членов суда и народных судей санаторно-курортным лечением наравне с инструкторским составом местных органов власти. Это был уже, хотя и не очень большой, но успех, правда, пока на бумаге и в форме устных договоренностей. Чтобы эти договоренности воплощались в жизнь, нужна будет постоянная работа по «выколачиванию» из чиновников разного уровня денег, материалов, лимитов и путевок.

На конец года Кузнецов наметил проведение краевого совещания со всеми судьями, поэтому срочно требовалось, хотя бы ради первого впечатления, провести косметический ремонт коридоров суда и зала, а также продумать меры, чтобы облегчить нагрузку на судей и членов суда. Судья в работе не должен торопиться, у него обязательно должно быть свободное время на самообразование, на общение с трудящимися в форме отчетов о работе суда, на проведение лекций и бесед перед населением, наконец, и на активный отдых. А тут выясняется, что добросовестные судьи часто носят из суда работу домой, а некоторые народные судьи, как рассказывали Кузнецову, от переутомления даже падали в обморок.

Надо срочно заполнять вакантные места, искать возможности для получения новых штатных единиц судей и более рационально использовать их рабочее время. Областные и краевые суды в то время осуществляли и организационное руководство нотариатом, и Кузнецов решил разобраться, насколько полно нотариусы загружены работой, пригласив к себе для беседы консультанта по нотариату. Он без труда выяснил, что во многих районах нотариусы сидят без дела и их функции безболезненно могут выполнять сельские советы и райисполком. Кузнецов договорился с некоторыми председателями райисполкомов, что им вместо сокращенной штатной единицы нотариуса будет увеличена штатная численность судей. Это предложение председатели райисполкомов встречали с удовольствием, и нигде, в том числе в

Министерстве юстиции РСФСР, а позднее, когда его упразднили, и в Верховном суде РСФСР, оно не встречало возражений. Итак, один резерв уменьшения объема работы судей был найден в Северореченском крае в первый же год работы.

Кузнецовым больше половины нотариусов были сокращены, а вместо них на столько же единиц было увеличено количество народных судей и проведены их довыборы. Но в первую очередь были укомплектованы все вакантные должности судей. Там вопросы решались проще: юрисконсульта, адвоката или следователя, а кое-где и студента-выпускника, приехавшего в край на производственную практику, избирали в одном из трудовых коллективов на общем собрании народным заседателем, и на время отсутствия штатного судьи (болезнь, декретный отпуск и т.д.) райисполком своим решением назначал его исполняющим обязанности судьи.

Пришла очередь разобраться с обстановкой в аппарате крайсуда. К этому Кузнецова подтолкнула беседа с одним из старейших членов суда Пелагеей Филипповной Сметаниной. Пожилая женщина пенсионного возраста, десять раз извиняясь, просит его побеседовать с ней.

– Что Вы так себя унижаете, – обращаясь к Сметаниной, сказал Кузнецов. – Двери моего кабинета открыты всегда для любого посетителя, а тем более для своих работников. Как же иначе можно работать? Вы, наверное, заметили, что и доску, где были расписаны часы приема посетителей председателем и заместителями, я приказал коменданту снять со стены и выбросить в мусорную кучу. Мы любого гражданина, приехавшего в краевой центр, обязаны принять в тот же день и решить все его вопросы, зависящие от нас. Иначе мы будем бюрократы, которых надо выгонять с работы поганой метлой. А что касается своих работников, то тут вообще не может быть никакой речи. Я готов сидеть до полуночи, но своего работника обязательно приму и выслушаю. Так что же у Вас случилось, Пелагея Филипповна, давайте выкладывайте начистоту.

– У меня, Владимир Владимирович, – начала Сметанина разговор, прикрывая рот рукою, – как видите, во рту нет

ни одного зуба, все вытащили и уже сделали протез десны. На днях надо идти в поликлинику, чтобы его подогнать, а меня товарищ Кафтанова посылает на два месяца в командировку в Белоозеро. Там у нас управление лагерей, и скопилось много дел об условно-досрочном освобождении. Как я там буду два месяца жить без зубов, и что я буду есть? Дома-то я кашей питаюсь.

– А Кафтановой Вы рассказывали все это?

– Как же, конечно, рассказывала.

– И что же она? – допытывался Кузнецов.

– А она говорит, что у нас в Белоозеро ехать некому, кроме меня.

– Пелагея Филипповна, – продолжал Кузнецов, – а вот рядом с Вами в кабинете сидит молодая симпатичная женщина, она чем занята?

– Ну как чем, у нее находятся на изучении дела второй инстанции, – ответила Сметанина.

– Так вот Вы с ней и поменяйтесь. Вы возьмите у нее ее дела, а ей передайте свою командировку, чтобы она ее переоформила на себя.

– Что Вы, что Вы, Владимир Владимирович. Это Вы так заявляете, совершенно не зная нашей обстановки, – сказала Сметанина. – Чечерова Нина Михайловна – член «малого президиума» крайсуда, который всем управляет в суде, и она в такую дыру, в какую посылают меня, не поедет. В Белоозере нет гостиницы, нет столовой, командировочные платят как в сельской местности, по 1 р. 30 коп. Да и дела УДО (об условно-досрочном освобождении заключенных) никто из судей не любит рассматривать, они нудные, неинтересные, и объем работы там лошадиный.

– Пелагея Филипповна, – поинтересовался Кузнецов, – а что это у нас в суде за «малый президиум»? Я что-то такого органа не знаю.

– Да это мы так в шутку, – ответила Сметанина, – промеж себя называем Кафтанову и ее нескольких приближенных, которые управляют в крайсуде всем, а председатель при таком положении царствует, но не руководит. Вашего предшественника это устраивало, да он и побаивался их, у него были грешки: и с женщинами, и, говорят, с

машиной, и с дачей. Поэтому он ни с Кафтановой, ни с ее подружками не связывался. Члены «малого президиума» рассматривают самые эффектные, громкие дела, ездят в командировки в крупные города и районы Крайнего Севера, где командировочные 3 р. 50 коп. в сутки.

Кузнецов поблагодарил Сметанину за полезную информацию и сказал, что он ее командировку отменяет и просит пригласить к нему Чечерову. Вскоре в дверях показалась Нина Михайловна Чечерова, молодая, стройная и красивая женщина. Предложив Чечеровой присесть, Кузнецов сначала поинтересовался ее здоровьем, спросил, нет ли у нее каких-либо препятствий для выезда в командировку. Чечерова ответила, что на здоровье не жалуется и никаких препятствий для выезда в командировку у нее нет. «Вот и прекрасно, – сказал Кузнецов, – имеющиеся у вас дела передайте, пожалуйста, Сметаниной, а у нее возьмите командировку в Белоозеро и перепишите ее на себя». При этих словах Кузнецова Чечерова заметно покраснела, но самообладания не потеряла, не сказав ни слова, вышла из кабинета председателя. Минут через десять в кабинет Кузнецова буквально врывается Кафтанова и, не закрыв за собой дверь, срывается на крик: «Заместитель я здесь или не заместитель!?»

Кузнецов уже ожидал Кафтанову и запаса терпением. В ответ на ее вопрос он спокойно сказал:

– Вы пока заместитель, но если будете и дальше так себя вести, то это продлится недолго. Так что у Вас за вопрос ко мне?

– В командировки членов суда посылаю я, – заявила Кафтанова, – и мне лучше знать, кто и чем может и должен заниматься. Почему Вы подменяете меня? Чечерова больна и ни в какое Белоозеро не поедет.

– Я выяснил у Чечеровой, – сказал Кузнецов, – что она здорова и никаких препятствий для поездки в командировку у нее нет. Если она принесет бюллетень, я свое решение пересмотрю, это во-первых, а во-вторых, приказы о командировках подписывает и направляет работников в командировки председатель суда, а заместитель лишь определяет цель и место выезда. Вы на этот раз не должны были

Сметанину посылать в командировку, у нее есть серьезные препятствия, Вы их знали, но с ними не посчитались.

– Ну, я на Вас найду управу! – бросила на ходу Кафтанова и выскочила из кабинета.

Минут через пятнадцать звонит Кузнецову заведующий административным отделом крайкома КПСС Михаил Петрович Мезенев.

– Ну, что там, Владимир Владимирович, опять у Вас произошло с Кафтановой?

– Ничего. Она хотела послать в командировку больного человека, я вмешался, больного оставил в суде, а вместо него послал здорового.

– Но она говорит, что Чечерова больна и ехать в командировку не может, – сказал Мезенев.

– Она лжет, Чечерова здорова, и в командировку поедет она.

– Владимир Владимирович, нельзя ли эти вопросы решать в суде без конфликтов, без привлечения к этой проблеме крайкома партии?

– Можно и нужно, – ответил Кузнецов, – и я полагаю, что скоро это время наступит. Вот если я по Вашей просьбе отменю командировку Чечеровой, то подобные конфликты будут еще чаще, чем сейчас, либо я вынужден буду смириться с положением английской королевы – царствовать, но ничем не управлять.

Вторичный поход Кафтановой в крайком партии с жалобой на председателя остался, как и первый, без последствий. Кафтанова чувствовала, что теряет былую власть над аппаратом суда. Поэтому всеми силами подзуживала первого заместителя председателя крайсуда Мамашина, играя на его самолюбии. «Ну, чем этот сибирский валенок, – говорила она, имея в виду Кузнецова, – лучше тебя? Ты местный, всех знаешь, тебя все знают, уважают, а ты сидишь и терпишь выходки этого сибирского медведя. Он во всем тебя подменяет, сам распоряжается ремонтными работами в суде, даже не спрашивая тебя, сокращает нотариусов, снял со стены доску приема граждан, подбирает кандидатов на вакантные должности, ни с кем не советуясь, да и вообще

черт знает что он еще выкинет. А ты сидишь и все это терпишь. У тебя же есть выход на отдел кадров Министерства юстиции РСФСР, вот и звони туда при каждом удобном случае, напоминай им, мол, с ним пора разбираться, а то скоро разбежится весь аппарат суда». В действительности Кафтанова способности Мамашина и в грош не ставила. Она считала его пустышкой. Себя же спала и видела председателем суда, а тут взяли да и прислали какого-то твердолобого сибиряка. Вот она и негодовала.

Мамашин был человек робкий, в себе не уверенный и сильно поддавался влиянию. Среди чиновного люда есть немало таких, которые, получив должность, плохо знают или совсем не знают порученную им работу и вместо упорного труда над собой все усилия направляют на то, чтобы удержаться на этом месте. Для этого они стремятся определить, кто тут самый сильный, с кем не следует портить отношения и от кого зависит благополучие и продвижение по службе. Они ни за что не пойдут на конфликт с начальником, что бы он ни предлагал, наоборот, будут ему льстить, поддакивать, хотя нередко и понимают, что действия начальника идут во вред делу. Именно к такой категории людей и принадлежал Мамашин. Хотя он по должности и был первым заместителем, к нему никто из аппарата и ни за чем не обращался. Все знали, что он самостоятельно ничего не решит и обращение к нему ведет только к потере времени.

С появлением Кузнецова Мамашин понял, что обстановка в суде изменилась, теперь все будет решать Кузнецов, в том числе и то, что касается его функций: подбор и расстановка кадров народных судей, ликвидация или создание новых нотариальных контор, контроль за рассмотрением жалоб на исполнение решений народных судов, обеспечение судов помещениями, оборудованием, создание условий для работы аппарата краевого суда.

Из бесед с председателем профкома, секретарем парторганизации, членами президиума крайсуда и самим Мамашиным Кузнецову стало ясно, что его заместитель ни одного из вопросов его компетенции ни разу самостоятельно не решил, все делалось как-то само собой, он лишь плелся в

хвосте событий да во всем поддерживал Кафтанову. Начинать свою служебную жизнь по-новому он уже был не в состоянии, поэтому и продолжал выполнять ее установки. При любом разговоре с работниками Министерства юстиции РСФСР он многозначительно намекал на что-то и добавлял: приезжайте, сами все увидите на месте, по телефону всего не расскажешь.

Когда отпускной период закончился и все работники крайсуда собрались вместе, Кузнецов решил, что пора провести общее собрание трудового коллектива и посоветоваться об улучшении организации работы и уменьшении судебной нагрузки членов суда и народных судей.

В докладе на этом собрании Кузнецов сказал: «У самого краевого суда есть внутренние резервы, и, если их использовать, мы сможем облегчить работу членов суда без увеличения численного состава крайсуда. Мы постоянно держим одного человека в командировке в Белоозере, посылаем туда члена суда и секретаря для рассмотрения дел об условно-досрочном освобождении, поступающих из управления лагерей, и все равно наши наезды в управление лагерей проблемы не решают. Я съездил в это управление, познакомился с обстановкой и работой нашей выездной сессии. Пришел к выводу, что там необходимо открыть постоянную сессию краевого суда. Управление дает помещение со всем оборудованием и даже соглашается содержать за свой счет секретаря нашего суда, нам надо только подобрать кандидатуру судьи и утвердить эту должность на сессии крайсовета. Мне предложили одного товарища, он заканчивает в Свердловске юридический институт, я туда слетал, договорился с ним, и он скоро появится у нас. Управление дает ему хорошую квартиру. А места там, где находится этот лагерь, изумительные, особенно для охотников и рыболовов. Мы с начальником управления полковником Лосевым один вечер посвятили осмотру этих мест. Оделись в солдатское обмундирование, сели на дрезину, примерно на такую же, на которой ездил Жиган из кинофильма «Путевка в жизнь», только с моторчиком, и поехали по узкоколейке на озеро. Чудо! За один час наловили ведро рыбы. Но самое главное:

это управление лагерей делает по заказу одного прибалтийского Министерства юстиции стильную мебель для судов. Ведь наши стулья, что стоят в залах суда, рассыпаются после рассмотрения первого громкого дела. А те диваны, что они делают для судов, и топором не скоро сломаешь. Делают они и полированную канцелярскую мебель. Лосев мне обещал: как только приедет к нему в управление постоянный судья, он тут же высылает райсуду комплект стильной мебели».

Кто-то из участников собрания не удержался и громко крикнул:

– А где мы возьмем такие деньги?

– Лосев согласился поставлять нам мебель в кредит. А деньги мы найдем, есть для этого два источника: первый – это те председатели облсудов (их называют в Министерстве юстиции «раззявы»), которым выделяют ежегодно крохи на приобретение мебели и пишущих машинок, а они лимит на это достать не могут – и деньги пропадают. Самое плохое в том, что на будущий год Совмин России Министерству юстиции уменьшает ассигнования на приобретение ровно на такую сумму, которая не была судами освоена в текущем году. А Лосев сказал, что они производство, а не торговая организация и вправе отпускать свою продукцию любому, кто купит, без всяких лимитов. А нам они могут отпускать мебель даже в кредит и, наоборот, брать с нас деньги раньше, под будущую свою продукцию, т.е. они будут, говоря иначе, прятать наши деньги, чтобы их не списали. От нас требуется только должность председателя постоянной сессии крайсуда. Второй источник – это выделение денежных средств крайисполкомом.

– А почему у лагеря заинтересованность в своем судье? – кто-то снова не удержался от вопроса. – Они, наверное, командовать им собираются, кого казнить, кого помиловать?

– Объяснение этому, – сказал Кузнецов, – простое. Условно-досрочное освобождение – это рычаг воздействия на заключенных. Они им говорят: будете хорошо работать – освободим Вас условно-досрочно либо смягчим Вам режим содержания, переведем в колонию поселения и т.д. А хорошая экономическая работа лагеря ведет к выполнению пла-

на, получению премиальных, продвижению руководства по службе, повышению звания. Видите, как все здесь завязано в один узел. А влиять им на конкретные решения суда ни к чему, наоборот, они заинтересованы, чтобы суд дело рассматривал и своевременно, и правильно.

Итак, двух человек мы для крайсуда, считайте, нашли. Посмотрим дальше свои резервы, – продолжал Кузнецов. – В Сибирском суде, где я работал, было 120 народных судей и 40 членов суда. Сложных уголовных дел в этом суде было намного больше, чем в нашем крае. Почему же там члены суда не носят материалы для изучения домой? Все дело в организации работы.

Скажите, кто придумал у нас иметь пять кассационных дней в неделю как для уголовной, так и для гражданской коллегии? Ведь в этом случае надо каждый день определяться, кто, где и с кем будет заседать. Это во-первых, а во-вторых, почему заместители не докладывают дела и даже не всегда председательствуют в судебных составах? Чем они занимаются? Оказывается, им докладывают о надзорных жалобах граждан консультанты, а потом они же их и подписывают. Но ведь это не их работа. Подписать ответ по надзорной жалобе может только должностное лицо, которое имеет право на принесение надзорного протеста. У нас в суде такое право принадлежит только председателю. Значит, все жалобы консультанты по уголовным и гражданским делам должны докладывать только мне, и только я их буду подписывать, а в мое отсутствие эту работу будет выполнять тот, кто по приказу останется исполняющим обязанности. С завтрашнего дня я ввожу этот порядок в нашем суде и обязываю заместителя по уголовным делам и заместителя по гражданским делам брать себе на доклад ровно половину того количества дел, которое дается для изучения членам суда. Вот вам условно появляется еще одна единица члена суда.

Заседания коллегий по рассмотрению дел будут с 1 ноября проводиться два раза в неделю, в народные суды такая бумага уже направлена, в понедельник и четверг заседает уголовная коллегия, во вторник и пятницу – граж-

данская коллегия. Среда отводится для рассмотрения дел на заседании президиума крайсуда, если, конечно, будут дела с протестами прокурора края или председателя крайсуда. При таком раскладе я, как председатель суда, могу прийти председательствовать в любой судебный состав и в любой день недели. Это позволит мне знать, кто из членов суда добросовестно готовит дела к слушанию, а кто халтурит, кто грамотно составляет определения, а кто лишь механически переписывает доводы из материалов жалоб и протестов.

Наконец, у нас имеется две вакансии членов суда, я переговорил с двумя народными судьями города, с райкомами и райисполкомами, с административным отделом крайкома КПСС, с моими заместителями, и в ближайшее время на первой же сессии райсовета они будут избраны членами крайсуда. В Свердловске и Ленинграде я подобрал двух хороших студентов-выпускников, которые будут избраны народными судьями вместо тех, которых мы забираем к себе. Итак, по моим прикидкам, крайсуд с нового года начнет работать нормально, – заключил Кузнецов и предложил задавать ему вопросы.

– Владимир Владимирович, – обратилась к Кузнецову председатель профкома Тамарова, – а нельзя ли нам вместо печного отопления в суде провести паровое?

У Кузнецова с Тамаровой один на один такой разговор уже был, и она знает его позицию, но ей хотелось, чтобы об этом из уст председателя суда услышал ответ весь коллектив.

– Конечно, можно, – заверил Кузнецов. – С председателем крайисполкома мы уже говорили на эту тему, но встает ряд вопросов, решение которых еще не ясно. Первое: к кому присоединяться за теплом. Недалеко от нашего здания строится жилой дом, расчеты показывают, что тепла на тот дом и на наше здание от одной котельной хватит. Деньги на проектные работы и ремонт здания крайисполком дает, но тогда мы в ближайшее время не сможем ставить вопрос о строительстве своего здания крайсуда. И второе: что делать с изразцовыми печами, ведь это культурные ценности, особенно в трех помещениях: в зале суда,

совещательной комнате и кабинете председателя. Над всем этим надо подумать.

– Владимир Владимирович, – задал вопрос один из судей, – а действительно, что в Сибирском областном суде, где Вы работали, самые серьезные уголовные дела первой инстанции рассматривают лично председатель и первый заместитель?

– Да, это так, я кому-то уже говорил об этом.

Вопрос был задан, видимо, в связи с тем, что Мамашин вообще ни одного дела первой инстанции не рассматривал, и работники суда не знают, чем он вообще занимается. Видимо, только одними жалобами на неисполнение решений народных судов да своими личными делами. У них с новой женой недавно родился ребенок.

Выступающих на совещании не было, мол, все ясно и так, надо работать. Только одна машинистка внесла предложение.

– Нельзя ли, – сказала она, – машбюро оборудовать так, как это сделано в совнархозе: там пол обит кошкой, стены – каким-то мягким материалом, и звука машинок почти не слышно. Электролампочки приделаны над каждой пишущей машинкой. Вот бы нам такое, тогда бы и производительность машинисток резко возросла. И еще есть одна просьба: у нас консультанты пишут ответы на жалобы от руки и дают их печатать в машбюро, заместители правят почти каждую жалобу, и нам приходится снова их перепечатывать, получается двойная работа. Рационально ли это?

– Вопрос и предложение правильные и дельные, – согласился Кузнецов, консультантам с завтрашнего дня все свои ответы по жалобам давать для прочтения и редактирования тому должностному лицу, кто их должен подписывать, т.е. большую часть мне, а по вопросам волокиты – Мамашину. Машбюро печатает ответы крайсуда по жалобам лишь после моей визы или визы Мамашина. Главному бухгалтеру крайсуда Михаилу Николаевичу Клинову подготовить приказ о переводе всех машинисток на сдельную оплату труда. Такой порядок существует, я знаю, в крайкоме партии, крайисполкоме, совнархозе, может быть, еще в ка-

ких-то организациях. Сходите в эти организации, возьмите там приказы или положения и на их базе подготовьте свои.

С собрания работники коллектива расходились дружно, темы, поднятые при обсуждении, продолжали волновать всех. «Во дает, – говорила одна из секретарей коллегии, взяла и заставил Кафтанову работать, мол, бери себе на доклад дела, а не ходи по суду, как Салтычиха, руки в боки. Ух, и кисло же, наверное, теперь ей. А что она ему может сделать? Ничего. Любовницы у него нет, дачу он, наверное, строить не будет. Попробуй придерись. Говорят, она уже дважды бегала в крайком КПСС с жалобой на него, да что толку, только свой авторитет там сама и подрывает». Абсолютному большинству членов суда, особенно тем, кого считали «неграми», первые решения и деловой подход нового председателя нравились, они даже воспрянули духом.

А у председателя в связи с последним его решением объем работы очень возрос, особенно много времени отнимали надзорные жалобы. На следующий же день после собрания Кузнецову положили на стол огромную пачку жалоб с проектами написанных по ним ответов. Этой работой занимался консультант Портнов, молодой специалист, только что с отличием закончивший юрфак Ленинградского госуниверситета. Его на работу в крайсуд пригласил сам Кузнецов и обещал ему, после непродолжительной службы консультантом и по достижении 25 лет, предоставить должность члена суда. Поэтому он очень старался, и ответы, подготовленные им по надзорным жалобам, по размеру были подчас объемистее, чем сама жалоба.

Начав читать эту переписку, Кузнецов понял, что если не внести коррективы, то только одной этой работы ему хватит на целый рабочий день. Порывшись в этой переписке, Кузнецов позвал Портнова и объяснил ему, как они будут работать.

– Я сам, – сказал Кузнецов, – буду читать только жалобы, поставленные на контроль Министерством юстиции, а также депутатские, повторные или поступившие из партийных и советских органов. По остальным жалобам Вы даете мне только краткую аннотацию. Принимаю я Вас с жалобами два раза в неделю в течение одного часа в уста-

новленные дни и визирую подготовленные ответы. Вот давайте так и работать, а иначе у нас просто не получится. После моей визы ответы печатает машбюро, я их подписываю. В ответах не надо переписывать целые страницы из учебника по уголовному праву. Заявителю наша теория до лампочки. Его интересуют ответы только на те вопросы, которые он изложил в жалобе. Вот на них и должны мы с Вами отвечать. А сейчас забирайте всю эту макулатуру и идите переделывайте ее, приносите ответы мне сами, а не посылайте через секретаря, и в строго отведенные для Вас часы. Если в это время меня вызовут в крайком или еще куда-то, я Вам назначу для доклада другое время.

Не сразу Кузнецов и Портнов сработались. Портнова все время тянуло в сторону теории: что сказал по тому или иному вопросу профессор Шапиро, как подобный вопрос решил Верховный суд РСФСР и т.д.

– Ну скажите на милость, зачем этой старушке нужны пространные извлечения из учебника Шапиро? – объяснял Кузнецов Портнову. – Ей надо точно ответить, что действия ее сына являются злостным хулиганством. Подтверждено это тем-то и тем-то, а мера наказания определена судом в пределах санкции ст. 20, ч. 2 УК РСФСР.

– Но, – возражал Портнов, – мы не должны в своих ответах опускаться до уровня юридически неграмотных людей. Пусть они поднимаются до нашего понимания закона.

Спор заканчивался тем, что Кузнецов говорил: «Без моей визы машбюро печатать Ваш ответ не будет, а я не поставлю визу на Вашем проекте «диссертации», пока содержание ответа меня не удовлетворит».

Портнов был молод, горяч, иногда, покидая кабинет Кузнецова, так хлопал дверью, что штукатурка сыпалась со стен. Потом остывал и, понутив голову, приходил просить прощение за бестактное поведение. Кузнецов, конечно, мог под горячую руку и уволить Портнова, но было жаль. Талантлив парень, страшно трудолюбив и столь же страшно самолюбив. Примерно через год Портнов был избран членом краевого суда и с огромным желанием работал в этой должности. На его место был принят другой консультант, но установленный Кузнецовым порядок разрешения надзор-

ных жалоб продолжал действовать, и эта работа отнимала у него не больше двух часов в неделю.

Многие председатели областных и краевых судов, и особенно первые заместители этих председателей, бывая в Москве, обязательно старались зайти в отдел писем Министерства юстиции и узнать, нет ли к их судам серьезных претензий по рассмотрению жалоб на исполнение судебных решений. Заходил в этот отдел и Кузнецов, когда ехал с семьей на работу в Северореченский краевой суд. Работница отдела ему пожаловалась, что ячейка, где лежат контрольные жалобы, направленные в Северореченский суд, всегда забита. Нельзя ли как-то улучшить работу судов края по исполнению судебных решений о взыскании алиментов с ответчиков? Тогда Кузнецов высказал предположение, что эти ответчики, наверное, заключенные, зарплаты не получают, значит, и алименты не перечисляются. Но обещал по приезде в край разобраться. И вот дошла очередь до этой проблемы.

Жалобами на неисполнение решений народных судов в крайсуде занимались три работника: консультант по жалобам, ему помогал консультант по нотариату, а первый заместитель Мамашин подписывал поручения по жалобам и ответы на них. Кузнецов однажды попросил консультанта по жалобам принести ему в кабинет все жалобы, исполненные и не исполненные за последний месяц, и квартальный отчет по ним. Консультант принесла огромную охапку бумаг. «Да, – подумал Кузнецов, – чтобы все это прочитать и разобраться, что к чему, потребуется неделя». Но он ошибся, разобрался он с этим делом довольно быстро. Оказалось, самих-то жалоб немного, примерно недельное поступление, а остальные бумаги – это производство по жалобам, т.е. обложка дела, карточка учета и стандартный бланк, в котором консультант указывает наименование суда, куда пересылается жалоба, и адрес заявителя, которому отправляется копия.

Лишь пять процентов от всего количества жалоб поставлено на контроль, т.е. по этим жалобам требуется от суда ответ, что им предпринято. Из ответов по контрольным жалобам, которые высылались очень нерегулярно, можно понять, что ответчик действительно работал в той организа-

ции, которую указывала заявительница, но в настоящее время он оттуда с работы уволился. Понять из таких ответов, удерживались ли с ответчика алименты, когда и сколько, когда и куда они пересылались, где сейчас находится исполнительный лист, не представлялось возможным. Получалось, что вроде все при деле, но от этого никому никакой пользы.

Кузнецов пригласил к себе главного бухгалтера крайсуда Клинова, задал ему ряд вопросов, связанных с исполнением судебных решений и пересылкой исполлистов. Хотя бухгалтер был очень грамотный, но он этих вопросов не знал и инструкцию по исполнению решений судов никогда не видел в глаза. Кузнецов поинтересовался, как он живет. Выяснилось, что он участник войны, человек многосемейный, у него пятеро несовершеннолетних детей, жена работает в суде уборщицей.

– Михаил Николаевич, ведь Вам трудно с женой на ваши небольшие заработки содержать такую семью?

– Конечно, трудно, – ответил, Клинов, – у меня был приработок, но Вы его у меня отобрали. Я раньше колосил дрова для крайсуда, а теперь эту работу Вы отдали мелким хулиганам.

– Если у Вас есть время, я Вам, Михаил Николаевич, дам по совместительству другую работу, она чище и оплачиваться будет лучше.

– Интересно, какую же? – удивился Клинов.

– Вы можете ездить в командировки по краю? – спросил Кузнецов.

– Конечно, и с удовольствием.

– Вот и прекрасно, – продолжал Кузнецов. – Я Вам расскажу, как надо проверять работу народного суда по исполнению судебных решений. Вы, бухгалтер, сразу поймете. Это очень просто, Вам надо будет познакомиться всего с несколькими пунктами инструкции «О порядке исполнения судебных решений», и дело пойдет. Вы за одну командировку проверите сразу три-четыре суда, потом раз в квартал соберете бухгалтеров предприятий и организаций района на два часа, проведете с ними семинар или совещание, как угодно можно назвать это мероприятие, на второй день то

же сделаете в другом районе, на третий – в третьем. Для порядка более злостных нарушителей судья по Вашему представлению оштрафует на 10 рублей. Это предельный размер штрафа, но дело не в сумме, а в позоре, ведь бухгалтера стыдили перед другими бухгалтерами района, да еще и штраф наложили за то, что он покрывает алиментщиков. За время командировки получите командировочные и квартирные, эта сумма будет больше, чем Вы зарабатывали на колке дров. По возвращении пишете мне докладную о проделанной работе, а я Вам выписываю пол-оклада премии. Полгода такой работы – и я одного консультанта по жалобам сокращу. Ему просто нечего будет делать.

Проверка работы третьих лиц по исполнению судебных решений будет заключаться, – продолжал Кузнецов, – в следующем: суд послал в какую-то организацию исполнительный лист о взыскании алиментов с их работника на его детей или родителей. Этот недобросовестный человек, чтобы не платить алименты, увольняется. Бухгалтер этой организации возвращает исполнительный лист или в суд, который выносил решение, а он чаще всего находится не в нашем крае, а в другой области РСФСР, или на руки истце. Так появляется повод для жалобы, потом второй, третий и т.д.

– А как надо поступать по инструкции? – спросил Клинов.

– Вот видишь, ты бухгалтер, а не знаешь, – ответил Кузнецов. – Поэтому первая Ваша задача – самому хорошо изучить инструкцию о порядке исполнения судебных решений, обучить этому порядку всех бухгалтеров области и, самое главное, требовать, чтобы все выполняли инструкцию.

– Ого! – воскликнул Клинов, – так мне надо для этого иметь целый штат работников.

– А у тебя и будет огромный штат – все народные заседатели края, а их у нас только в народных судах более 300 человек. Смотри, что получается в жизни: в одном суде, допустим, работают два, три или четыре судьи, они назначают к слушанию дела и вызывают на две недели от четырех до восьми народных заседателей с отрывом от производства и с сохранением за ними среднего заработка. А в назначенный день у одного судьи никто не явился,

другой дело начал и отложил. Сколько таких случаев, тысячи, они происходят в судах ежедневно. Что делают в этом случае заседатели ? А ничего. Они расходятся по домам, зарплата, напоминая, им идет по месту работы. Вот этих-то людей мы с тобой, Михаил Николаевич, и должны привлечь к нашей работе. Сейчас кое-где их используют для проверки работы третьих лиц, т.е. организаций, исполняющих судебные решения, но делают это неграмотно и цели не достигают. Им говорят: «Сходите в контору такого-то леспромхоза и посмотрите, как они исполняют решения судов». Там нарзаседателям показывают два-три или пять исполлистов, по которым бухгалтерия производит удержание. Они приходят в суд и говорят, что все хорошо, все в порядке.

– А как надо грамотно проверять? – допытывался Клинов.

– Грамотно, – продолжал Кузнецов, – эту работу надо начинать в суде. Послал судебный исполнитель в какую-то организацию исполлист – заводи на эту бумагу карточку и держи ее в картотеке как сторожевой листок до тех пор, пока не будет исполнено целиком решение суда или не уволится с работы должник. Если должник увольняется, исполлист бухгалтерия организации обязана возвратить в суд своего района, где находится так называемый сторожевой листок. Судебный исполнитель в этом случае разыскивает его новое место работы. Идет нарзаседатель в организацию проверять исполнение судебных решений и захватывает с собой все эти сторожевые листки, за сколько бы лет они ни накопились. Уверяю Вас, Вы почти не встретите организации, где отчитались бы перед Вами по всем исполлистам без замечаний.

Проверяющий составляет в организации маленькую справочку, где перечисляет грехи бухгалтера по исполнению судебных решений, к справочке прилагается объяснение бухгалтера. Судья его штрафует, а Вы на совещании бухгалтеров района об этих случаях рассказываете всем бухгалтерам. Уверяю Вас, нет другой категории работников более педантичной, чем бухгалтера. Они этот несчастный штраф запоминают на всю жизнь сами и другим рассказывают об этом.

Вот если мы с Вами грамотно проведем такую операцию во всех городах и районах края, уверяю Вас, что нам консультант по жалобам больше не потребуется. Эту работу вполне по совместительству в состоянии будет исполнять консультант по нотариату, так как нотариусы в нашем крае не перегружены работой: дома никто не продает, завещания наши жители пишут редко, а заверить какую-то копию или доверенность вполне может сельсовет или руководитель предприятия. Если мы сделаем все как надо, я обещаю через год, когда буду сокращать консультанта по жалобам, выдать Вам премию в размере двух должностных окладов. Как, Михаил Николаевич, беретесь за это дело?

– Да, – сказал Клинов, – много Вы мне, Владимир Владимирович, наговорили интересного, и дело заманчивое, мне нравится. Но разрешите Вас спросить: а в той области, где Вы работали, Вам удалось реализовать эту идею?

– Удалось, – ответил Кузнецов, – поэтому так уверенно я уговариваю Вас и заранее знаю, что у Вас получится. Вы тот человек, который нужен для достижения этой цели.

Клинов за предложенную работу взялся со всей душой – и жалобы постепенно стали сокращаться, как обычно тает снег под яркими лучами весеннего солнца.

Примерно через год–полтора Кузнецов, будучи в Москве, зашел в Министерство юстиции и поинтересовался у консультанта по жалобам насчет ячейки с контрольными письмами по Северореченскому краевому суду. Девушка узнала Кузнецова и стала собирать своих подруг.

– Девушки, девушки, – говорила она, – вот тот Кузнецов, про которого я вам рассказывала, он действительно что-то сделал, и теперь на их краевой суд люди перестали жаловаться.

Так упорная, целенаправленная работа дала свои плоды, и Клинов не столько был рад премиям и почету, сколько результату, который был нагляден, и он им гордился.

Приближалось время очередных перевыборов краевых и областных судов. Оставалось всего несколько месяцев. У Кузнецова состоялось еще несколько стычек с Кафтановой, и она с Мамашиным все же допекла своими «сигна-

лами» отдел кадров Министерства юстиции, который, опасаясь, как бы действительно краевой суд не разбежался после выборов, направил в суд работника с проверкой. Но никаких серьезных претензий к Кузнецову проверяющий предъявить не смог, он только заставил его повесить доску о времени приема посетителей руководством суда. Кузнецов, конечно, повесил ее, но не ту, которая была раньше. На новой доске было указано, что прием посетителей председатель и заместители председателя ведут ежедневно. Часы приема согласовываются гражданами с секретарем суда.

Все в аппарате крайсуда догадывались, что на новый срок Кузнецов не представит к избранию в должности заместителей ни Кафтанову, ни Мамашина. Так оно и произошло. За четыре месяца до дня перевыборов он пригласил к себе в кабинет Кафтанову и Мамашина, посадил их за приставной стол, положил перед каждым из них по листку бумаги и ручки и предложил написать заявление, что они согласны быть избранными на очередной срок в должности членов суда. А на словах им сказал, что они оба доказали свою профессиональную непригодность к работе в должности заместителей. При этих словах Кафтанова выскочила из-за стола как ужаленная, бросив на ходу: «Я уйду, но вместе со мной уйдет половина краевого суда, тогда посмотрим, что Вы запоеете!».

Через пятнадцать минут Кузнецову позвонил Мезенцев и пригласил его немедленно прийти в крайком. Он все хорошо понимал, но, вызывая Кузнецова к себе в отдел, страховал себя перед секретарями крайкома. Ситуация действительно необычная. В прошлом удерживали членов крайсуда и народных судей от увольнения только под страхом получить партийное взыскание. Если партийное взыскание все же кому-то будет объявлено, то работа в суде такому судье, считай, заказана. А тут срок заканчивается, и каждый волен остаться на новый срок или попытать счастья найти место судьи в области, где климат потеплее.

– Что будем делать ? – спросил Мезенцев Кузнецова.

– Отпустим всех, кто не захочет у нас работать.

– Ты с ума сошел. Это же тебе не средняя полоса, а север. Разбегутся все, – сказал Мезенцев.

– Нет, – заверил Кузнецов, – уйдет не более четырех человек: два заместителя и две приближенных к ним дамы – Чечерова и моя однофамилица Кузнецова, и то они уйдут, если мы дадим им приличные характеристики и ничего при этом не добавим доверительно при телефонном разговоре.

– Ну ты, брат, и самонадеян, прямо позавидуешь, – усмехнулся Мезенцев. – А замена у тебя есть ? – поинтересовался он.

– На заместителей замена есть, это Александр Александрович Ямов и Анна Александровна Хромова. Вы их знаете и, я думаю, возражать не будете, остальных возьмем из числа народных судей, а на их место пригласим перспективных молодых специалистов. Для этого мне надо снова слетать в Свердловск. Министр разрешил нам брать хоть 10 человек. Вот мы и воспользуемся этим правом, увезем к себе весь цвет из числа выпускников этого института.

Секретари крайкома с этой позицией Мезенцева и Кузнецова согласились. Руководство крайсуда обновилось, и с тех пор многие годы суд работал спокойно, без жалоб и конфликтов.

ЛЮДЕЙ СУДИТЬ – НЕ ДРОВА РУБИТЬ

В конце пятидесятых годов секретарь одного из обкомов партии написал на имя Н.С. Хрущева записку, в которой утверждал, что в исправительно-трудовых учреждениях страны и тюрьмах содержится много лиц, необоснованно осужденных к длительным срокам лишения свободы.

Записка была рассмотрена Президиумом Верховного Совета РСФСР, который поручил местным органам власти тех территорий, где имелись исправительно-трудовые учреждения, создать специальные комиссии, наделив их правом пересмотра дел в отношении лиц, отбывающих наказание за совершение преступлений, не представляющих большой опасности для общества.

Кузнецов в то время работал еще в Сибирском областном суде, и по рекомендации председателя этого суда он был назначен председателем одной из 12 комиссий, пересматривавших дела в лагерных пунктах Сиблага. За шесть месяцев работы комиссия пересмотрела тысячи дел и не внесла изменений лишь в треть приговоров, по остальным же снизила осужденным меру наказания, иногда до пределов отбытого.

Беседы с тысячами заключенных и изучение их личных дел позволили Кузнецову утвердиться во мнении, что чрезмерно суровая мера наказания зачастую не достигает цели – перевоспитания и исправления осужденного. У таких людей длительный срок наказания создает ощущение бесперспективности дальнейшей жизни, они легче поддаются влиянию рецидивистов, внушающих им, что от работы и конидохнут, советующих не выкладываться на работе, а лучше пере-

ходить к ним в услужение, т.е. быть «шестерками» на языке лагерного жаргона.

Кузнецов видел сотни случаев, когда в одном и том же исправительно-трудовом лагере отбывают наказание с похожими биографиями два человека, осужденные за совершение одинаковых преступлений, но одному суд определил наказание год, а другому пять-шесть лет лишения свободы, или одному два года, а другому – десять лет. Это крайне плохо влияло на процесс перевоспитания тех, кто считал, что ему мера наказания судом определена чрезмерно сурово.

Происходило все это не потому, что в одном случае судья был жестоким человеком, а в другом, наоборот, очень либеральным. Причина этого была в другом. В советское время среди многих ученых-криминалистов и практиков бытовало мнение, что сократить преступность можно методом устрашения, применяя суровые меры наказания к лицам, совершившим преступления. Эта точка зрения поддерживалась партийными и государственными органами. Поэтому время от времени принимались различные документы об усилении борьбы либо с преступностью вообще, либо с каким-то отдельным видом преступления, например с хулиганством, самым распространенным в то время правонарушением.

Сразу после принятия такого документа начиналось что-то вроде кампании по борьбе с этим злом. Органы милиции и прокуратуры отчитывались, на сколько процентов больше они возбудили, расследовали и передали в суд дел, а суды, в свою очередь, докладывали по инстанции, на сколько процентов усилилась карательная практика судов в целом либо по той или иной категории дел. Если кто-то из практических работников пытался доказать, что в борьбе с преступностью нельзя оценивать работу судов в процентах, то такую позицию не поддерживали, а наоборот, подвергали осуждению.

Но проходило время, и вставал вопрос, что делать, так как в тюрьмах и лагерях скапливалось людей больше, чем допускалось по нормам содержания заключенных, не хватало рабочих мест, снижался уровень воспитательной работы,

возникала необходимость в строительстве новых тюрем и лагерей, а это уже и экономика и политика. Официально считалось, что при социализме не может иметь места рост преступности. Поэтому впоследствии на головы исполнителей директив об усилении борьбы с преступностью обрушивалось обвинение в усердии сверх всякой меры. За всем этим или следовала амнистия, или создавались комиссии, о которых говорилось выше. Такая практика у работников суда и прокуратуры называлась шараханьем из одной крайности в другую. А вот найти золотую середину в карательной практике судов и удержаться на этом уровне было делом трудным и даже небезопасным в смысле служебной карьеры судьи или прокурора.

Оказавшись в должности председателя краевого суда, Кузнецов решил попытаться хотя бы в пределах края обеспечить соблюдение общей нормы уголовного права, определяющей, что наказание осужденных должно быть законным и справедливым. Если первая часть этого требования о законности наказания ясна, так как есть минимальные и максимальные пределы санкции закона, то с требованием о справедливости наказания дело обстоит намного сложнее. Справедливость приговора могла быть обеспечена как путем применения статей уголовного кодекса, предусматривающих определение наказания ниже низшего предела санкции закона, так и в виде условного осуждения. Но для этого нужны были какие-то исключительные обстоятельства. И вот тут-то возникали проблемы: одни и те же обстоятельства один оценивает как исключительные, а другой как обычные.

Предстояла большая, кропотливая работа с судами по вопросам в общем-то не бесспорным и довольно щекотливым. Поставив перед судами края цель обеспечить законность и справедливость наказания, Кузнецов прекрасно понимал, что этой идеей должны быть наравне с ним в одинаковой мере проникнуты все его заместители, председатели судебных составов крайсуда, все судьи края. Разногласия по этому вопросу послужили одной из причин замены на посту заместителя председателя крайсуда по уголовным делам Кафтановой. Обновленный состав край-

суда после очередных перевыборов порождал надежды в достижимости поставленной цели, хотя и не без конфликтных ситуаций.

И они не заставили себя ждать. В Центральном районе г. Северореченска прошло собрание актива района с повесткой дня «О мерах по усилению борьбы с хулиганством», и вскоре на прием к Кузнецову пришла с надзорной жалобой от имени мужа гражданка Ольга Ивановна Санина. На вид ей можно было дать лет шестьдесят, на самом же деле ей еще не было и пятидесяти. Глядя на нее, Кузнецов уже не первый раз думал, как коротка человеческая жизнь. У Саниной к тому же она была нелегкой. Более 20 лет, самых цветущих, она проработала на целлюлозно-бумажном комбинате, во вредном цехе и на будущий год получала право на льготную пенсию. В семье у нее трое детей школьного возраста. Муж, Александр Петрович Санин, участник Великой Отечественной войны, работал водителем пожарной автомашины в Северореченском аэропорту. Из жалобы было понятно, что он приговорен к трем годам лишения свободы за хулиганство.

– И что же Вы хотите мне сказать? – обратился Кузнецов к Саниной после того, как он ознакомился с жалобой ее мужа.

– Я хочу Вам сказать, что муж мой не хулиган, не преступник. Он хороший человек и попал в тюрьму из-за меня, из-за нашей бабьей дури.

«Это что-то новое, – подумал Кузнецов, – в жалобе Санин ничего не пишет о вине жены».

– Мы, все жены, – продолжала Санина, – против, чтобы наши мужья выпивали. Это и понятно, нам приходится кормить семью, надо и детей одевать, а денег-то не хватает. Поэтому я всегда ворчала, когда муж приводил домой какого-либо друга и устраивал с ним выпивку. Вот и на этот раз, – продолжала Санина, – встретил он в скверике у драмтеатра своего фронтового товарища, с которым вместе воевал, и вместо того, чтобы привести его к нам домой, посидеть, поговорить, выпить, решил иначе. Видимо, не хотел меня расстраивать, мол, опять будет ворчать, упрекать, ссылаться, что у детей того нет, другого нет, а он

гостей домой приводит. Вот и решили они в этом скверике посидеть, купили пол-литра водки, банку консервов, выпили, наверное, немножко захмелели, ведь уже не молодые. Тут, как на грех, подходят дружинники, обращаясь к мужу и его товарищу, говорят им: «Вы почему нарушаете общественный порядок, распиваете водку в неположенных местах?» Слушать объяснение мужа и его товарища они не пожелали и повели их в штаб дружины, который был рядом. Дружинникам, наверное, надо было показать, что отгулы по работе за дежурство в народной дружине они получают не зря.

В штабе дружины работник милиции стал составлять на этих двух задержанных акт. Мой муж сначала просил работника милиции отпустить их домой по-хорошему, они, мол, не пьяные, общественный порядок не нарушали. Но сотрудник милиции стал его запугивать, вот, мол, придет от нас бумага на работу, прочешут тебя на собрании как надо, да, может, еще лишат и премии, так впредь ты уже в скверах водку пить сам не станешь и другим не посоветуешь.

Слушал все это мой муж, слушал, да кто знает, какая его муха укусила, решил из штаба дружины убежать, выпрыгнуть в окно, которое было открыто. Штаб дружины находился на первом этаже. Только в окно он перевалился, как сотрудник милиции вскочил и схватил его за ногу. Санин дергался и другой ногой задел сотрудника милиции по лицу. Правда, он даже нос ему не разбил. Тут уже сотрудник милиции решил не ограничиваться составлением акта о мелком правонарушении, а возбудил дело о зломном хулиганстве, указав, что Санин при задержании за нарушение общественного порядка оказал органам милиции и дружинникам дерзкое сопротивление и при этом нанес удар сапогом по лицу дежурному милиционеру. Мэру пресечения избрали содержание под стражей.

Был суд, мужу дали три года лишения свободы. Ну, скажите, что теперь я буду делать с тремя детьми? Старшего надо срывать из школы, устраивать на работу.

– А в чем же Вы видите свою вину по отношению к мужу в данном случае? – спросил ее Кузнецов.

– Если бы муж знал, что я не буду ворчать по поводу его выпивки с другом, – посетовала Санина, – то он бы привел его домой, а не уселся бы с ним выпивать в скверике. Тогда не было бы его задержания. Вот и выходит, что виновата-то во всем я сама со своей глупостью.

Кузнецов истребовал из народного суда это дело. Оказалось, что Санина рассказала ему все так, как оно и было. Учитывая, что Санин в прошлом не судим, хорошо характеризовался по работе, Кузнецов принес протест о снижении Санину наказания до одного года лишения свободы условно. Президиум крайсуда протест этот удовлетворил.

Разбирая этот случай с народными судьями города на очередном семинаре, Кузнецов задал вопрос народному судье Петрову, председательствовавшему по данному делу.

– Василий Иванович, теперь, когда приговор по делу изменен, Вы согласны, что суд допустил ошибку при избрании Санину меры наказания?

– Владимир Владимирович, – сказал Петров, – я на Ваш вопрос отвечу вопросом. А Вы уверены, что судебная коллегия крайсуда оставила бы в силе приговор в отношении Санина, если бы он был осужден к условной мере наказания? Не знаю, как Вы, а я лично не уверен в этом и полагаю, что судебная коллегия удовлетворила бы протест прокурора на мягкость меры наказания. Вот из-за этой-то неуверенности суды и поступают так, как поступили мы. Президиум крайсуда, снижая меру наказания Санину, сослался на то, что он не судим и хорошо характеризуется по работе. Но это ведь, – продолжал Петров, – по закону обычные обстоятельства, а никакие не исключительные. За такое решение по делу суд могут критиковать и милиция, и прокуратура, ведь у них стало на один необоснованный арест больше. Но критикам до краевого суда добраться намного тяжелее, чем до народного. А если говорить честно и откровенно, – закончил Петров, – то я с Вашим решением по делу Санина согласен на все сто процентов.

А жизнь почти ежедневно преподносила примеры, подобные делу Санина. Вскоре довольно шумным оказалось дело цыганки по фамилии Осланова, осужденной народным судом к четырем годам лишения свободы за мошенничество.

Ее преступление заключалось в том, что она взяла у одной женщины деньги и продукты за то, что обязалась приворожить ее мужа, ушедшего из семьи. Но он к семье не вернулся, цыганку судили, а так как она раньше была судима за аналогичное преступление и приговорена к двум годам лишения свободы условно, то к мере наказания по предыдущему приговору прибавили два года лишения свободы по новому приговору.

У осужденной цыганки было пятеро несовершеннолетних детей и муж-инвалид Великой Отечественной войны второй группы. Кому был нужен такой приговор? Потерпевшей – нет, она хотела вернуть только деньги; обществу – нет, осужденная не была общественно опасным человеком; прокурору, судье тоже нет. Они поступили формально, рассуждая так: поскольку в отношении гражданина имеется условный приговор и в период, когда не истек испытательный срок, этот человек снова совершил преступление, то наказание из условного должно быть превращено в безусловное, что и было сделано. А поступить иначе не хватило смелости.

И вот к Кузнецову по этому делу пришла депутация цыган, человек десять. Он им пообещал разобраться. А когда протест Кузнецова президиум крайсуда удовлетворил и цыганка была освобождена из-под стражи, то в крайсуд пришел чуть не весь табор благодарить его. Поскольку секретарь суда цыган в кабинет к Кузнецову не пускала, так как там шло заседание президиума, то они в приемной устроили целый концерт в честь Кузнецова с песнями и плясками. Цыгане, наверное, везде одинаковы, что на севере, что на юге. Кузнецов прервал заседание президиума, вышел в приемную и обратился к цыганам:

– Кто тут у вас старший или инициатор этого концерта?

– Я, – ответил цыган с гитарой в руках.

– Так вот, послушайте то, что я вам скажу. Я не совершил ничего необычного по делу Ослановой, а лишь выполнил долг, который на меня возложен законом. Поэтому ни в какой благодарности я не нуждаюсь, за свою работу от государства я получаю хорошую заработную плату. За

внимание ко мне спасибо, а на будущее скажите Ослановой, что если она снова станет воровать за деньги и обманывать людей, то уж больше ни я, ни кто другой ей не помогут. Тогда ей придется отбывать наказание в местах лишения свободы.

– Нет, нет, гражданин большой начальник, – хором заговорили цыгане, – Осланова больше воровать за деньги не будет. Спасибо Вам! – и покинули приемную.

Заместитель прокурора края Артамонов, участвовавший в работе президиума, все это слышал, однако на одном из партийных активов всю историю с цыганским «ансамблем» представил в самом комичном образе с намеком на тщеславный характер председателя краевого суда.

В советское время к сигналам печати суды прислушивались, и даже очень, так как все острые публикации, касающиеся их, контролировались партийными органами, затем обязательно сообщалось в печати, кем, когда и какие были приняты по ним меры. По делу, о котором далее пойдет речь, в краевой газете была опубликована заметка «Врачи - убийцы». Случай действительно был скандальный, с тяжелейшими последствиями.

По существовавшим в те времена правилам каждый теплоход после возвращения в порт приписки из зарубежного плавания подвергался санитарной обработке. Эту операцию проводила городская санэпидемстанция. После санобработки химикатами работники санэпидемстанции обязаны были обследовать теплоход и дать добро на дальнейшее плавание. Врач этой станции Растегаева пошла принимать теплоход после обработки его химикатами и взяла с собой трех солдат. Оставаясь на палубе, Растегаева послала в трюм сначала одного солдата, а когда он не вернулся, послала второго, она намеревалась уже послать и третьего, когда появился у теплохода командир этих солдат, он поднял тревогу, надел сам противогаз и вытащил поочередно из трюма теплохода двух солдат без признаков жизни.

К уголовной ответственности были привлечены два врача – Растегаева и зав. эндемстанцией Рыжова. Растегаевым суд определил за халатное отношение к служебному долгу три года лишения свобода, то есть предел, предусмотр-

ренный санкцией закона, а Рыжовой – один год лишения свободы. Судебная коллегия приговор в отношении обеих осужденных оставила без изменения. Мерой пресечения Рыжовой до вступления приговора в силу была избрана подписка о невыезде. С жалобой она лично пришла на прием к Кузнецову.

Рассматривая ее жалобу на жесткость меры наказания, Кузнецов никак не мог понять, в чем же заключается ее вина. Скорее всего только в том, что она была непосредственным начальником Растегаевой. Но ведь за то, что подчиненный у кого-то что-то украдет или кого-то ограбит или изобьет, его начальник несет, в крайнем случае, моральную ответственность, но никак не уголовную. Кузнецов принес протест в президиум крайсуда об отмене приговора в отношении Рыжовой и прекращении дела производством ввиду отсутствия в ее действиях состава преступления. Протест был удовлетворен.

Анализируя ошибки, допущенные судами по делу Санина, Ослановой, Рыжовой и целому ряду других, работники крайсуда приходили к выводу, что в этом есть значительная доля и их вины. В случаях, когда судам предстоит принять принципиальное, а порой неординарное решение, они должны быть уверенными, что судебная коллегия, а затем и президиум крайсуда не поддадутся давлению ни органов печати, ни возникшего по делу общественного мнения, ни звонку из какой-нибудь руководящей инстанции.

Общеизвестно, что некоторые журналисты очень любят посмаковать «жареные» факты, добиваясь таким путем личной популярности и популярности своей газеты.

В одном из совхозов, расположенных недалеко от г. Северореченска, все работники управления и соседи от души сочувствовали главному бухгалтеру совхоза Терпимовой. И работник она была хороший, и человек замечательный, и двоих детей хорошо воспитывала, но ходила она всегда убитая горем. Причину этого знали все – несчастливый брак. Ее муж Николай Терпимов систематически пьянствует, давно уже не работает, постоянно издевательствами или побоями вымогает у жены деньги на водку. Терпимова десятки

раз обращалась в милицию, но там никаких мер к ее мужу не принимали, а говорили ей, что он и им надоел, как горькая редька. Лишь единственный раз привлекли Терпимова к уголовной ответственности за истязание жены. Суд ему тогда определил два года лишения свободы условно с отбыванием меры наказания на стройках химии. Однако в период отбывания наказания он больше находился дома, чем на этой злополучной стройке, расположенной недалеко от совхоза.

И вот в совхозе прошел слух, что Терпимов Николай, забрав свой паспорт, куда-то уехал. А накануне отъезда он прогнал жену с мешком картошки на базар и весь день караулил ее возвращение на дороге из города в совхоз, так как на проданную картошку она должна была купить ему две бутылки водки. Водку и остаток денег от продажи картофеля Терпимов у жены забрал, и больше его никто из односельчан не видел.

Но работники бухгалтерии совхоза стали замечать, что их главный бухгалтер с тех пор, как пропал ее муж, перестала пить чай, если вода взята из проруби в реке Северной. Посудачив меж собой, они решили сообщить об этом в органы милиции. По их сигналу пришли водолазы, спустились в прорубь и извлекли оттуда два мешка, в которых находился труп Терпимова Николая, расчлененный на две части. Терпимова не стала запираяться и во всем сразу созналась. Она сказала, что терпение ее лопнуло, и дальнейших издевательств мужа она перенести не смогла. В тот вечер, когда он выпил две бутылки водки и уснул, она задушила его подушкой, труп выволокла в дровяник, где он и замерз, так как дело было зимой. Распилила труп пилой на две части, сложила в два мешка, в ту же ночь эти мешки отвезла к реке и сбросила их в прорубь, из которой люди, проживавшие поблизости, брали воду.

Терпимову арестовали, и тут же в краевой печати журналисты хлестко стали сообщать об ужасной жестокости женщины, притворявшейся тихоней.

Был суд, по делу председательствовал Кузнецов, а обвинение поддерживал заместитель прокурора края Артамо-

нов. Это был очень своеобразный человек. По делам, по которым ему приходилось выступать в суде, он почти всегда просил суд определить очень суровое наказание, из-за чего работники судов прозвали его Голдуотером по аналогии с известным американским политическим деятелем, именовавшимся в то время в советской печати мракобесом. На всех совещаниях, проводимых в крае по вопросам соблюдения законности, он всегда выступал с крайних позиций усиления борьбы с преступностью. Причем усиление этой борьбы он видел только через призму применения к осужденным самих жестких мер наказания.

Когда свидетели по этому делу, и особенно несовершеннолетняя дочь подсудимой, рассказывали в суде о той кошмарной жизни, на которую обрек Терпимов свою семью, то многие, присутствовавшие в зале суда, без стеснения плакали. Кузнецов дважды по просьбе народных заседателей объявлял перерыв, чтобы дать людям, да и народным заседателям хотя немного успокоиться. В суде было выяснено, что милиция просто бездействовала и обрекла бухгалтера совхоза и ее двух несовершеннолетних девочек на страшные физические и нравственные мучения.

Невозмутимым в зале суда оставался только прокурор, а когда суд перешел к прениям сторон, то он так же невозмутимо потребовал от суда вынесения Терпимовой высшей меры наказания – расстрела. К вечеру суд огласил приговор: Терпимова была признана виновной в убийстве мужа в состоянии сильного душевного волнения, вызванного систематическим издевательством над ней и ее детьми самого потерпевшего. Санкция этой статьи предусматривала наказание в виде исправительно-трудовых работ, что и определил суд, освободив подсудимую из-под стражи. Не ожидавшая такого оборота дела, подсудимая Терпимова не выдержала и тут же в зале суда упала в обморок.

Прокурор Артамонов немедленно принес протест на этот, по его мнению, безобразно либеральный приговор. Однако Верховный суд РСФСР приговор суда признал правильным и оставил его в силе, а протест прокурора отклонил.

После этого проходит какое-то время, и в кабинете Кузнецова раздается телефонный звонок. Звонил заместитель заведующего административным отделом крайкома КПСС Николай Борисович Упрямов. «Владимир Владимирович, – сказал он, – сегодня в 15.00 Вас приглашает к себе на беседу Борис Викторович».

Борис Викторович Дьяконов был в то время первым секретарем крайкома партии. Это был человек уже в возрасте, высокого роста, могучего телосложения, немногословный и очень требовательный. До этого Кузнецов был у него в кабинете два или три раза, не больше, при обсуждении вопросов преступности в довольно узком кругу. Видел же его довольно часто, так как жил с ним в одном доме, а дачный домик первого секретаря крайкома был рядом с двухэтажным баракom, в котором на лето давали по одной или две комнаты местному руководству для летнего отдыха. Назывался этот деревянный без всяких удобств барак дачей крайисполкома.

С минуту подумав, Кузнецов позвонил прокурору области Федорову

– Василий Федорович, тебя не приглашают сегодня на беседу к Дьяконову?

– Да, приглашают в 15.00.

– А не знаешь ли ты цели нашего вызова? – снова поинтересовался Кузнецов.

– Знаю, – ответил Федоров. – Мой заместитель Артамонов, когда я был в отпуске, написал большую записку на имя Дьяконова, в которой сообщает, что краевой суд попустительствует опасным преступникам, почти не применяет такой меры наказания, как расстрел, демонстративно игнорирует сообщения местной печати о тяжких преступлениях, никак не реагирует на решения собраний общественности об усилении борьбы с преступностью.

Эту записку заместитель заведующего административным отделом крайкома партии Упрямов в отсутствие заведующего отделом положил на стол Дьяконову. Ты, конечно, понимаешь, – продолжал Федоров, – что эта записка одним концом бьет по тебе, а другим по мне. Поэтому приглашает Дьяконов к себе на беседу не только тебя, но и меня, а

также начальников УВД и КГБ. Докладывать записку, наверное, будет Упрямов от имени отдела. Так что готовься к мордобойю.

Кузнецов поблагодарил Федорова за информацию и решил в оставшиеся час-полтора подготовить хотя бы какую-то информацию. Он прихватил с собой некоторые приговоры, например в отношении убийцы своего мужа Терпимовой, в отношении водителя пожарной машины Санина и врача Рыжовой. Брать с собой еще какие-либо бумаги Кузнецов не стал, не будет же первый секретарь читать их.

Кстати, в деле водителя Санина попалась интересная бумага, которая поступила в суд уже после его освобождения из-под стражи. Из этой бумаги следовало, что в Северореченском аэропорту при взлете самолет Ил-18 сошел с дорожки и упал в болото. Водитель пожарной машины Санин, находясь на дежурстве, настолько быстро подъехал к самолету и включил шланги с пеной, что самолет и около ста пассажиров, находившихся на борту, были спасены. Министр авиации за этот поступок наградил Санина золотыми именными часами. «Хороший пример, – подумал Кузнецов, – он может во время беседы пригодиться».

Руководители административных органов края собрались в приемной Дьяконова. Ровно в 15.00 он пригласил их войти в кабинет. Сухо кивнув всем головой в знак приветствия, Дьяконов остался сидеть за большим своим столом, а приглашенным предложил сесть за длинный приставной стол.

Сухость приема и нервное покручивание то вправо, то влево полусогнутой ладонью правой руки не предвещали ничего хорошего.

Помолчав с минуту, видимо, обдумывая, с чего начать беседу, Дьяконов вдруг неожиданно обратился к Кузнецову:

– Вы можете мне сказать, сколько в прошлом году суды края приговорили людей к расстрелу и сколько приговоров приведено в исполнение?

– Могу, – ответил Кузнецов. – К расстрелу за прошлый год краевой суд приговорил 12 человек, из них приговоры вступили в силу и ходатайства осужденных отклонены всего

по шести делам. По этим делам приговоры приведены в исполнение.

– А сколько человек за убийство приговорены краевым судом к условному наказанию? – снова спросил Дьяконов Кузнецова.

– Таких случаев у нас не было.

– Как это не было! – возмутился Дьяконов. – А женщину из совхоза «Заречный», которая убила своего мужа, разрешила его на куски и побросала их в речку, кто у вас судил?

– Я, – ответил Кузнецов. – Но она осуждена не к условной мере наказания, а к одному году исправтрудоуработ.

– Это что, по-вашему, – снова спросил Дьяконов, – не одно и то же, и что это за мера наказания за такое жестокое убийство!?

Кузнецов помолчал немного.

– Борис Викторович, этой женщине, – спокойно сказал он, – при жизни надо бы поставить памятник, как великомученице. А будь моя власть, я бы за этот поступок не только ее не судил, а наградил бы ее орденом за мужество. Судить надо было работников милиции этого района за бездействие. К тому же, Борис Викторович, и статья, по которой она признана виновной, предусматривает не расстрел, а один год исправительных работ по месту работы за убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями самого потерпевшего.

– Василий Федорович, – обратился Дьяконов к прокурору области, – Вам известно это дело, о котором мы ведем речь?

– Конечно, известно, и Владимир Владимирович Вас информирует по нему совершенно правильно.

– А где же Артамонов? – обратился Дьяконов к Упрямову.

– Он в прокуратуре, я его на беседу к Вам не приглашал. Вы мне поручали вызвать только руководителей административных органов, – ответил Упрямов, стараясь при этом не смотреть ни на Кузнецова, ни на Федорова.

Упрямов понял, что с примером женщины-убийцы они с Артамоновым переборщили, и тут же решил исправить положение.

– Борис Викторович, но там в записке приводится целый ряд примеров вопиющего либерализма, допускаемого президиумом крайсуда по протестам самого Кузнецова.

– А что Вы можете на это ответить? – обратился Дьяконов к Кузнецову.

– Я, Борис Викторович, записку, о которой идет речь, не читал, – сказал Кузнецов, – и причину, по которой Вы меня пригласили к себе, узнал два часа назад из случайного разговора с Федоровым. Он мне сказал, что в записке его зама упоминается дело так называемого хулигана Санина, дело, о котором был в газете фельетон «Врачи-убийцы», и дело многодетной цыганки о гадании и обмане граждан. По всем этим делам были протесты прокуратуры края в Верховный суд РСФСР, по двум из них протесты были сняты прокуратурой РСФСР, а по одному из этих дел протест был отклонен Верховным судом РСФСР.

В отношении Санина, хулигана в кавычках, я принес показать Вам письмо от министра авиации СССР, которое подтверждает, что после освобождения из-под стражи Санин совершил, можно сказать, подвиг, за что министр наградил его именными золотыми часами.

Кузнецов письмо министра авиации СССР и постановление президиума крайсуда по делу Санина положил на стол Дьяконова.

Первый секретарь долго перелистывал эти бумажки, заглядывая при этом в справку зам. прокурора, а затем, обращаясь к Упрямову, спросил его:

– Вы лично материалы, о которых пишет Артамонов, читали?

– Нет, Борис Викторович, не читал.

– А почему Вы, – продолжал, Дьяконов, – не показали записку на мое имя Кузнецову и не предупредили его, зачем он приглашен ко мне на беседу?

Ответа со стороны Упрямова не последовало, он стоял упершись взглядом в пол.

– Вот что я Вам скажу, товарищ Упрямов, и передайте это Артамонову: людей судить – не дрова рубить, с плеча нельзя дела решать, тут нужна не столько физическая, сколько большая духовная сила.

Через некоторое время Упрямов был освобожден от занимаемой должности и уволен из крайкома партии, а спустя некоторое время такая же участь постигла и Артамонова.

СЛУЧАЙ
НА РЫБАЛКЕ

Кузнецов, существенно обновив состав краевого суда, вынужден был первое время поручать рассмотрение сложных уголовных дел первой инстанции молодым специалистам. Он хорошо помнил, как в Сибирском областном суде председатель суда Жаков смело доверял такую работу ему и судьбе Бортненко, когда им было всего по 26 лет. Они оба вскоре приобрели необходимый опыт.

Кузнецов знал о большом желании способного и самолюбивого, недавно избранного членом суда консультанта Портнова скорее самостоятельно начать рассмотрение дел первой инстанции в качестве председательствующего суда. И он ему такую возможность предоставил: поручил рассматривать дело об убийстве бывшего начальника отдела Министерства геологии СССР Самойлова.

Из дела было ясно, что Самойлов был страстным рыболовом и охотником. К этому он пристрастился еще с детства, которое провел в далекой деревушке на берегу могучей реки Северной. Видимо, в определенной мере эта страсть и повлияла на выбор им профессии геолога. В составе геологоразведочных партий он прошел по сибирской тайге и по болотам Севера многие сотни километров. Самойлов был человеком трудолюбивым, трезвым, честным и порядочным, поэтому постоянно поднимался вверх по служебной лестнице.

К тому времени, о котором пойдет речь, он руководил одним из ведущих отделов союзного министерства. Но охота, говорят, хуже неволи. Поэтому свой отпуск Самойлов делил на части и два-три раза в году ездил на охоту. С

приближением весны он на недельку-полторы уезжал в Северореченский край, в места, где на реках и озерах был хороший подледный лов, другую часть отпуска проводил в Астраханской области, в низовьях реки Волги.

В последних числах апреля 1965 года Самойлов по установившейся традиции снова поехал в Северореченский край на одно из больших озер. В это время года на озере лед был еще крепкий и рыба, оживившись с приближением весны, ловилась хорошо. На берегу озера стоял неизвестно когда и кем построенный охотничий домик. Хотя и много порой набивалось рыбаков и охотников в этот дом, но места всем хватало, если и не поспать на нарах, то хотя бы посидеть в тепле.

Когда в конце дня Самойлов переступил порог этого дома, там уже было много народа. Просидев целый день над лунками, рыбаки варили в ведрах рыбу на огромной буржуйке, сделанной из двухсотлитровой бочки. Наиболее нетерпеливые из них, не дожидаясь ухи, уже распечатали бутылки, привезенные из дома, и согревали себя спиртными напитками.

На Самойлова, как только он зашел в дом, обратили внимание все, кто там находился. Во-первых, потому, что он никому из них не был знаком ранее, а во-вторых, из-за его внешнего вида. Как потом рассказывали рыбаки, находившиеся в домике, к ним зашел высокий, подтянутый, на вид лет 50, хорошо одетый в смысле охотничьего снаряжения человек. На нем была ладно сшитая куртка, покрытая непромокаемым материалом и подбитая изнутри мехом. Резиновые высокие сапоги с отворотами тоже отделаны внутри каким-то теплым материалом, рюкзак с множеством карманчиков на молнии. Действительно, вся эта экипировка была импортная и приобретена Самойловым в разное время за рубежом специально для охоты в осенне-весенний период. Отечественного производства на Самойлове была лишь ондатровая шапка, купить которую в те времена было не так-то просто.

Но больше всего охотники и рыбаки заинтересовались ружьем Самойлова. Оно было очень необычное, трехствольное, причем третий ствол небольшого калибра был нарез-

ной. В ложе ружья, как потом пояснили свидетели, была вмонтирована легкая металлическая двунога, которая легко откидывалась и давала возможность стрелявшему иметь упор. На стволе ружья при необходимости устанавливался бинокль. Он был необходим, по словам Самойлова, для стрельбы из нарезного ствола по дальним целям, например, при охоте на оленя.

Самойлов представился рыбакам и охотникам, сказал, что он геолог, живет в Москве, поздоровался с каждым из них за руку и спросил, куда ему можно приткнуть свой рюкзак и повесить ружье. Хотя места были все разобраны, но ради такого необычного гостя рыбаки потеснились и отвели Самойлову место около дальней стены. Он первым делом достал из рюкзака молоточек, гвоздь, вбил его в стену над отведенным ему местом и повесил свое ружье. Самойлов оказался очень общительным, и через каких-нибудь полчаса он уже был в компании своим человеком. Некоторых рыбаков он угостил спиртом, а тех, кто пожелал, растворимым кофе. Импортный кофе в те годы был редкостью, тем более в далеких и сельских местностях Северореченского края, и рыбаки не отказались его попробовать.

Подледный лов в том году на этом озере оказался почему-то не очень удачным, и рыбаки перед праздником 1 Мая стали расходиться по домам. Последними, как выяснилось потом, охотничий дом 30 апреля покидали работники одного леспромхоза – Топоркович и его односельчанин, семнадцатилетний паренек Пасечный. Самойлов с утра чувствовал себя неважно, на рыбную ловлю не пошел и остался лежать на нарах, на своем месте.

Отойдя от охотничьего дома километра два, Топоркович сказал Пасечному, что он забыл там свой патронташ и, так как после праздников не собирается ловить рыбу, ему надо вернуться и забрать его. При этом он предложил не ждать его, а идти домой одному. Пасечный тем не менее примерно час ждал Топорковича на том месте, где они расстались, но, не дождавшись, ушел домой один.

Рыболовы Уманов и Ветлухин, вернувшись после празднования 1 Мая на озеро, увидели, что охотничий домик сгорел дотла. Выпавший первого мая свежий снег говорил о

том, что к месту, где стоял дом, за это время никто не подходил. Погоревав немного о случившемся, они стали осторожно осматривать место пожара с целью выяснить, нет ли среди углей и пепла трех стволов охотничьего ружья, принадлежавшего Самойлову, но, не найдя их, они предположили, что Самойлов, видимо, до возникшего пожара ушел охотиться или ловить рыбу в другое место. Однако настроение у рыбаков все же испортилось, и рыбалка больше на ум не шла. Они решили еще раз осторожно осмотреть место, где стоял дом, и, к своему удивлению, обнаружили дюралевое основание рюкзака Самойлова, который он, по его рассказам, приобрел в Болгарии. Тут же, недалеко от этого места, они обнаружили обгорелую алюминиевую фляжку Самойлова. Это их очень насторожило: как мог Самойлов, если он ушел охотиться или ловить рыбу в другое место, оставить в домике рюкзак и фляжку? Так не должно быть. Но и обгорелого трупа тоже не было видно на месте. Уманов при этом вспомнил, что он когда-то видел в одной из деревень дотла сгоревший двухэтажный деревянный дом, но там трупы не сгорели до основания, а лишь очень обгорели, и можно было даже отличить труп взрослого человека от трупа ребенка.

Осматривая еще раз место пожара, они обнаружили, что большая бочка солярки, завезенная сюда в прошлом году трактористами, которая стояла всегда в сенях дома, почему-то оказалась внутри помещения. По логике вещей бочка, когда падала кровля горевшего дома, могла отлететь и оказаться вне дома, но никак не в центре горевшего помещения. Посоветовавшись между собой, Уманов и Ветлухин решили, что о случившемся надо сообщить в прокуратуру района. Попросив Ветлухина до прихода работников милиции не покидать это место и никого больше к нему не подпускать, Уманов отправился в районный центр за работниками следствия. Так началось расследование дела о пожаре в домике охотников.

Через Министерство геологии СССР быстро установили адрес и домашний телефон жены Самойлова, выяснили, что с охоты из Северореченского края он не возвратился.

Следствие по делу велось медленно и неквалифицированно. Свидетели утверждали, что 30 апреля все они, кто

раньше, кто позже, ушли домой на праздник 1 Мая. В охотничьем домике оставался только один Самойлов. Что случилось у него в их отсутствие, как и отчего возник пожар, никто не знал. Проволокитив дело полгода, следователь прекратил его производством, списав все на пожар в результате неосторожного обращения с огнем самого охотника. Но жена Самойлова не согласилась с этими выводами и продолжала бомбить своими письмами прокуратуру РСФСР и СССР. Материалы дела запросили в прокуратуру РСФСР, и опытный юрист сразу обратил внимание на то, что предварительное расследование проведено поверхностно. Многие обстоятельства, имеющие значение для выводов, остались невыясненными.

Областной прокуратуре было поручено провести более глубокое расследование. Следователь прокуратуры, собирая данные об образе жизни Топорковича, на которого пало подозрение в убийстве Самойлова, у его соседки Аникеевой выяснил, что он жадноват и порой совершает поступки, свидетельствующие о его жестокости. Первую свою жену Петухову он неоднократно избивал, а последние два года живет в фиктивном браке с другой женщиной, которая является ее дальней родственницей. На просьбу следователя пояснить, в чем, по ее мнению, проявляется «жадноватость» Топорковича, она рассказала, что летом прошлого года она заходила к своей родственнице Паховой – жене Топорковича, и та в отсутствие мужа угощала ее растворимым кофе в такой красивой баночке и с надписями на ней нерусскими буквами. Пахова сказала, что кофе принес домой Топоркович весной прошлого года с рыбалки, что подарил ему эту баночку какой-то приезжий рыбак из Москвы. Как только ее родственница услышала, что в дом идет Топоркович, она баночку с кофе тут же спрятала, а кофе из стаканов вылила в ведро с помоями. Значит, она боится мужа, видимо, из-за его жадности, заключила свидетель Аникеева. А что касается жестокости, то сама она не видела, но слышала от жителей поселка, как Топоркович, не очень пьяный, однажды бросил живую кошку в костер, и кошка сгорела, а он при этом хохотал и был доволен. Сожительница Топорковича Пахова эти показания своей родственницы Аникеевой полностью

подтвердила. Однако Топоркович их показания вначале отрицал, а потом сказал, что баночку с кофе ему подарили немцы, которые в прошлом году заезжали в их леспромхоз.

Несовершеннолетний свидетель Пасечный при повторных допросах уточнил свои показания и заявил, что в тот день, когда он перед Первым мая возвращался домой с рыбалки и ожидал километрах в двух от охотничьего домика Топорковича, то видел, как с той стороны, где находился этот домик, вдруг пошел столбом густой и черный дым. Такой черный дым бывает, когда горит резина или мазут. Заметив дым и подумав, что случилось что-то неладное, он Топорковича ждать не стал, а побыстрее пошел домой. Пасечный объяснил, что он не сказал следователю при первом допросе, что видел дым 30 апреля в том месте, где находился охотничий домик, потому что боялся Топорковича, подозревая его в убийстве Самойлова и поджоге домика.

После того как Пасечный подтвердил эти показания на очной ставке с Топорковичем, а следователь выяснил, что немцы были в поселке более двух лет назад, Топоркович признался, что застрелил Самойлова по неосторожности из его же ружья, что произошло это случайно в тот момент, когда он подавал ружье Самойлову, а тот резко дернул его за ствол. Ружье было заряжено, и спусковой крючок почему-то оказался на взводе. Ружье Самойлова он действительно унес с собой, чтобы оно не пропало зря, и спрятал в лесу. Охотничий домик, по его словам, он не поджигал, а увидел пожар, когда уже уходил с того места домой. Предполагает, что в результате выстрела из ружья выпал пыж, он упал на сухое сено, находившееся на нарах, отчего и возник пожар.

Топорковичу было предъявлено обвинение в неосторожном убийстве Самойлова, мера пресечения изменена, он был взят под стражу, и дело передано для рассмотрения в суд. Накануне рассмотрения дела судья Портнов обратил внимание на шум в приемной. Это бывало не так часто. Выйдя из кабинета, Портнов увидел возбужденную женщину лет 50, которая требовала немедленно ее принять. Выяснилось, что она является свидетелем по делу Топорковича, прибыла по повестке на суд, но место в гостинице для нее не забронировано, поэтому и пришла узнать, где бы она

могла провести ночь. Просьба была в общем-то законной: раз пригласили человека в суд официально из другой местности, то естественно, что тот, кто приглашает, и должен позаботиться о ночлеге этого гражданина.

Случаи вызова в суд иногородних свидетелей бывали нередко и раньше, но прибывшие люди как-то определялись сами: кто находил в городе приют у знакомых, кто у родственников, а кое-кто, наверное, проводил ночь на вокзале. Ох, и неприхотливый народ проживал в те времена в этом северном крае! Портнов в этом уже не раз убеждался. А сейчас стоило ему позвонить дежурной по гостинице, как место для приезжего свидетеля тут же нашлось. Ведь люди думают так: откажу я сегодня судье в элементарной просьбе, а вдруг завтра самому придется обратиться к нему с жалобой или с каким-то заявлением. Нет, рассуждают они, лучше пойти навстречу просьбе и, как правило, идут.

Устраивая свидетеля в гостиницу и выяснив, что фамилия ее Пахова, Портнов спросил у нее, жалеют или не жалеют односельчане Топорковича, что он оказался под судом?

– Нет, не жалеют, – сказала она, – тюрьма по нему давно уже плачет.

Такое заявление немного насторожило Портнова. Он вспомнил, что Пахова была сожительницей Топорковича и, возможно, затаив на него обиду, говорит о нем что-то лишнее.

– Но ведь администрация по месту его работы, – сказал Портнов, – дала ему хорошую характеристику, где сказано, что он и в быту вел себя нормально, и работник был неплохой.

– Неправильная эта характеристика, – сказала свидетель, – я-то уж его лучше знаю: мы с ним жили одной семьей больше пяти лет, два года как разошлись, а синяки от его побоев у меня еще до сих пор не прошли. Когда разозлится, то становится зверь-зверем.

Вглядевшись в свидетельницу более пристально, Портнов заметил, что мужа, наверное, надо было выбирать по своему возрасту, а не моложе, тогда бы и семья была покрепче.

– Это откуда же вы взяли, что Топоркович моложе меня? – резко, как бы с обидой сказала Пахова. – Он только по паспорту молодой, а в жизни он меня старше.

– А я-то думал, что только женщинам свойственно уменьшать свой возраст, а Топорковичу-то зачем это?

– Вот Вы завтра сами и задайте ему этот вопрос, да еще не забудьте спросить, почему он проживает все последнее время около самой границы с Финляндией, почему за двадцать лет, прошедших после войны, он ни разу не съездил в свою родную Белоруссию, откуда он знает немецкий язык и немецкие песни, – вгорячах довольно резко сказала женщина.

– А откуда Вам известно о том, что он знает немецкий язык? – спросил Портнов.

– К нам в леспромхоз как-то года два назад приезжали немцы, – рассказала Пахова, – он выпивал с ними и разговаривал по-немецки, а когда напился, стал петь песни на немецком языке, чем их очень удивил.

Беседа с бывшей женой Топорковича усугубила сомнения Портнова, возникшие у него при изучении дела. Он никак не мог понять, почему труп Самойлова сгорел полностью, без остатка, а дюралевая основа его рюкзака при этом даже не расплавилась, почему бочка с соляжкой, находившаяся в сенях дома, оказалась в жилом помещении. Чтобы эти обстоятельства прояснить, судья вызвал в суд в качестве эксперта специалиста-пожарника. По просьбе жены Самойлова судья вызвал в суд дополнительно в качестве свидетелей некоторых друзей Самойлова, близко знавших его по охоте и рыбалке, так как, познакомившись с делом, она категорически была не согласна с показаниями Топорковича в той части, что будто бы ее муж, возвратившись с охоты, оставил ружье заряженным со взведенным курком около входной двери, и так оно, якобы, простояло всю ночь.

На следующий день при рассмотрении дела Портнов убедился, что Топоркович действительно выглядит намного старше возраста, указанного в его паспорте. Поэтому он самым тщательным образом выяснил у него, где он родился, в каком году, где проживают сейчас его родственники и знакомые по белорусскому периоду жизни.

Свидетель Пасечный в суде дал еще более подробные показания.

– У меня, – сказал он, – сразу возникли подозрения в отношении недобрых намерений Топорковича, когда он под надуманным предлогом решил вернуться в охотничий домик, при этом он настойчиво просил меня одного идти домой, а не ожидать его.

Однако Пасечный, вопреки обещанию не дожидаться Топорковича, продолжал стоять час или полтора на пригорке, где они расстались, пока не увидел густой черный дым над тем местом, где был охотничий домик.

– Тут уж ждать Топорковича, – добавил Пасечный, – вообще не имело смысла, там он мог бы пристрелить и меня, чтобы не было свидетеля.

Московские друзья убитого рассказали, что Самойлов был не просто охотником, но еще являлся и судьей международного класса по стрельбе из огнестрельного оружия, поэтому с оружием и на охоте, и после нее он обращался очень осторожно. Этого же требовал и от других. Всегда, возвращаясь с охоты, перед тем как войти в населенный пункт, в охотничий домик или в палатку, он поворачивался спиной к населенному пункту или к месту отдыха, направлял ружье вверх и разряжал. Он никогда не оставлял ружье заряженным или с невычищенным стволом, как бы он себя ни чувствовал. Не мог он оставить ружье и у порога дома, он всегда его вешал над тем местом, где ложился спать, будь это дом или палатка. Это было его жизненным правилом, выработанным годами. Так что объяснения Топорковича о том, что Самойлов, придя после охоты, ружье оставил заряженным, с взведенным курком, у порога избушки, да еще и на ночь является вымыслом от начала и до конца.

Более тщательный допрос в суде свидетелей Уманова и Ветлухина, которые первыми оказались на месте пожара, показал, что протокол осмотра места происшествия, составленный следователем, мягко говоря, неточен. На месте пожара не было останков погибшего человека, как это было нарисовано в протоколе у следователя, труп сгорел весь без остатка. Однако в пепле и углях они обнаружили горку

костей черепа, ног и рук. Так могло быть, если бы человек сгорел не лежа, а стоя на ногах.

Пришлось вызывать в суд следователя и допрашивать его по этому поводу в качестве свидетеля. Оказалось, что Уманов и Ветлухин говорят правду, а следователь, по его словам, в протоколе осмотра места пожара отразил со слов свидетелей место, где ночевал Самойлов в охотничьем домике. Все эти неясные, с точки зрения здравого смысла, вопросы и были поставлены перед пожарно-технической экспертизой для заключения. Именно она расставила все точки над «i», устранила неясности. Отвечая на эти вопросы, эксперт категорически утверждал, что труп Самойлова мог сгореть без остатка, а кости погибшего оказаться в кучке только в случае, если он был расчленен, уложен в штабель вперемешку с дровами и облит большим количеством горючего вещества, например солярки. Если бы в этот костер попал рюкзак Самойлова, то дюралевое его основание тоже расплавилось бы. А поскольку рюкзак находился в стороне от костра, где температура при пожаре была значительно меньше, то дюраль не расплавился.

Суд с учетом полученных доказательств направил дело по обвинению Топорковича на дополнительное расследование, поставив вопрос о необходимости проверки данных личности обвиняемого и предъявления ему обвинения по статье Уголовного кодекса, предусматривавшей ответственность за умышленное убийство из корыстных побуждений. Выслушав определение суда, Топоркович, зло посмотрев на свидетеля Пасечного и обращаясь к нему, процедил сквозь зубы: «Сколько бы я ни отсидел, я все равно тебя, гнида, найду и раздавлю, как червяка».

При доследовании дела выяснилось, что настоящее имя Топорковича Леонид, а не Алексей и год рождения его 1920, а не 1930, как значилось в паспорте. В отношении Топорковича Леонида Марковича, 1920 года рождения, еще в 1944 году было возбуждено уголовное дело по обвинению в измене Родине и участии в расстреле партизан и многих мирных жителей в Белоруссии. Все эти годы он находился в розыске. Топоркович не стал ждать приговора суда, он повесился в тюрьме, сделав веревку из полосок одежды.

Портнов, получив эти сведения от органов следствия, направил Пасечному теплое письмо, поблагодарил его за честный поступок и просил не бояться угрозы Топорковича, который сам себе за свои злодеяния вынес смертный приговор и сам же привел его в исполнение. За инициативу в работе, умелое и грамотное рассмотрение сложного дела Кузнецов объявил приказом благодарность Портнову, и этот приказ был доведен до сведения всех судей края.

Руководство краевого суда того времени по итогам работы за год всегда проводило совещания и семинары со всеми судьями края, и каждый раз лучших председателей судов и народных судей награждали подарками. Обсуждая однажды вопрос, чем бы наградить одного из лучших председателей судов Тетерева, член суда Нина Трофимовна Галактионова сказала: «А вы знаете, в семье Тетерева только что появился на свет третий ребенок, давайте купим ему детскую коляску и комплект детского приданого». Предложение всем понравилось. И когда после совещания был зачитан приказ, а автор предложения выкатила в зал из совещательной комнаты коляску с горой детского приданого, у мужественного Тетерева на глазах появились слезы. «Дорогие товарищи, – сказал он, – честное слово, лучше работать я уже не могу, а вы таким вниманием ко мне побуждаете меня трудиться все больше и больше».

Валентин Михайлович Тетерев всю войну, будучи подростком, провел в блокадном Ленинграде и лишился там кистей обеих рук. Но это не помешало ему с отличием закончить юридический факультет Ленинградского госуниверситета и выбрать работу, где требовалось ежедневно писать от руки приговоры или решения. Он на это никогда не жаловался и на всю жизнь остался верен выбранному пути.

Спустя тридцать лет после тех событий, о которых идет речь, руководство Северореченского краевого суда пригласило как-то к себе в гости судей разных поколений, работавших в крае. Во время официального обеда заместитель председателя крайсуда Кухарева, находившаяся уже на заслуженном отдыхе, подошла к столу, за которым сидел председатель одного из областных судов средней полосы России, и, обращаясь к нему, сказала:

– Михаил Михайлович, ты уж извини меня, старого человека, за то, что я в свое время не щадила ни себя, ни вас, судей. Я ведь не забыла, как ты однажды от переутомления на работе упал в обморок.

– Нет, Зинаида Викторовна, мне Ваша школа работы помогала всю жизнь, а Ваше трудолюбие служило для меня примером, - ответил ей этот уважаемый и ставший известным всем судьям России юрист.

Другой судья, работавший в Северореченском краевом суде, впоследствии стал прокурором области, третий – начальником управления, членом коллегии Министерства юстиции РФ, четвертый – членом Верховного суда РФ. И эти люди не исключение, многие судебные работники Северореченского края стали заслуженными юристами Республики, имеют правительственные награды.

Кузнецов, принявший в этой встрече участие, порадовался тому, что существовавшие в суде традиции с успехом продолжают новые поколения судей. Сознание того, что в этом есть и частичка его труда, наполнило его сердце гордостью.

В советское время на бытовом уровне под «делами звонковыми», или «телефонным правом», имелось в виду вмешательство партийных органов в судебную деятельность.

В «Законе о судоустройстве» тех лет было записано, что судьи независимы и подчиняются только закону. Это означало, что никакое должностное лицо не имело права давать какие-либо установки судье, как следует рассмотреть ему то или иное дело. Но, к сожалению, такие факты в жизни встречались. Кузнецов, разбирая как-то очередную папку жалоб, поступивших на его имя, обратил внимание на письмо от учительницы Трудюлюбовой, которая работала в одной из районных школ края, написанное в «Учительскую газету». В письме она просила защитить от гонения райкома партии не ее, а председателя районного народного суда Лебедихина. В письме сообщалось, что Лебедихину райком партии объявил выговор за то, что суд восстановил ее на работе учителем.

«Невероятно, - подумал Кузнецов, - человека незаконно уволили с работы, суд разобрался в этом, восстановил справедливость, и вдруг вмешивается райком партии и выносит взыскание судье».

Кузнецов набирает номер телефона Лебедихина и без всякого предисловия задает ему вопрос:

- Тихон Петрович, скажи, пожалуйста, за что тебе недавно было объявлено партийное взыскание райкомом партии?

- Да так, ни за что, это результат очередного заскока в сознании нашего первого секретаря райкома партии Неря-

хина, ошалевшего от славы. Вы, видимо, знаете, что Неряхин за высокие надои молока в колхозах района в прошлом году был награжден орденом Ленина, а этот человек с заносами, его хвалить ни в коем случае нельзя, дуреет сразу и ни с чьим мнением не считается. Но потом, правда, отходчив. Я думаю, что он через какое-то время сам внесет предложение об отмене мне взыскания. Поэтому и жаловаться никуда не стал, – закончил Лебедихин.

– Как у тебя с делами на завтрашний или послезавтрашний день? – спросил Кузнецов.

– На завтра есть назначенные дела, – ответил Лебедихин, – а на послезавтра нет.

– Тихон Петрович, ты послезавтра возьми дело этой учительницы и подъезжай с ним ко мне, договорились?

– Владимир Владимирович, я очень бы Вас просил не поднимать этот вопрос, он решится сам собой, а так заведется этот Неряхин, ну, а мне же в районе с ним работать.

– Хорошо, – согласился Кузнецов, – давай договоримся на месте.

Положив телефонную трубку, Кузнецов долго раздумывал над тем, как ему поступить лучше. Если исходить только из интересов Лебедихина, то было бы разумнее никакого шума не поднимать, переговорить по телефону с Неряхиным, объяснить ему нелепость решения райкома партии, да еще в отношении председателя райнарсуда. Он, возможно, ответит, что зря погорячился, и взыскание с судьи будет снято. Но, с другой стороны, этот безобразный случай стоит того, чтобы обратиться с запиской в крайком КПСС, предать его гласности и предостеречь других руководящих работников партийных и советских органов края от вмешательства в судебную деятельность. А если будет какой-то нажим на Лебедихина после этого, то скоро перевыборы народных судов, и его можно будет перевести на работу в другой район или город края.

Второй вариант подхода к разрешению конфликта Кузнецову казался предпочтительнее. Но, решил он, все покажет дело учительницы Трудюбовой и объяснения Лебедихина. Как и договаривались, Лебедихин через день сидел с

делом учительницы у Кузнецова. Все оказалось так, как она писала в своем письме в «Учительскую газету».

Началось с того, что Неряхин решил убрать с должности председателя райисполкома Молчанова. Но просто так уволить человека, да еще с такой должности, нельзя, и он решил его перевести на должность директора средней школы. Там место было свободно, а Молчанов по образованию педагог, но почти ни дня по своей специальности не работал. После окончания пединститута он был сначала инструктором, затем завотделом и секретарем райкома комсомола. С этой должности он был избран председателем райисполкома и проработал несколько лет. Но дела у него шли неважно, не его это дело было. И вот Неряхин решил «посадить» его, как тогда говорили, на школу.

Трудолюбова работала заведующей учебной частью школы, работала давно, дело хорошо знала, была заслуженным учителем РСФСР. Поэтому Неряхин и решил, что при таком сильном завуче Молчанов школу потянет, будет там кем-то вроде завхоза. Но Трудолюбова, узнав о предстоящем назначении, заявила в райкоме партии, что Молчанов не может быть директором, если и дня не преподавал в школе, что вся тяжесть работы в школе при нем ляжет на нее, и предупредила, что с Молчановым в школе она завучем работать не будет, а останется простым преподавателем математики.

Неряхин не привык к тому, чтобы ему возражали, поэтому Трудолюбовой заявил: «Не будете работать завучем – мы вообще Вас из школы уволим». И уволили. Трудолюбова подала в суд иск. Неряхин предупредил Лебедихина: «Восстановишь на работе Трудолюбову – объявим тебе строгий выговор!» Вот и объявили.

Кузнецов, уступая просьбе Лебедихина, все же решил поговорить по телефону с Неряхиным. После обмена приветствиями Неряхин, догадываясь о причине звонка Кузнецова, сам первый пошел в атаку.

– Если Вы мне, товарищ Кузнецов, звоните по вопросу о партийном взыскании Лебедихину, то скажу сразу: напрасная трата времени. Пока в районе я секретарь, я не позволю никому, даже судье, устанавливать свои порядки.

– Николай Федорович, – перебил Неряхина Кузнецов, – порядок увольнения с работы и восстановления на работе регулируется не уставом партии, а Кодексом законов о труде. Так что здесь Вы присваиваете себе право, которое Вам не принадлежит.

Но Неряхин уже завелся, разразился целой лекцией, в которой были и такие слова:

– Что это такое, Лебедихин умудрился посадить на скамью подсудимых советскую власть района, да мы только за одно это могли его исключить из партии. Так что, товарищ Кузнецов, – заканчивая разговор, сказал Неряхин, – я в Ваши дела не лезу, не лезьте и Вы в мои, – и положил трубку.

– Ты извини меня, Тихон Петрович, – сказал Кузнецов, обращаясь к Лебедихину, – но я такого дурака, как Ваш первый секретарь райкома, встречаю впервые. Да, кстати, какую советскую власть Вы посадили на скамью подсудимых?

– Это он имел в виду председателя райисполкома, которого я вызвал в суд повесткой как ответчика по делу учительницы.

– Нет, видимо, нам с тобой не избежать продолжения этого разговора с Неряхиным в крайкоме партии, – сказал Кузнецов. – На всякий случай я для тебя зарезервирую место председателя суда в одном из районов г.Северореченска. Так что не отчаивайся, дорогой, и держись крепче. А дело Трудюбовой оставь мне, я с ним начну походы по кабинетам крайкома партии.

Ни завпарткомиссией, ни второй секретарь крайкома партии Павел Николаевич Парамонов не могли уломать Неряхина, и поэтому вопрос пришлось выносить на рассмотрение бюро крайкома. Целых два часа шло бюро крайкома по такому ясному вопросу, все хотели усовестить Неряхина, но ничего не вышло. Бюро крайкома вынуждено было объявить ему строгий выговор с занесением в учетную карточку. После заседания бюро первый секретарь крайкома Дьяконов бросил только одну фразу: «Бульдозер, ему место на стройке, а не в райкоме партии».

Действительно, на очередной партийной конференции, которая прошла примерно через год после заседания бюро,

Неряхин не был избран на партийную должность и перешел на работу преподавателем лесотехнического института в г. Северореченске.

Обещание о переводе Лебедихина в краевой центр Кузнецов сдержал. На должности председателя райнарсуда Лебедихин проработал до ухода на заслуженный отдых.

Конечно, звонки по нерассмотренным делам от городского и районного начальства бывали и в других судах края, но это совершенно не означает, что судами удовлетворялись просьбы всех звонивших, однако некоторые из них удовлетворялись. Но тут могла быть жалоба потерпевшего на мягкость приговора, и если обнаружится такое дело при ревизии суда, президиум крайсуда восстанавливал законность и справедливость по делу. Были, конечно, звонки и в краевой суд. Но чтобы краевой суд подвергался давлению со стороны партийных органов, этого в крае пока не было и прежде всего потому, что в Северореченском крае первым секретарем работал человек в высшей степени справедливый. Он лично в судебные дела никогда не вмешивался.

Однако примерно за год до отъезда Кузнецова из края в г. Северореченске произошло по тем временам чрезвычайное происшествие. Милиция установила, что в городе появились порнографические открытки и порнографические «художественные» произведения. Виновных нашли быстро. Ими оказались Писарев и Авдеев – два сына высокопоставленных работников края. Оба родителя были членами бюро крайкома партии. Да и сынки были неплохо пристроены: один был директором какого-то НИИ, а другой работал заведующим отделом краевого комитета по телевидению и радиовещанию.

Дома у подозреваемых при обыске нашли две сумки этой «блевотины», как говорили на бюро крайкома партии. Эти взрослые дети высокопоставленных лиц ездили в служебную командировку в Швецию, оттуда эти картинки и книжонки на русском языке и привезли. Директор НИИ дал своему подчиненному задание размножить это добро, но подчиненный перевыполнил задание и, кроме двух сумок порнографической литературы для начальства, отснял две

сумки этого добра для себя и стал потихоньку эти картинки и рассказы продавать. «Сделал бизнес», как сказали бы сейчас. А тогда это было преступление. Обоих сынков исключили из партии и арестовали. Народный суд рассмотрел это дело и определил одному из виновных два года, а другому – три года лишения свободы.

Второй секретарь крайкома партии Парамонов звонит Кузнецову, конечно, по просьбе родителей.

– Владимир Владимирович, посмотри, пожалуйста, сам это дело, кажется, жестковато подошел суд.

– Павел Николаевич, – ответил ему Кузнецов, – Вы же член бюро крайкома, сами исключили их из партии, сами сняли с работы, сами дали команду судить их, раздули эту историю и в печати, и по радио, и по телевидению. Коллективы по месту их работы направили в суд общественных обвинителей, вот и результат. По закону сделано судом все правильно, но если что-то смогу сделать, я сделаю и позволю Вам.

Это дело Кузнецов поручил рассматривать своему заместителю Александру Александровичу Ямову и передал ему весь разговор с Парамоновым. Судебная коллегия в этот приговор внесла изменения, меру наказания обоим осужденным определила условно, но с отбыванием ее на стройках народного хозяйства разнорабочими и поселением в местах, определяемых органами милиции.

Кузнецов об этом решении крайсуда сообщил Парамонову.

– Владимир Владимирович, – сказал в ответ Парамонов, – а нельзя ли убрать эти стройки химии, а оставить только два и три года лишения свободы условно?

– Убрать, Павел Николаевич, все можно, но я думаю, что сейчас делать этого нельзя. Пусть годик побудут в шкуре рабочего, это будет и для них и для других хорошим уроком. А через год принесут мне хорошие характеристики, дело актуальность к тому времени потеряет, я внесу протест в президиум крайсуда, и снизим тогда им наказание до отбытого.

На другом конце провода молчали, а через какое-то время слышались частые гудки.

На следующий день после этого разговора прокуратура края потребовала дело обвиняемых в порнографии. Не прошло и месяца, как дело вернулось из прокуратуры РСФСР с протестом, подписанным заместителем прокурора РСФСР, об исключении из этого приговора слов «о направлении осужденных на стройки химии». И сразу же Кузнецову позвонил прокурор края Арапов, поинтересовавшись, поступило ли это дело с протестом в крайсуд и когда оно будет назначено к слушанию. Кузнецов ответил, что дело поступило и если будут другие дела, то на очередное заседание президиума оно будет назначено.

Прокурор Арапов недавно появился в крае, после перевода Федорова в одну из областей средней полосы России. Арапов очень отличался от своего предшественника на этом посту. У Кузнецова с Федоровым позиции по многим вопросам совпадали, в частности они оба стремились не конфликтовать по делам, которые получали большую общественную огласку. Арапов, наоборот, всячески стремился заручиться поддержкой местной диаспоры, то есть не варягов, направленных центром на работу в край, а местных кадров. Вот и по делу о порнографии он после решения бюро крайкома партии подписал ордер на арест Писарева и Адамова, а потом, причем в выходной день, прислал свою автомашину со старшим следователем за матерью Адамова, которую отвезли в тюрьму, а следователь изменил Адамову и Писареву меру пресечения с ареста на личное поручительство родителей. На заседании президиума крайсуда, рассматривавшего протест зам. прокурора РСФСР, Арапов также повел себя двулично. Он в своей речи сказал, что и квалификация состава преступления, и мера наказания Адамову и Писареву определены судом совершенно правильно, но в протоколе заседания просил записать, что протест зам. прокурора РСФСР он поддерживает.

Президиум крайсуда единогласно отклонил протест, о чем в тот день Арапов сообщил Парамонову, прибавив при этом, что результат рассмотрения протеста мог быть и другим, если бы Кузнецов занял иную позицию. С тех пор Парамонов свое отношение к Кузнецову резко изменил, при

встречах старался его не замечать, а то и просто, чтобы не здороваться, отворачивался в сторону.

Недели через три после рассмотрения дела на заседании президиума крайсуда звонит Кузнецову секретарь исполкома райсовета Вяткин.

– Ты, Владимир Владимирович, в эту субботу собираешься пойти в группу здоровья?

– Да, хотел бы на недельку зарядиться энергией.

Помолчав с минуту, Вяткин продолжал:

– Владимир Владимирович, хоть ты мне и сосед, и друг хороший, но мне поручено тебе передать не совсем приятную просьбу.

– От кого? – спросил Кузнецов.

– От всей группы здоровья, – признался Вяткин. – Дело в том, что Парамонов каждый раз меня, как негласного старосту группы здоровья, спрашивает, будешь ли ты в этот раз на занятиях. Если я ему отвечаю, что будешь, он в группу здоровья не приходит. Я не знаю, что между вами произошло, но группа здоровья просит тебя приостановить пока свое членство. Для нас, ты сам понимаешь, потеря Парамонова дорогого стоит.

– Я Вас хорошо понял, – ответил Кузнецов, – больше ходить в группу здоровья я не буду.

Но это еще были цветочки, ягодки оказались впереди.

Звонит как-то Кузнецову заведующий административным отделом крайкома партии Мезенцев и говорит:

– Владимир Владимирович, ты можешь взять больничный лист?

– Зачем? – удивился Кузнецов.

– Я с тобой не шучу, – сказал Мезенцев, а говорю серьезно: если сможешь взять больничный лист, то иди и бери, потом звони мне.

– А когда мне выздоравливать? – пошутил Кузнецов.

– Я тебе скажу когда, – ответил Мезенцев и положил трубку.

Михаил Петрович Мезенцев был из числа местных кадров, он прошел в одном из северных районов края все ступеньки по партийной линии, и с должности первого секретаря райкома партии был взят на работу в крайком.

Это был наичестнейший и трудолюбивейший человек. Поскольку он не имел юридического образования, а занимался по долгу службы вопросами, касавшимися работников милиции, прокуратуры и суда, то все время чувствовал желание его подсидеть со стороны своего заместителя Упрямова, бывшего работника суда. Теперь, когда его от этого зама освободили, он вроде вздохнул полегче.

Кузнецов очень уважал Мезенцева и знал: раз он так ему советует, хотя и не говорит о причине, надо совет его выполнить. Поэтому он тут же пошел в спецполиклинику и сказал, что у него от переутомления снова началась бессонница и снова покалывает сердце. Находясь на больничном, Кузнецов под видом необходимости подписать сложные бумаги в суд ходил ежедневно, но для всех других дел его на работе не было. Секретарь всем отвечала, что Кузнецов не работает, он болен.

Недели через две снова позвонил Мезенцев, посоветовал «выздоровливать» и пригласил немедленно зайти к нему. Оказывается, Дьяконов только что вышел из отпуска и на очередное бюро назначен вопрос «О председателе краевого суда Кузнецове В. В.» Мезенцев познакомил его с проектом постановления бюро крайкома партии, где предлагалось объявить Кузнецову выговор с занесением в учетную карточку. Проект постановления завизировал Парамонов, другие секретари крайкома и Мезенцев тоже. Ранее проект уже выносился на заседание бюро крайкома партии, но с обсуждения был снят ввиду болезни Кузнецова. От души поблагодарив Мезенцева за дружескую поддержку, Кузнецов возвратился в суд, чтобы подготовиться к заседанию.

В проекте значилось, что Кузнецов несерьезно отнесся к подбору двух кандидатов в народные судьи двух районных судов. Несерьезность заключалась в том, что кандидаты только заканчивали юридический институт и никакого опыта юридической работы не имели. Со времени назначения Кузнецова на должность председателя краевого суда не только эти двое судей, упоминавшихся в проекте постановления крайкома партии, но почти и все остальные избранные в последние годы судьи были рекомендованы им к избранию сразу после окончания юридического института либо в пе-

риод прохождения ими преддипломной практики. Кандидатов на должности судей подбирал сам Кузнецов, выезжая для этого в юридические институты, преимущественно в Свердловский.

Каждому кандидату Кузнецов характеризовал условия жизни и работы, в том числе какая будет квартира и когда он ее получит. Кузнецов не скрывал от них, что условия работы судей в районах нелегкие, особенно из-за бездорожья весной и осенью. Не могла прельщать кандидатов в судьи и зарплата, она была почти в два раза ниже, чем у лесоруба. Ехали в край исключительно энтузиасты в надежде получить работу по душе. Молодые специалисты в короткий срок приобретали опыт и прекрасно работали, поэтому и быстро продвигались по должности как у себя в крае, так и в других областях, куда их охотно приглашали. Поэтому казалось странным, почему подбор двух последних кандидатов являлся «несерьезным». Просто Парамонову в тот момент нужен был повод для расправы с Кузнецовым за то, что тот проигнорировал его просьбу по делу о порнографии.

На заседании бюро, обсуждавшего персональное дело Кузнецова, ни одного желающего выступить не нашлось, «разорядся» только один «таракан», как называли Парамонова за глаза все, кто ему не симпатизировал. Такое прозвище Парамонов получил за тонкие длинные усы. Выслушав несколько его реплик против Кузнецова, Дьяконов, хорошо понимая, в чем дело, в заключение сказал: «Мы все с вами хорошо знаем Кузнецова как старательного и добросовестного работника. Конечно, было бы лучше, если бы он подбирал на вакантные должности судей уже подготовленных практиков, но у нас пока таких нет, а привозных нам не надо. У нас уже есть опыт, когда к нам едут из средней полосы, чтобы получить работу в прокуратуре или милиции, люди, на которых пробу ставить негде. Давайте лучше будем готовить свои кадры, и практику Кузнецова в этом плане я лично поддерживаю. Предлагаю ограничиться только обсуждением без каких-либо выводов».

Тут зашумели все члены бюро в знак согласия. «Эх, – подумал Кузнецов, – и трусы же вы порядочные, правду и

ту боитесь сказать вслух, как бы не навлечь на себя немилость, хоть и не первого, но все же секретаря крайкома партии. А что от вас ждать, если за правду надо будет бороться против первого секретаря? Промолчите, убежден, что промолчите, предадите ради мелких личных интересов и дело и товарища. Ведь не такой же была партия, – думал Кузнецов, – когда она боролась за власть, пришла к власти, когда она на крутых поворотах истории страны вела борьбу с настоящими врагами всех мастей. Пожалуй, и сейчас среди рядовых партийцев найдется много самоотверженных и честных людей, а вот верхушка партийная и на местах, и в центре ожирела, ей нужна лишь спокойная личная жизнь. Ради этого можно поступиться и совестью. Интересно, когда эта зараза проникла в руководящие ряды партии? При Сталине, Хрущеве или Брежневе?» Ответа на эти вопросы Кузнецов не находил.

Примерно через год после заседания бюро ему позволил заместитель министра юстиции СССР.

– Владимир Владимирович, – сказал он. – Вновь созданное Министерство юстиции СССР нуждается в опытных судебных работниках. Как ты отнесешься к тому, если тебе будет предложена соответствующая должность?

– Спасибо большое за доверие, – сказал Кузнецов. – Десять лет назад я отказался от работы в Москве для того, чтобы лучше узнать жизнь периферии и свои способности. Все это я теперь знаю и готов принять предложение.

Из Северореченска Кузнецов уезжал на работу в Москву поздней осенью. Было холодно, шел снег с дождем. Но несмотря на это, у вагона была толпа провожающих. Как только поезд тронулся, пожилая проводница спросила Кузнецова:

– Неужели у Вас здесь столько родственников?

– Да, – ответил Кузнецов, – меня провожало много людей, и все они мне родственники по духу. Я уехал, а атмосфера дружной, слаженной работы и вера в кристальную честность этих людей у меня осталась на всю жизнь.

Преемником Кузнецова был избран Александр Александрович Ямов, который после его отъезда возглавлял этот суд более двадцати лет. Он продолжил ту кадровую политику

ку, которая сложилась в суде. По образному выражению одного из руководящих работников Министерства юстиции РФ, Северореченский край стал как бы инкубатором кадров судебных работников. Многие выходцы из этого суда работали, а некоторые продолжают работать в судах и органах юстиции средней полосы России, в Верховном суде и Министерстве юстиции РФ. Они всегда с теплотой вспоминают суд, где приобрели опыт и знания, прошли школу человеческих отношений, прекрасных традиций, от которого получили путевку в жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ

А.Н. Ежов. ПРЕДИСЛОВИЕ	5
М.П. Соболев. НУЖНО ДОБИТЬСЯ, ЧТОБЫ В НАРОДЕ ГОВОРИЛИ: СУД – ЭТО ПРАВДА	6
M.G. Averin. THE JUDGES HAVE ALWAYS BEEN ENTHUSIASTIC ABOUT THEIR WORK	16
М.Г. Аверин. СУДЬИ ВСЕГДА БЫЛИ ЭНТУЗИАСТАМИ СВОЕГО ДЕЛА	17
V. Kleptsov. TO THE READER	24
В. Клепцов. К ЧИТАТЕЛЮ	25
Глава 1. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ВОЙНЫ	27
Глава 2. ВЫБОР ПУТИ	36
Глава 3. СИБИРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СУД	46
Глава 4. БЫТ И РАБОТА СУДЬИ	68
Глава 5. КАДРОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ	78
Глава 6. СУДЕБНАЯ РЕФОРМА	88
Глава 7. СУДЕБНАЯ ОШИБКА	98
Глава 8. ПОСЛЕДНИЙ ГОД РАБОТЫ В СИБИРИ	109
Глава 9. СЕВЕРОРЕЧЕНСКИЙ КРАЕВОЙ СУД	121
Глава 10. ЛЮДЕЙ СУДИТЬ – НЕ ДРОВА РУБИТЬ	150
Глава 11. СЛУЧАЙ НА РЫБАЛКЕ	166
Глава 12. ДЕЛА ЗВОНКОВЫЕ	178

Литературно-художественное издание

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КЛЕПЦОВ

ВРЕМЯ И СУДЬИ БЕЗ ГРИМА

Ответственный за выпуск И.А. Гагарина

Редактор Р.А. Терентьева

Корректор А.В. Королева

Компьютерная верстка В.С. Садаков

Компьютерный набор А.Г. Бодухин

Изд. лицензия ЛР № 090183 от 18.07.97.

Подписано в печать 19.12.2000.

Формат 60х84 $\frac{1}{16}$. Бумага писчая. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 11,16 Уч.-изд. л. 7,31 Тираж 1000 экз. Зак. № 2163.

Издательство международного «ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ».

163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, 43.

Тел./факс 237403, тел. 461909

e-mail: miuarh@mail.sts.ru

Отпечатано с оригинала-макета на издательско-полиграфическом предприятии
«Правда Севера», 163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.

**Издательство
международного ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ
(г. Архангельск)
сообщает**

Вышли в свет:

УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

1. *Ермилов В.Я.* Уголовный процесс. Часть особенная. Ярославль, 1999. 147 с.
2. *Ермилов В.Я.* Уголовный процесс. Часть общая. Архангельск, 1999. 80 с.
3. *Баринов А.В.* Судебно-медицинская, судебно-психиатрическая и судебно-психологическая экспертизы. Перечень вопросов. Архангельск, 2000. 68 с.

ЛЕКЦИИ

1. *Петровский В.Г.* Правовые, психологические и тактические основы задержания подозреваемых в осложненных условиях. Архангельск, 2000. 50 с.
2. *Шмонин А.В.* Уголовная ответственность за преступления в сфере обращения денег и ценных бумаг (ст. 185, 186, 187 УК РФ). Архангельск, 2000. 38 с.
3. *Шмонин А.В.* Уголовная ответственность за преступления в сфере предпринимательства (ст. 171, 171-1, 172 УК РФ). Архангельск, 2000. 48 с.
4. *Шмонин А.В.* Уголовно-правовая характеристика незаконного получения кредита (ст. 176 УК РФ). Архангельск, 2000. 32 с.
5. *Шмонин А.В.* Уголовно-правовая квалификация легализации (отмывания) денежных средств и иного имущества, полученных незаконным путем (ст. 174 УК РФ). Архангельск, 2000. 32 с.

Готовятся к печати:

1. *Петровский В.Г.* Уголовное право. Часть общая: Курс лекций. Архангельск, 2001. 100 с.
2. *Шмонин А.В.* Расследование преступлений, связанных с незаконным получением кредита: Монография. Архангельск, 2001. 250 с.